К. Ш. ХУСАИНОВ, М. Х. ЖУБАНОВА

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ - АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Институт языкознания им. А.Байтурсынова

К.Ш.Хусаинов, М.Х.Жубанова

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

АЛМАТЫ
"ҒЫЛЫМ"
1998

Ответственный редактор
доктор филологических наук
М.К.Исаев
Рецензенты
доктора филологических наук
А. Джунисбеков, З.М.Базарбаева

Хусаинов К.Ш., Жубанова М.Х. Проблемы фоносемантической деривации. - Алматы: Ғылым, 1998. - 156 с.

Монография посвящена сравнительно-типологическому исследованию таких вопросов теории звукоизобразительности, как принципы изучения связи формы и значения в слове, звукоподражания и части речи, количественная характеристика и этимология звукоизобразительных слов, структура и семантическая деривация английских и казахских звукоподражаний.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов вузов.

ISBN 5-628-02325-6

© Хусаинов К.Ш.,
Жубанова М.Х.,
1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Звукоизобразительная лексика самых различных языков мира к настоящему времени в той или иной степени изучена. Проведен ряд специальных исследований, в которых рассматриваются звукоподражательная и звукосимволическая системы конкретных языков, вопросы их классификации с подробным анализом языкового обозначения отдельных категорий звучания, их примарной мотивированности и постепенного перехода в разряд конвенциональных знаковых единиц, проблемы этимологической фоносемантики, фоносемантической типологии и т. д. Эти исследования способствовали дальнейшему развитию общей теории звукоизобразительности, более глубокому пониманию довольно сложного и разнопланового процесса развития языка, его фонетического строя, лексического фонда и семантической эволюции.

Вместе с тем, совершенно очевидно, что развитие теории звукоизобразительности невозможно без типологических исследований, без определения основных закономерностей универсального характера, свойственных данному явлению не только в одном языке, но, что особенно важно, на уровне нескольких неродственных языков и даже генетически отдаленных языковых семей.

В связи с этим для современного казахского языкознания и сопоставительной лингвистики вообще весьма актуальным представляется типологический подход к изучению особенностей проявления звукоизобразительности в лексической системе английского и казахского языков как представителей индоевропейской и тюркской языковых семей. Тем самым создается возможность преодоления традиционной методики разработки звукоизобразительной лексики, в соответствии с которой в казахском и других тюркских языках эти слова выделяются в качестве самостоятельной лексико-семантической группы, отличающейся от других слов и частей речи, но не объясняются в плане типологически универсальных или национально специфических свойств.

В данном исследовании впервые осуществляется попытка сравнительно-типологического исследования звукоподражательной лексики английского и казахского языков с привлечением в некоторых случаях фактических материалов по другим тюркским языкам, а также выяс-

няются потенциальные возможности данной категории слов в обогащении словарного состава.

При изучении и системном описании звукоподражательной лексики в генетически отдаленных языках основное внимание уделяется: анализу основных принципов исследования проблемы связи формы и содержания в звукоизобразительной лексике любого языка; определению места звукоподражаний в системе частей речи в современном языкознании; разработке основных положений фоносемантической этимологии; сравнительно-типологическому изучению структурных особенностей односложных звукоподражательных корней и основ в английском и казахском языках; выявлению закономерностей семантической деривации звукоподражательных слов в указанных языках.

Применяемые в работе сравнительно-типологический, фоносемантический, сравнительно-исторический и описательный методы анализа обусловлены как спецификой фактического материала, так и нетрадиционным подходом к разработке языковой проблемы.

Фактический материал исследования в виде звукоподражательных слов, их производных и частично звукообозначений в английском, казахском и некоторых других тюркских языках собран в основном из одноязычных и переводных словарей ("English-Russian Dictionary" by Prof. V.K. Muller: "Советская энциклопедия". М., 1969; "Oxford English-Russian Dictionary". М., 1984; "Merriam-Webster's Collegiat Dictionary". USA, 1993; "Қазақ тілінің түсндірме сөздігі": "Ғылым": В 10-ти т. Алма-Ата. 1974-1986; Кеңесбаев І. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алма-Ата, 1977), а также из художественных произведений, периодической печати и специальных работ по звукоизобразительности в разных языках (С.В. Воронин, А.М. Газов-Гинзберг, Н.И. Ашмарин, Г.Е. Корнилов, Н.К. Дмитриев, А.И. Искаков, Ш.Ш. Сарыбаев, Б.Ш. Катембаева, С.Р. Ибраев, К.Ш. Хусаинов и др.).

Структура исследования и основные выводы по главам явились результатом совместных обсуждений проблемы сравнительно-типологического изучения звукоизобразительности в разносистемных языках. Вместе с тем разделы "Звукосимволизм и методы его исследования", "Принципы классификации по частям речи", "Звукоподражания в тюркологии", "Количественная ха-

рактеристика", "Этимология и звукоизобразительность", "Опыт историко-морфологического анализа основы типа CVCC в тюркских языках", "Некоторые теоретические аспекты семантики производных" написаны в основном К.Ш.Хусаиновым, а разделы "Лексикализация звукоподражательных слов и проблемы происхождения языка", "Звукоподражания в западноевропейском языкознании", "Звукоподражания в русском языкознании", "Звукоподражания как часть речи", "Опыт фоносемантического анализа", "Семантическая деривация английских звукоподражаний", "Семантическая деривация тюркских звукоподражаний" - М.Х.Жубановой.

Авторы данной работы надеются, что результаты исследования будут способствовать дальнейшему развитию типологических исследований в области теории звукоизобразительности, новой интерпретации системы звуко- и образоподражания в казахском языкознании и тюркологии, более точному и адекватному пониманию места и роли звукоподражательных слов в обогащении лексики конкретных языков. Кроме того, как теоретические, так и фактические данные работы могут быть использованы в грамматиках тюркских и других языков, в лексикографической практике, при чтении спецкурсов по лексикологии, этимологии, фоносемантике, общей теории номинации и т.д.

В процессе написания и подготовки монографии к печати большую помощь своими советами и особенно замечаниями оказали специалисты Института языкознания им. А.Байтурсынова и вузов г.Алматы проф. Исаев М.К., Джунисбеков А., Уалиев Н. и Базарбаева З., за что авторы выражают им глубокую признательность.

ГЛАВА I

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ СВЯЗИ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ

Одной из самых интересных и дискусси ных проблем современного языкознания является проблема отношения между звуком и значением.

В середине века Д.Вестерман писал: "Отношение между звуком и значением в языках пытались установить часто, но не всегда успешно. Языкознание сопротивлялось подобным попыткам, подвергая их сомнению или вообще не признавая, так как усматривало в них дилетантство. Все это не мешает, однако, тому, что подобные отношения действительно существуют, и при определенных условиях можно это доказать".[1]

О том, что определение звукоизобразительной лексики, составляющей заметную часть словарного состава некоторых языков, в настоящее время является актуальной проблемой, констатирует ряд современных языковедов. При этом они утверждают, что "слова, содержание которых в той или иной мере совпадает с внешним обликом, с их звучанием, находятся на разных ступенях преобразования в знак, что делает реальным раскрытие "образных" этимологий многих знаковых слов и является одной из "опор" для попыток приблизиться к объяснению происхождения языка".[2]

История изучения звукоизобразительных слов в плане фоносемантики и ономатопеической теории происхождения языка достаточно подробно освещена в работах А.М.Газова-Гинзберга[3], С.В.Воронина[4],

---

[1] *Вестерман Д.* Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках // Африканское языкозн ие. М., 1963. С. 94.

[2] *Костомаров В.Г., Круглов Ю.Г., Накюбин Л.А., Парастаев А.Ф., Толстой Н.И., Щербак А.М.* Итоги и проблемы подготовки научных и научно-педагогиче их кадров по языкознанию в 1981-1985 гг. // Вопросы языкознани 1966. N5. С. 9.

[3] *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 4-12.

[4] *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982. С. 8-21.

Г.Е.Корнилова [5], К.Ш.Хусаинова[6] и ряда других авторов. В связи с этим мы не будем детально останавливаться на данном вопросе, а сосредоточим основное внимание на главных моментах, содержащих интерпретацию семантики звукоизобразительных слов, методики их исследования, а также попытаемся понять процесс перехода имитации естественного звука в разряд лексических единиц конкретных языков.

1.1. Лексикализация звукоподражаний и проблемы происхождения языка

Наличие связи звуков речи и слов со звуками природы подчеркивали еще философы древности [7], чей спор о произвольности/конвенциональности языкового знака разгорался и затухал на протяжении многих столетий и продолжается в наши дни. Правда, теперь этот спор ведется уже на другом уровне с привлечением богатого фактического материала ряда генетически отдаленных языков, экстралингвистических данных, результатов исследований по психологии, приматологии и другим наукам, основным объектом изучения которых являются человек и общество в целом.

В сравнении с умозрительными рассуждениями древних и средневековых философов Запада и Востока несколько оригинальное толкование природы звукоизображения как психолингвистического процесса, понимание сущности и механизма подражания в языке находим в работе В.Вундта, который еще в начале века писал: "... мы можем понимать под наименованием "звуковых жестов" мимические движения органов произношения, относящиеся по большей части к категории подражательных жестов и отличающиеся от других жестов только

---

[5] *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.С. 47-50.

[6] *Хусаинов К.Ш.* Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата , 1988. С. 20-27.

[7] См., напр.: *Погодин А.Л.* Язык как творчество // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1913. Т. 4. С. 366; *Тронский И.М.* Из истории античного языкознания // Советское языкознание. Л., 1936. Т. 2. С. 24; *Перельмутер И.А.* Платон // История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980. С. 149 и др.

тем, что с ними непосредственно соединяется голосовой звук, который получает вследствие мимического движения свою своеобразную артикуляцию и модуляцию. Таким образом, в этом случае звук представляет собой *соединение жеста со звуком,* причем последний (т.е. звук) определяется первым (т.е. жестом)"[8].

Гипотеза В.Вундта основана на непроизвольных жестах, сущность которых в инстинктивных движениях, возникающих в результате психического возбуждения. Для возникновения психического возбуждения, а значит и инстинктивного движения, образующего звуковой жест, необходимо наличие зрительно фиксируемого впечатления. В противном случае предполагается существование сформировавшейся психомоторной системы, регулирующей артикуляцию человека. Вместе с тем звукоподражательные слова в любом языке, передавая широкий спектр естественных звучаний, настолько неоднородны , что трудно предположить их создание на основе только зрительного или слухового восприятия.

Кроме того, как известно, "язык есть прежде всего слуховая система символов... поскольку он артикулируется, он вместе с тем и моторная система, но моторная сторона речи, совершенно очевидно, является вторичной для слушающего"[9].

В данном случае предполагается не начальный этап формирования языка, а наличие уже сформировавшейся системы. В связи с этим более логичным представляется следующий ход рассуждений относительно взаимосвязи моторной стороны речи, человеческого восприятия и появления языка: "Человек научился называть объект, поскольку у него вырабатываются ассоциации, например, между зрительным, акустическим и тактильным образом; к этому моменту эволюции фонационный аппарат сформировался уже настолько, что он может произвести звук, с помощью которого ассоциируется внутреннее переживание слияния поступающей по различным каналам информации; способность человека формировать интермодальные ассоциации способствует, таким образом, появлению языка"[10]

---

[8] *Wundt W.* Volkerpsychologie. Die Sprache. Leipzig, 1900. B. 1. S.321.

[9] *Сепир Э.* Язык. М.;Л., 1934. С. 15.

[10] *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1981. С. 80.

Согласно Н.И.Ашмарину, сохранение в языке более ранних форм подражательных слов обусловлено тем, что они произносятся с заметной "интенсивностью чувств, тем самым для исследователя они являются конкретным материалом для изучения начального периода языков". Подражательные слова произносятся более повышенным тоном, чем другие разряды слов, переходя в "части речи", они теряют высоту тона и произносятся так же, как и другие слова. Стремление живописать наблюдаемые явления в виде подбора соответственно звучащих слов, встречающихся в народном творчестве и в поэтических произведениях не только древних, но и новых народов, скорее указывает на живучесть подражаний, чем на их возникновение в более позднюю эпоху. В связи с этим он пишет: "Как и в каждом слове любого языка, в подражаниях - и особенно в них - всегда имеется налицо некоторый иррациональный ингредиент, вникнуть в сущность которого может только тот, кто, слыша слова народной речи, вместе с тем воспринимал соответствующие им живые впечатления от явлений внешней природы или от внутренних переживаний открывавшегося ему человеческого сердца. В современных нам европейских языках - я имею в виду литературные идиомы - мы находим для наших подражаний очень мало соответствий: европейские мимемы слишком малочисленны и потому нередко чересчур общи, ибо распространяют свой охват на безмерно широкие области явлений; в сравнении с мимемами приволжских языков они поражают нас своей расплывчатостью и отсутствием свежего колорита, который, однако, выявляется для исследователя только при ближайшем рассмотрении тех и других. Среди европейцев способность живописать все великое разнообразие природы сохранилась только у немногих избранников - ею владеют одни поэты. Здесь, на берегах Суры и Волги, каждый, кто не затолкан в житейской сумятице, не задавлен тяжким бременем невзгод и не утратил живительных связей с родною природой, является поэтом, который простыми средствами, созданными безымянным творчеством народных масс, рисует в звуках обыденной речи чудесно яркие образы многоликой и почти неуловимой жизни"[11].

---

[11] *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. С.40-41

Это эмоциональное заключение Н.И.Ашмарина относительно богатства речевого выражения в тюркских языках вполне созвучно с высказыванием его западноевропейского современника и коллеги Э.Сепира, который писал: "Многие первобытные языки обладают богатством форм и изобилием выразительных средств, намного превосходящими формальные и выразительные возможности языков современной цивилизации. Даже и в отношении инвентаря речи не искушенный в лингвистике человек должен быть готов к самым изумительным неожиданностям. Ходячее мнение о чрезмерной бедности речевого выражения, которая будто бы свойственна первобытным языкам,- попросту миф. Поч ; столь же характерно, как универсальность речи, ее, можно сказать, невероятное разнообразие. Те из нас, кто изучал языки французский или немецкий, или, еще лучше, латинский или греческий, знают, в сколь разнообразных формах может воплощаться мысль. Но ведь формальное отличие английского речевого канона от латинского относительно невелико по сравнению с тем, что мы знаем о более экзотических языках"[12].

Заключение Н.И.Ашмарина относительно количественного соотношения звукоизобразительных слов в тюркских и европейских языках, их соответствия в плане эмоциональности, экспрессивности в целом адекватно отражает существующую картину. При этом то, что он называет "расплывчатостью и отсутствием свежего колорита", объясняется сохранением большинства звукоизобразительных форм в западноевропейских языках в виде корня или основы существительных, глаголов, прилагательных и других частей речи, т.е. их субстантивированностью, вербализованностью и т.д. Впоследствии это было достаточно убедительно доказано целым рядом ученых на примере индоевропейских и других языков. В частности, А.Юханнессон из исторически выделимых 2200 общеиндоевропейских корней около 530 определяет как звукоизобразительные.[13]

Как рефлекторные, так и сопутствующие звуки, издаваемые голосовыми органами человека при различ-

---

[12] *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М.;Л., 1934. С.19.

[13] *Johannesson A.* Origin of language. Rejkjavik, 1949. P.32.

ных настроениях и биологических процессах (удивление, плач, смех, икание, еда, нюханье, храп и т.д.) послужили базой для образования особых мимем, которые Н.И.Ашмарин называет отпечаточными словами. Переходя в язык эти непроизвольные звукообразования преобразовались в ясно артикулируемые элементы отчасти и потому, что произвольное воспроизведение некоторых из них, например, звуков, возникающих при чихании, почти невозможно.

При изучении отдельных мимем, по его мнению, необходимо всегда иметь в виду те изменения, которым они могли подвергаться с течением времени под влиянием различных элементов языка и процессов его исторического развития.

Этапы происхождения языка Н.И.Ашмарин сравнивает с процессом развития речи у ребенка, который сначала накопляет необходимые звуковые запасы, и лишь затем у него вырабатывается вполне осмысленная речь. Аналогично этому первобытный человек сначала должен был пережить период так называемого "гуленья" и только потом накопившимся звуковым материалом мог выразить впечатления от внешнего мира.

Наиболее ранними подражаниями были те, которые возникли на основе симпатических движений. Потом, благодаря постоянным упражнениям, человек настолько развил подвижность речевого аппарата, что издавание различных звуков и их сочетаний уже могло служить ему даже некоторой потребностью. Для того чтобы подражать, по Ашмарину, нужно было иметь умение, привычку к разнообразному комбинированию звуков.

На возможность влияния звуков природы на процесс формирования человеческой речи обращают наше внимание и современные философы. Так А.Г.Спиркин, говоря об исходном материале речи, механизме образования связи между звуками и образами, специально останавливается на вопросе об условиях создания языка. В связи с этим он считает, что "унаследованные от животных предков звуки и послужили основным материалом, биологической предпосылкой формирования звуковой речи человека. Признавая генетическую связь между человеком и животными мы вообще не можем себе представить иного источника звукового материала. Вторым, дополнительным источником возникновения звукового материала для формирования и дальнейшего развития

речи послужили многочисленные звуки других животных, а также звуки природы, которым не могли не подражать первобытные люди, обладавшие, по всей вероятности, вообще более высоко развитыми способностями к подражанию, чем это имеет место у животных, в особенности у обезьян. И, наконец, третьим источником уже развития звукового материала речи послужили всевозможные видоизменения наличных звуков".[14]

В большинстве работ, посвященных исследованию законов звукоизобразительности, просто указывается на сходство того или иного звука речи с каким-либо природным звуком и не делается попыток объяснить, почему это сходство является не результатом субъективного восприятия человека, а объективным фактом; говорится о звукоизобразительных свойствах отдельных фонем, тогда как почти каждое звукоизображение представляет собой целый комплекс звуков.

Чтобы избежать субъективизма, зависимости от лексико-семантической системы родного языка, достичь по возможности полной объективности при определении связи формы и значения в случае с звукоизобразительными словами, в последние десятилетия стали проводиться сопоставительные исследования данного явления на уровне не только неродственных языков, но и разных языковых семей: семитской, индоевропейской, тюркской и малайско-полинезийской с привлечением большого количества фактов из других языков, в частности японского.[15]

При этом вполне логично, что в данном случае необходимо было как можно шире охватить весь накопленный фактический материал, сопоставить его на уровне семантически тождественных единиц, корректно выделить корни звукоизобразительных образований с учетом возможных фонетических изменений в процессе длительного исторического развития и связанных с ним

---

[14] *Спиркин А.Г.* Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык. М., 1957. С.27.

[15] См.: *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965; *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982; *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984; *Хусаинов К. Ш.* Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата, 1988 и др.

возможностей конкретных языков в плане звукоизображения, близкого к реальному.

Результаты сопоставительных исследований показали, что первичная звукоизобразительность могла иметь такие истоки, как воспроизведение естественных, физиологических звуковых процессов, производимых человеком, аффективных выкриков, подражание природным звукам, озвучивание подражательных жестов, симпатических движений и лепетные слова.

Звукоизобразительным, или естественным, праязыком человечества можно назвать те первичные зачатки языка человеческого, которые были основаны на естественной, от природной, единственно возможной связи звука со смыслом, и, следовательно, были еще общими для существовавших тогда представителей человечества.

Формирование и развитие звукоизобразительного слова возможно происходило в такой последовательности трансформаций, при которой устная бесфонемная имитация основывалась на естественном объекте, в свою очередь устная бесфонемная имитация переходила в звукоизобразительное слово. При этом развитие форм, относящихся к "внутренним" и "внешним" звукоизображениям, существенно различается, так как для первых на начальном уровне трансформации имитацией естественного звука, производимого человеческим ртом или носом, является, в сущности, его намеренное повторение, воспроизведение, частично видоизмененное в плане натуральности.

В случае с "внешними" звукоизображениями сходство звуков основано на определенных физических законах, в соответствии с которыми наиболее сходные звуки производятся сходными предметами и веществами, совершающими сходные движения. Вследствие этого при удачной имитации органы речи, как правило, бессознательно производят действие, по возможности более сходное с производящим имитируемый звук действием. Такую имитацию в какой-то мере можно считать подражательным жестом.

Имитация голосов животных, по мнению А.М.Газова-Гинзберга, стоит между "внутренним" и "внешним" звукоизображением, так как в этом случае человек имитирует внешний звук, но благодаря определенному сходству анатомического строения человека и

животных он может делать это при помощи звуков, весьма близких к собственным "естественным звукам".[16]

При превращении же бесфонемной имитации в слова, т.е. на втором уровне трансформации, наибольшее звуковое сходство достигается за счет того, что фонематический состав слова по своей артикуляции в определенной степени приближается к артикуляции бесфонемной имитации. Сложности в этом случае заключаются в том, что фонематический и фонетический состав речи не охватывает всех звуков, способных произносить речевой аппарат. Это особенно касается "щелкающих" артикуляций, которые в подавляющем большинстве языков мира фонетически не отражены.

Вполне возможно, что многие древнейшие звукоизобразительные корни появились в дофонематическую эпоху формирования языка и оказывали влияние на становление фонематической системы языка. В начальный период образования фонематической системы и при дальнейшем ее развитии в соответствии с законом языковой экономии разложение слов на фонемы произошло не ранее, чем был накоплен основной словарный запас, состоящий не менее чем из нескольких сотен корневых слов.

В процессе исторического развития фонетический состав языка претерпевает различные количественные и качественные изменения, что в значительной степени влияет на его способность к адекватному отражению устной имитации в слове.

Вместе с тем наличие в языке междометных звукоизображений, не вполне подчинившихся фонематическому строю конкретного языка, в некоторых случаях указывает на их возрастную разницу, степень адаптированности и одновременно на сохранение естественной связи между звуковой оболочкой и внутренним содержанием звукоизобразительных образований.

Довольно часто в языке употребляются несколько в определенной степени сходных звукоизобразительных слов, обозначающих одно и то же явление. При этом замечено: чем больше расходятся между собой такие варианты в одном языке, тем больше расхождений в изобра-

---

[16] *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 26-28.

жении данного звукового объекта в различных языках. Данное обстоятельство объясняется несколькими причинами. Прежде всего сам объект звукоизображения может иметь значительные вариации при определенной физической и функциональной общности. Так, две разновидности свиста в немецком языке передаются глаголами *pfeif-en* и *zisch-en,* кроме того, первый служит основным обозначением свиста вообще. В еврейском изображающий свист корень *srk* является основным обозначением свиста вообще, а общесемитский корень *spr* аналогично русскому *свистеть* изображает язычный свист, но с участием губ.[17]

Англ. *whistle* и каз. *ысқыр*, кирг. *ышқыр*, тат. *ыжгыр*, алт. *сыгыр*, к.-калп. *сызгыр*, чув. *шахар* при общности значения в звукоизобразительном плане отражают передачу двух разновидностей свиста.

С другой стороны, при переходе от имитации к слову один и тот же природный звук может быть в той или иной степени удачно отражен разными, но в чем-то сходными фонемами. По наблюдениям А.М.Газова-Гинзберга, при изображении взрыва, звука лопающегося твердого предмета в семитских и других языках из губных возможно употребление только *p, b;* при изображении дуновения ртом - все губные неназализованные и не имеющие постоянного дифференциального признака звонкости - *p/f, w.*

Сопоставительный анализ языков, проведенный названным автором в плане их способности к речевой звукоизобразительности, показал, что современный китайский язык является едва ли не самым непригодным к объективному звукоизображению, так как все корневые слова в нем построены по строгой фонологической схеме: согласная фонема + гласная + дифтонг /+*n*/. Основным препятствием к правильной звукоизобразительности является здесь отсутствие конечных согласных /кроме *n*/. Сходную картину представляет бурятский, где невозможны глухие согласные в конце слова, и ряд бушменоготтентотских языков. Вместе с тем эти языки широко используют для звукоизображения "щелкающие" фонемы.

---

[17] *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 30.

В фонетическом отношении семитские языки имеют одну отличительную особенность, заключающуюся в том, что их корни состоят только из согласных /включая полугласные/ фонем. Кроме того, в этих языках имеется ряд горловых фонем, отсутствующих в большинстве других языков, а также количество корневых согласных в сравнении с другими языками значительно больше.

Отсутствие гласных фонем в корне хоть и несколько преуменьшает возможности звукоизобразительности, но не в такой степени, чтобы значительно принизить их способности в отношении передачи звуков природы языковыми средствами. Причиной тому служат, во-первых, небольшое количество естественных звуковых объектов чистого музыкального тона, во-вторых, использование других артикуляторных способов их дифференциации.

Сделанные А.М.Газовым-Гинзбергом выводы очень интересны и достаточно аргументированы прежде всего вследствии сопоставительного анализа нескольких языков, относящихся к генетически разным языковым семьям, что исключает возможность непосредственного взаимовлияния и заимствования исследуемых форм в течение продолжительного исторического периода. При этом необходимо признать: ученый одним из первых привлек к сопоставительному изучению проблемы звукоизобразительности такое большое количество типологически и генетически разных языков.

Вопреки выводам своих предшественников, согласно которым звукоизобразительные слова представляли собой прежде нечто хаотическое и только потом расчленились на отдельные артикулированные звуки, Г.Е. Корнилов считает, что нельзя механически сопоставлять составы слов современных частей речи, т.к. если современное слово-имитатив состоит из звуков-фонем, имеющих смысловыразительное значение, то подражание-имитатив, функционально равняясь односоставному предложению, распадается на относительно самостоятельные идеофоны, главная функция которых - смысловыражение. Следовательно, согласно этой теории, фонема и идеофон материально, количественно равны, но отличаются функционально.

Как и большинство других исследователей, автор считает, что имитативы, положив начало человеческой

речи, затем постепенно отошли на задний план.[18] На стадии письменных литературных языков древности их употребление было ограничено рамками отдельных стилей и впоследствии резко уменьшилось не только в литературном языке, но и в разговорной речи. Вместе с тем большое количество имитативов сохраняется в составе производящих корней обычных современных слов. При этом происхождение составляющих их фонем зачастую не воспринимается в звукоизобразительном плане и может быть установлено лишь в результате сравнительно-исторического исследования.

Исходя из того, что даже в высокоразвитом животном мире, как правило, имеет место коммуникация посредством звуковой сигнализации, историю развития человеческого языка/человеческой речи Г.Е.Корнилов делит на четыре качественно различных этапа: 1) доимитативный (когда звуковая сигнализация была в той или иной степени аналогичной обезьяньей); 2) имитативный (отразился позднее в пределах собственного имитативного фонда современных языков, при этом фонетическая самобытность подражательных слов в национальных языках - явление наиболее древнее); 3) постимитативный (документально известен начиная с "самых древних" образцов письменной речи, продолжается по сей день); 4) так называемый неизвестно будущий (предельно формализованный и чем-то похожий на язык /метаязык/ науки).

Первый этап, по мнению автора, для непосредственного изучения уже абсолютно недоступен, а косвенное его изучение осуществляется через познание коммуникативных систем современных высокоразвитых приматов.[19] Изучение второго и третьего этапов возмож-

---

[18] См., напр.: *Койбаева Т.Х.* Звукосимволическая лексика английского и осетинского языков (Опыт фоносемантической типологии): АКД. Л., 1987. С. 3, где звукосимволическая лексика названных языков рассматривается как маргинальная.

[19] Ср. в этой связи позицию Ж. Вандриеса: "Языковеды изучают как устные, так и письменные языки. Они изучают их историю, пользуясь наиболее древними документами, имеющимися на этих языках. Но в какие бы древние времена ни проникал исследователь, он всегда имеет дело только с языками уже высоко развитыми, имеющими за собой большое прошлое, о котором мы ничего не знаем. Мысль о том, что путем сравнения существуюших языков можно восстановить пер-

но на основе не в первоначальном виде унаследованных живых имитативов и доступных для непосредственного ознакомления фактов современных живых и письменно зафиксированных мертвых языков.

В процессе взаимодействия выделившихся языков, накопления заимствований, отличавшихся меньшей прозрачностью, а то и полной затемненностью структуры, расширение, углубление и постепенная абсолютизация практики произвольного использования непроизвольных по своему происхождению звуков и звукосочетаний, как считает автор, привели к тому, что оппозиция "наследуемые имитативы - заимствованные имитативы" уступила свое место новому противопоставлению - "имитативы - антиимитативы". В современных языках унаследованные или вновь создаваемые подражания воспринимаются уже не как противопоставление антиимитативной номенклатуре и антиимитативному строю речи, а лишь как особая категория слов, что-то вроде слов особой части речи, необходимых в отдельных, вполне определенных ситуациях и стилях, как вынужденное дополнение к более обычным и "более приличным" способам передачи чувств и мыслей.

Подражания звучащим объектам, по мнению автора, всегда были в человеческом языке не только образами последних. Имитатив передает фактически не эмоциональный выкрик и не крик животного непосредственно, а конкретное человеческое представление об этом выкрике или крике и т.п. Если между имитативом и реальным акустическим эффектом отсутствует представление в качестве посредствующего звена, то имитатив трудно признать фактом языка/речи, а следует рассматривать скорее как одно из проявлений инстинкта, именно в том плане, в каком проявляется данное явление у скворца или попугая. Вместе с тем вряд ли возможно выделить такой, пусть самый ранний, отрезок истории первобытной речи, когда в ней были представлены исключительно подражания звучащим объектам; по меньшей мере подражания огню, солнцу, молнии, бликам и другим световым эффектам, а также основным видам движений и состояний не могли не быть с самого начала.

вичный язык, - химера". См.: *Вандриес Ж.* Язык /лингвистическое введение в историю/. М., 1937. С. 19.

Г.Е.Корнилов не исключает возможности массового происхождения конкретных образоподражательных имитативов как от звукоподражательных непосредственно, так и в особенности по образцу последних, при этом он считает необходимым учитывать, что все возможные разряды имитативов сформировались не одновременно, общий инвентарь имитативов в первобытных говорах и наречиях формировался постепенно, обогащался, уточнялся, что-то безвозвратно терял.

Под понятием 'имитатив' автор имеет в виду "не условное воспроизведение звуков природы, а также не создание слов, звуковые оболочки которых в той или иной степени напоминают называемые /обозначаемые/ предметы и явления, а речь, представляющую собой подражания звукам, процессам, движениям; световым, цветовым, статическим и иным явлениям и качествам окружающей действительности с помощью звуков... Имитативы состоят из идеофонов, также выражающих единицу смысла; если в современных постимитативных языках имитативы низведены до статуса слов одной из частей речи, то в предыдущую, имитативную эпоху это были единственно возможные максимальные отрезки речи, несущие в себе зародышные состояния категорий предикативности, модальности и времени" [20].

В соответствии с обобщенным пониманием сущности звукоизобразительных форм "имитатив - это и музыкальный образ, включающий в себя понятие о характерном признаке/свойстве/качестве отображаемого; это результат мысленного и художественно-эмоционального восприятия объекта или явления одновременно" [21].

В историческом плане имитатив является фактом первобытного творчества и из него позднее возникли, как считает автор, такие самостоятельные элементы, как: 1) ритм, положенный в основу относительно изолированных от речи музыкальных мелодий; 2) воспринимаемая зрением характерная деталь явления или объекта, положенная в основу почти полностью изолировавшейся от речи живописи; 3) эмоциональная окраска слова, положенная в основу поэтического творчества и прозаи-

---

[20] *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. С. 60-61.

[21] Там же. С. 60.

ческой стилизации и не позволяющая модернистам реализовать их планы машинного перевода с языка на язык; 4) чистое понятие/чистый смысл, положенный в основу логических умозаключений представителями конкретных наук и философии; 5) звуковые комплексы вторичных имитативов и производных имен, глаголов, служебных элементов и т.п., положенных в основу синтаксически нормативного постимитативного языка, характеризующего этнополитические единицы, подобные современным племенам, народностям и нациям.

Обобщая свои рассуждения относительно исследуемого языкового явления, автор заключает, что с изучения имитативов следует начинать не только попытки решения проблем глоттогенеза, но также и исследования в области истоков музыки, живописи, поэзии, философии.

Языковеды, не признающие гипотезу об изобразительных истоках человеческой речи вообще, по Корнилову, представляют собой ученых, ограниченно воспринимающих языковую действительность. Их объектом обычно являются либо только литературные "стандарты", либо диалекты одного языка, или группы родственных языков и т.д. Во всяком случае их не интересуют историческая структура корня и история формирования корнеслова в конкретных семьях языков и в человеческой речи вообще, ни один из них никогда не занимался и не собирается заняться поиском, сбором, анализом, систематизацией, сравнительно-сопоставительным, сравнительно-типологическим и сравнительно-историческим изучением имитативов и их производных.

"Компаративисты, - убежден Г.Е.Корнилов, - сближают только цельнооформленные слова, их не интересует история вообще, а занимает история конкретных языков. При этом не учитывается, что история отдельного языка в ретроспективе предельна и каждое слово имеет свое время возникновения и свою историю употребления и распространения, поэтому антиисторично восстановление архетипов для всех слов отдельного языка/семьи языков в единый хронологический срез так называемого праязыка. Ретроспективный выход за хронологические пределы новых языков современных и былых народов должен иметь своей целью не бесконечное реконструирование архетипов инвентаризованных на сегодня лексико-грамматических единиц, а восстановление

давно изжитого качественно иного состояния речи вообще."[22]

По его предположению, в каждом конкретном, живом или мертвом, современном или древнем языке представлены как хронологически, так и генетически разнородные имитативы, образованные по древним формулам еще в первобытную эпоху, а также - по тем же формулам - в более позднее время и древние звукокомплексы, состав, последовательность и характер артикуляции которых претерпели существенные изменения, то есть древние образования, переделанные по новым образцам и моделям. Поэтому при хронологической оценке имитативного фонда данного языка необходимо избегать слишком категоричных, специально не аргументированных выводов и заявлений. При этом следует различать древность звукового/идеофонного состава имитатива и древность формулы, по которой он образован, так как за обновленной звуковой оболочкой может скрываться исключительной древности ритмический рисунок. Точно также весьма древний имитатив, вследствие фонетических преобразований или ложноэтимологических переосмыслений, может модернизировать свой ритмический рисунок, морфологический тип.

"Происхождение корня производного слова (слова основного словарного фонда в первую очередь) относится к эпохе до образования былых и современных национальных языков, уже по одной этой причине (в отличие от цельнооформленного слова) корень может быть рассмотрен не только в рамках отдельного языка, не только в рамках группы близкородственных или семьи дальнеродственных языков, но и вообще, вне всяких рамок и ограничений, как дошедший до нас в законсервированном виде факт той или иной степени первобытного творчества."[23]

С точки зрения Г.Е.Корнилова, первичный корень, как правило, не допускает дальнейшего членения

---

[22] *Корнилов Г.Е.* Некоторые новые аспекты подготовки и интерпретации исходных данных для решения проблем урало-алтаистики // Советско-венгерское совещание по урало-алтаистике. ИИФФ СО АН СССР. Новосибирск, 1981. С.4.

[23] *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. С.181.

на словообразовательные компоненты, поскольку он не является и никогда не был словом, то есть лексической единицей в современном понимании. В соответствии с его теорией корень по происхождению является имитативом, что функционально равнозначно современному предложению, то есть атрибутивно-предикативной синтагме. При этом звуки, составляющие первичный корень, по происхождению являются не фонемами, а идеофонами, функционально равнозначными современному слову.

Первичные корни современных и древних языков, по мнению автора, являют собой фонетически в разной степени деформированные, функционально переосмысленные "окаменелости", дошедшие до нас от эпохи качественно иного состояния человеческой речи. Их изучение - задача самостоятельного раздела языкознания - имитативики. Теория имитативов как наука не противостоит традиционному сравнительно-историческому языкознанию и не призвана заменить его, она только дополняет его, разграничив объекты исследования. Хронологически имитативику интересует этап, предшествующий периоду, исследуемому компаративистикой. Чтобы дать полную этимологию слова, слова вообще, и тюркско-финно-угорского в частности, следует выяснить, к какому первичному поливалентному имитативу, сохранившемуся в том или ином диалекте, данное слово восходит. Все иные интерпретации, по мнению автора, с этой точки зрения следует считать или ложными, или не доведенными до логического конца.

Анализируя исследование Г.Е.Корнилова, посвященное явлению звукоизобразительности, Н.А.Баскаков обращает внимание на то, что, согласно имитативике, "мимемы-имитативы передают не только и не столько звучание объектов внешнего и внутреннего мира, сколько ритмику действий, движений и состояний, включая и имитацию отсутствия тех или иных свойств и качеств.[24] В связи с этим общепринятый термин звукоподражание не передает существа всего круга исследуемых явлений, а наоборот, уводит в сторону ложного и поверхностного

---

[24] Непонятно, как можно имитировать отсутствующие свойства и качества, если идеофон непосредственно связан с денотатом, выраженным различными звуками, движениями, формами, свойствами, качествами и т.д. - *Ж.М.*

понимания языковой имитации, якобы заключающейся лишь в передаче с помощью языковой артикуляции различных звучаний. Введенный Г.Е.Корниловым термин 'имитатив' (в дополнение и вместо старых: подражание, мимема, изобразительное слово и т.д.) несколько расширяет значение прежнего термина - мимема".[25]

При этом, по мнению Н.А.Баскакова, автору следовало бы пояснить сложность содержания понятия "имитатив", включающего две различные категории ономатопоэтических слов, а также шире представить систему их словообразования, сохраняющую вместе с тем специфику подражательных слов.

Исследование Г.Е.Корнилова является продолжением разработок звукоизобразительной теории Н.И.Ашмарина и А.М.Газова-Гинзберга, как бы возрождением частично забытого труда первого из предшественников и более углубленного изучения проблемы в соответствии со структурой работы последнего. При этом очень важно отметить, что Г.Е.Корнилов в значительной степени дополнил фактический материал звукоизобразительными лексическими данными ряда тюркских языков, особенно из чувашского, пытаясь обнаружить звукоизобразительные формы в древнейших пластах современных языков, в ряде случаев осуществил сравнительно-исторический и этимологический анализ корневых образований на уровне ностратической языковой общности, сделал ряд интересных заключений относительно семантического статуса и исторических особенностей функционирования звукоизобразительных слов.

Понимание автором изначальных истоков мимемы и ее значения для происхождения языка, различных видов искусства предельно широкое, интерпретация этапов развития языка в свете имитативики весьма категоричная.

Едва ли можно согласиться с мнением о существовании так называемого имитативного периода в развитии языка. Вероятнее всего, являясь основой для примарной мотивированности, звукоизобразительные формы в процессе становления средством коммуникации не все сразу, а частично, постепенно приобретали свойства зна-

---

[25] *Баскаков Н.А.* Предисловие // *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. С. 4.

ковости и функционировали параллельно с образованиями, не утратившими естественной связи звука со значением. Другими словами, история развития каждого звукоизобразительного слова имеет свой индивидуальный в хронологическом отношении характер, свою специфику перехода от неконвенционального к конвенциональному, от аффективного к интеллектуальному.

Развитие теории звукоизобразительности Г.Е.Корнилов видит прежде всего в проникновении в древнейшие пласты лексики, нахождении общего имитативного начала или хотя бы по возможности в большем приближении к нему.

Особо выделив функцию идеофонемы, семантическую дифференциацию он проводит аналогично тому, как это делали вышеназванные предшественники Г.Е.Корнилова, причиной чему, очевидно, послужила основная направленность его поисков, а именно историко-этимологическая в рамках теории звукоизобразительности, а также большее увлечение идеей звукоизбразительного происхождения языка, чем поиском разнообразия, объективности методов анализа существующих фактов.

Не имеет место в исследовании ученого и четкое разграничение, противопоставление звукоподражательной и звукосимволической подсистем, последовательно выделенных в специальных работах по отдельным языкам и особенно в монографии С.В.Воронина.[26]

1.2. Звукосимволизм и методы его изучения

Сопоставляя исследования звукоизобразительных слов, можно прийти к определенному выводу о том, что специальные наблюдения на материале одного или нескольких языков чаще всего вызывают сомнения относительно возможности закономерной связи звукового оформления слова с его содержанием, в то время как сопоставительный анализ звукоизобразительных образований ряда неродственных языков дает интересные резуль-

---

[26] См.: *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1981. По непонятной нам причине Г.Е.Корнилов в своей работе совершенно не учитывает выводы и наблюдения С.В.Воронина, его значительный вклад в развитие теории звукоизобразительности.

таты, способствующие становлению и развитию теории звукоизобразительности.

Данная закономерность особенно четко наблюдается при изучении звукосимволической подсистемы языка, отличающейся от звукоподражательной подсистемы иными признаками денотата, выделяемыми различными путями чувственного восприятия.

В тюркологии классификация звукоизобразительной лексики на звукоподражательную и образоподражательную, как известно, не способствовала более глубокому изучению явления звукосимволизма, в то время как в индоевропеистике, наоборот, основное внимание уделялось связи формы и содержания слова во всех ее проявлениях, особенно в плане звукосимволического выражения.

Первые экспериментальные исследования ряда английских слов и искусственно созданных звукосочетаний показали, что многие гласные и согласные данного языка релевантны в плане выражения определенных абстрактных понятий, например, для передачи таких значений, как 'большой' - 'маленький'.[27]

В результате сопоставительных экспериментальных исследований гласных и согласных английского и японского языков было определено сходство ассоциации англоязычными американцами и не владеющими английским языком японцами одних и тех же звуков речи с понятиями 'приятный' - 'неприятный', 'слабый' - 'сильный', 'маленький' - 'большой'.[28]

В отношении последних двух понятий аналогичные результаты были получены и на материале 28 различных языков: русского, болгарского, польского, английского, немецкого, датского, французского, испанского, румынского, литовского, латышского, хинди, таджикского, осетинского, турецкого, узбекского, казахского, финского, венгерского, удмуртского, индонезийского,

---

[27] *Sapir E.* A study in phonetic symbolism // Journal of experimental Psychology. 1929. V. 12. P. 225-239; *Jespersen O.* Symbolic value of the vowel *i* // *Jespersen O.* Linguistica. Copenhagen, 1933. P. 225-239; *Newman S.* Further experiments in phonetic symbolism // American journal of psychology. 1933. V. 45. P. 36-45.

[28] *Miron M.* A cross-linguistic investigation of phonetic symbolism // Journal of abnormal and social Psychology. 1961. V. 62. P. 623-630.

китайского, корейского, лезгинского, ненецкого, тамильского, эвенкийского и японского, позволившие сделать вывод, что звуковой символизм по шкале размера носит универсальный характер, основанный на физических свойствах звуков.[29]

Так называемый субъективный звуковой символизм Е.А.Гурджиева определяет как статистически доказанный семантический коррелят звуков, как значение, с которым говорящие связывают то или иное звучание.[30]

Оригинальную методику исследования проблемы звукоизобразительности применил А.П.Журавлев, рассмотревший символику звуков речи как один из видов значения языкового знака, не исключая общего всеобщий принцип детерминированности и основанного на соответствии символико-содержательного аспекта звуковой формы слова его понятийному значению. Поскольку этот аспект значения представляет собой содержательность языковой формы на фонетическом уровне, автор назвал его фонетическим значением /несомненно, в данном случае определенное влияние оказал и ранее сформировавшийся термин "фонетическая мотивированность" - *Ж.М.*/

В теории звукоизобразительности звукосимволизм занимает особое место в связи со сложностью выявления отношений между фонетической формой и значением слова. Собственно сама идея фонетического значения и возникла в результате попыток проанализировать эти отношения. Вся сложность анализа данного явления заключается в нахождении наиболее объективного метода исследования, позволяющего достаточно аргументированно выявить естественную связь между формой и значением слова, о которой на протяжении многих столетий говорили философы, лингвисты и другие ученые.

Возможность выделения содержания звуковой формы слова А.П.Журавлев видит не в усредненном значении входящих в него звуков, а в характеристике фоне-

---

[29] *Taylor I.K., Taylor M.M.* Phonetic symbolism in four unrelated languages // Canadian journal of psychology. 1962. V. 16. P.4; *Левицкий В.В.* Звукосимволизм в лингвистике и психолингвистике // Филологические науки. 1957. N4 С. 57.

[30] *Гурджиева Е.А.* Элементарный звуковой символизм: (Статистическое исследование): АКД. М., 1973. С.5.

тического значения слова через определение таковых в квазисловах и их анализ в словах с лексическим значением. Другими словами, характеристикой фонетического значения слова является набор признаков, полученный путем экспериментального исследования. Фонетическая мотивированность показывает, что определенная часть словарного состава любого языка обладает мотивированной звуковой формой. Как правило, к ним относятся лишь случаи звукоподражания, которые, согласно традиции, считают немногочисленными и не играющими в языке серьезной роли. Однако при специальном рассмотрении выясняется, что любое слово, называющее звук или звучащий предмет, в той или иной степени связано с конкретным звуком своей звуковой формой. Физический материал знаков языка имеет изначально слуховой характер, тогда как большинство единиц неязыковых знаковых систем оформлено как зрительные. Вместе с тем даже при том, что оптическая форма гораздо более приспособлена для наглядного изображения содержания знака, чем акустическая, в реальности существует масса фактов и обстоятельств, в случае которых закрепленные в нашем сознании представления о звучащих предметах и действиях включают в себя не только зрительный, но и слуховой образ, и поэтому восприятие одного только звука может вызвать в сознании соответствующий зрительный образ, и наоборот. Из этого следует, что звуковая форма знака способна играть изобразительную роль и поэтому может быть соотносима с содержанием. История формирования языков предполагает, что в начале развития в языках гораздо сильнее заметны звукоподражательный и образоподражательный элементы, т.е. элементы фонетической мотивированности языковых знаков. Вероятно, соблюдение требований взаимодействия содержания и формы является одним из обязательных требований регулирования процесса рождения языкового знака. Мотивировочная тенденция действует и в современных языках, представляющих собой важную, широко распространенную и активно функционирующую знаковую систему.

Понимая, что фонетическая мотивированность, как и два других типа мотивированности в языке, представляющих собой саморегулирующую семантическую систему, чаще всего проявляется в виде тенденции, А.П.Журавлев делает предположение, в соответствии с

которым языковой знак нельзя считать ни полностью произвольным, ни полностью мотивированным. При этом, если рассматривать все множество языковых знаков на любом синхроническом срезе, то вероятность реализации мотивировочной тенденции для каждого из них высока, но не абсолютна. Отказ от господства принципа произвольности языкового знака требует пересмотра многих фундаментальных представлений современной семиотики и лингвистики. Понятно также, что принцип произвольности весьма удобен для описания знаковых систем. Но в данном случае нас больше интересует не выбор удобного способа описания, а возможность установления характера отношений между содержанием и формой.

Возникновение языка, по А.П.Журавлеву, есть возникновение понятийного значения, носящего конвенциональный характер. В свою очередь, понятийное значение возникло на уже существовавшем фундаменте в виде присущего звукам фонетического значения.

В процессе развития языка возникает возможность замены первоначальной мотивированности языковых знаков семантической или морфологической мотивировкой, вторичной, но более четкой и сознаваемой говорящими. В связи с этим процесс формирования слов на базе фонетического значения становится постепенно все менее интенсивным, его следы обнаруживаются преимущественно лишь в языках, богатых идеофонами. В основном в настоящее время новые слова, обладающие только фонетической мотивированностью, встречаются в художественных, в особенности в поэтических произведениях.

В результате сложного диалектического взаимодействия звучания и значения слова на синхроническом срезе языка можно обнаружить слова с самыми разными отношениями фонетического и лексического значений - от четкого соответствия до резких противоречий. Но мотивировочная тенденция обнаруживает свое действие в том, что эти отношения между содержанием и формой слов заметно влияют на их функционирование и только в одном направлении: гармония содержания и формы повышает эффективность функционирования, противоречие затрудняет его и приводит к сдвигам содержания и формы в сторону соответствия.

"Предпосылкой возникновения фонетического значения является способность мозга устанавливать условно рефлекторные связи между предметом или его действием и сопровождающими их звуками. В результате звук может замещать собою предмет/действие, т.е. становится их символом. А поскольку все явления реального мира оцениваются воспринимающим, данные оценки переносятся и на звуки, сопровождающие эти явления. Так возникает символическое значение звуков, которое распространяется и на звуки, произносимые самим человеком."[31]

Таким образом, в традиционной лингвистике лексическое и грамматическое значения рассматриваются как основные значения, соответствующие лексическому и грамматическому уровням языка. Единицы же фонетического уровня принято считать не обладающими никаким значением. Вместе с тем если понимать содержательность языковой формы как символическое значение, то возникает возможность считать символику звуков речи значимостью фонетической формы, или фонетическим значением.

Фонетическое значение, как и грамматическое, имеет свою специфику и принципиально отличается от лексического в плане указания на денотат. Наряду с этим семантика слова может быть выделена, хоть и неполно, перечислением признаков. Коннотативный, признаковый аспект значения присущ любому типу значения, но разным из них в разной степени. Согласно Журавлеву, для лексического значения признаковый аспект - это всегда какая-то, часто неглавная часть. Но для фонетического значения этот аспект является основным, если не единственным.

В сравнении со звукоподражательной подсистемой звукосимволическая подсистема представляет собой лишь относительно упорядоченное системное образование и, следовательно, является более сложным объектом изучения.

Закономерная связь между звуком и значением в звукосимволическом слове осуществляется на признаковом уровне как фонемного состава звукосимволического слова, так и строения денотата. В случае исследования

---

[31] *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л., 1984. С. 144.

звукоизобразительного слова как в одном языке, так и в ряде языков необходимо чаще всего оперировать понятием фонемотипа, а не отдельной конкретной фонемы. Применение понятия фонемотипа позволяет получить конкретные результаты, раскрывающие механизм формирования связи формы и содержания в слове.

Основная цель звукосимволической типологии, как и любой другой типологии, заключается в выявлении, с одной стороны, изоморфизма звукосимволических слов в самых разных языках мира, другими словами, совокупности свойств, характерных для данной категории слов, как языковой универсалии, а с другой - определение их алломорфизма, иначе говоря, совокупности свойств, присущих звукосимволической лексике отдельных языков, отражающих специфические особенности конкретного языка или группы языков.

Связь фонемного облика звукосимволического слова с признаком денотота, положенного в основу номинации, указывает на изобразительное происхождение слов, их историческую общность, сходство "по вертикали". Параллели же структурного функционального характера между типами звукосимволических слов сопоставляемых языков означают сходство синхроническое, т.е. "по горизонтали". Структурное сходство предполагает наличие ряда идентичных звукоизобразительно валентных компонентов в виде фонемотипов или отдельных фонетических элементов, одинаково отражающих структуру денотата.

Звукосимволическую подсистему звукоизобразительных слов якутского языка в фоносемантическом плане специально исследовал Л.А.Афанасьев.[32] Собрав богатейший фактический материал, он попытался доказать ряд принципиальных положений теории звукоизобразительности, особенно ее раздела звукосимволизма, в соответствии с которым как основы, так и отдельные фонемы, составляющие важнейшую часть образных слов, несут определенную семантическую нагрузку. При определении значений образных слов автор применяет метод декодирования /вербализации/ средствами знаковых единиц, т.е. лексическими средствами конкретного языка, а

---

[32] *Афанасьев Л.А.* Фоносемантика образных слов якутского языка: АКД. Якутск, 1993.

выделение значений отдельных фонем /автор чаще использует термин "идеофонема"/ из семантики образных слов осуществляется семантико-сопоставительным методом.

Определяя значение образных слов, автор опирается на результаты исследований своих предшественников, в частности Э.К.Пекарского [33], который в свое время предложил выделение в семантике образных слов признаковой и референтной частей, А.Е.Кулаковского [34], указывавшего, что для определения какого-либо образного слова необходимо сравнение его значения со значениями нескольких семантически близких друг с другом слов, Л.Н.Харитонова [35], впервые на теоретическом уровне раскрывшего в признаковой части определения наличие двух составляющих: характер формы и размер формы обозначаемого.

Эти элементы семантической основы образных слов позволяют, по мнению Л.А.Афанасьева, декодировать их на уровне знаковых единиц.

Моделью автор называет состав согласных /согласного/, содержащихся в основе образных слов и носящих главное значение. "Модель в речи актуализуется посредством огласовки. В зависимости от того, какие гласные вошли в состав модели, образ, заключенный в ней, получает соответствующее пространственное содержание. Слова, образованные путем огласовки модели, называются вариантами. Слова *баллай, боллой, бэллэй* являются вариантами модели *б-лл* ".[36]

Выдвигаемые Л.А.Афанасьевым тезисы не вполне понятны без иллюстрации конкретными примерами, поэтому, очевидно, целесообразно рассмотреть отдельные фактические данные исследования и заключения относительно их семантики. Для этого прежде всего обратимся к его описаниям содержательной стороны гласных идеофонем образных слов якутского языка.

---

[33] *Пекарский Э К.* Словарь якутского языка: В 3-х т. Якутск, 1959.

[34] *Кулаковский А.Е.* Научные труды. Якутск, 1979. С. 385.

[35] *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.;Л., 1954. С. 9.

[36] *Афанасьев Л.А.* Фоносемантика образных слов якутского языка: АКД. Якутск, 1993. С. 9.

Сравнивая варианты одной модели /в данном случае *б-лл/* с разными огласовками, автор считает, что идеофонема *а* изображает предельно большой объем, размер, плотность тела /подчеркивая твердость его состояния/, в некоторых других моделях дополнительно передает значение увесистости, в свето-цветовых мс лях выражает интенсивность цвета */балла-й* "быть большим, толстым" /о губах/; *болло-й* "быть надутым" /о губах/, *балла* "большой, толстый", *бэллэ* "раздавшийся, мягкий", *балаар* "быть темно мутным". Значение идеофона *о* в двусложных структурах обозначает округлость, в сравнении с гласным э - более высокую степень плотности, твердости, увесистости предмета, в свето-цветовых моделях - мутный, серый, тусклый цвет: *болло-й* "быть надутым" /о губах/, *тоото* "небольшой, круглый", *боко-й* "горбиться", *лопто-й* "выступать бугром", *боллор* "быть мутным". Идеофонема *ө* передает образ выпученного, иногда мягкого, слабого, маленького размера, вялого, в свето-цветовых моделях символизирует большую степень мутности: *бөлло* "кругло выпученный", *мөлбө* "мягкий, пухлый", *бөлөөр* "быть густо мутным". Идеофонема *ө* в соответствующих моделях связана со значением плоского, мягкого, легкого, хорошо освещенного: *мэлэ* "широкое лицо", *сэгдэ* "легкая фигура", *сэндэлэс* "ярко освещенный". Идеофонема *ы* придает моделям значение предельно маленького, в свето-цветовых моделях - блестящего: *быты* "маленькая фигура", *кылы* "сверкающий". Идеофон *у* символизирует удлиненность, вытянутость, согнутость, в свето-цветовых моделях - серый, мутный цвет: *дулу* "удлиненная фигура", *буку* "согнутый", *буду* "серый, мутный".

Аналогичным образом определяется звукосимволическая значимость других гласных, дополнительные оттенки их долгих вариантов и дифтонговых соединений. Детально рассматриваются значения согласных идеофонем в конкретных моделях образных слов. Не имея возможности изложить фоносемантические характеристики всех согласных идеофонем якутского языка, остановимся на значениях только некоторых из них.

Идеофонема *б* , по мнению Л.А.Афанасьева, символизируе выпуклость, объемность, большой размер; идеофонема *д* - вертикальность расположения в пространстве; идеофонема *й* - плавное покачивание, мягкость; идеофонема *л* - гладкость, расширенность; идео-

фонема *н* - центральную расположенность, утолщенность и т.д.

Не отрицая возможности фоносемантического анализа образных слов якутского языка, как и аналогичных лексических единиц любого другого языка, считаем, что предлагаемые автором выводы о звукосимволическом значении конкретных моделей и идеофонов, мягко говоря, вызывают сомнение прежде всего вследствие субъективности методики исследования. Несомненно, в современных языках слова/модели с частично или полностью повторяющимися гласными или согласными звуками могут относиться к одному семантическому полю, отражать единицы одного круга понятий. Однако вполне очевидно и то, что в любом языке гораздо больше слов, в которых определенные составы звуков и их лексические значения как в единицах семиотической системы чаще всего ковенционально связаны друг с другом, и одни и те же звуки, звуковые модели могут встречаться в словах с самыми разными, даже совершенно противоположными значениями. Вместе с тем это не позволяет отрицать само наличие такой категории слов, какой являются образоподражания или звукосимволизмы. Очевидно, что для всестороннего и более аргументированного изучения этих слов необходима иная методика, основанная на объективных принципах, позволяющая выделить специфичное и универсальное в каждом языковом факте, явлении. На разработанных другими учеными методах объективного анализа явлений звукоизобразительности мы остановимся несколько позже, в данном же случае в связи с основным вопросом раздела важно выделить точку зрения Л.А.Афанасьева относительно семантического статуса образных слов якутского языка, по своей форме, синтаксической функции и стилистически часто сходных с звукоподражательными словами. Так, он считает, что "образные слова не являются знаковыми словами. Они воспроизводят представление, ощущение в виде формы. В этом заключается трудность их определения на уровне звуковых слов".[37] Словарь образных слов Л.А.Афанасьев

---

[37] *Афанасьев Л.А.* Фоносемантика образных слов якутского языка: АКД. Якутск, 1993. С. 9 /В данной цитате, вероятно, допущена опечатка и вместо "звуковых слов" необходимо читать "знаковых слов", т.к. и

делит на активный и пассивный, мотивируя это тем, что 27 идеофонем по определенной звуковой схеме в якутском языке образуют огромное количество образных основ, системная структура которых облегчает овладение ими, способствует более успешной актуализации заложенных в структуре возможностей в плане спонтанного образования по сформировавшимся моделям в процессе индивидуального словотворчества.

Исследование Л.А. Афанасьева, на наш взгляд, представляет собой пример субъективного анализа, а выводы детерминированы ассоциациями, возникающими под влиянием сложившейся лексико-семантической системы современного якутского языка, так как универсальность звукосимволизма не поддается адекватной интерпретации в рамках традиционных языковедческих дисциплин, в частности фонетики, семантики и лексикологии. Закономерности данного языкового явления можно обнаружить лишь с помощью нетрадиционных методов исследования.[38]

В том случае, если возникает необходимость изучения звукосимволизма в каком-либо одном языке, то необходимо применение типологического, экспериментально-статистического методов, гарантирующих большую объективность выводов. Именно такой анализ звукоизобразительных данных английского, русского, эвенкийского и японского языков позволил выделить общие закономерности звукосимволического обозначения округлого в названных языках.[39]

В казахском языке с помощью этой методики было определено звукосимволическое происхождение ряда

фоносемантическая модель, и идеофонема не могут быть выражены иначе как в звуковой форме - *Ж.М.*/

[38] Даже в сопоставительном эксперименте И. и М. Тейлоров некоторые данные привели к заключению, по которому звуковой символизм в отдельных случаях носит национальный характер и мотивирован речевым навыком, приобретенным в процессе обучения языку и закрепившим ассоциации между звуком и смыслом. См.: *Taylor I.K., Taylor M.M.* Phonetic symbolism in four unrelated languages // Canadian journal of psychology. 1962. V. 16, N 4; *Taylor I.K.* Phonetic symbolism reexamined // Psychological Bulletin. 1963. V.60, N2.

[39] *[illegible]ия Е.И.* Звукосимволизм обозначений округлого (опыт типологического исследования): АКД. Л., 1987.

слов, ранее не относимых к таковым, и изучены основные закономерности звукосимволизма на уровне лексики и грамматики.[40]

Таким образом, если сравнивать традиционный ономатопеический подход к проблеме звукоизобразительности, мимемологию, имитативику и фоносемантику, то, несомненно, последняя в плане теоретической обоснованности, последовательности и самое главное в плане системности в значительной степени продвинула современную теорию звукоизобразительности, подняла ее на качественно новый уровень, заложила основы новой интегративной науки.[41]

Универсальный характер классификации звукоизобразительной системы на звукоподражательную и звукосимволическую подсистемы достаточно полно отражает природу функционирующих в ряде неродственных языков лексических единиц (междометные глаголы в русском и образоподражательные слова в тюркских языках, исторические звукоизобразительные корни и основы в индоевропейских и самостоятельно употребляющиеся изобразительные формы в других языках и т.д.).

Типология и фонетическое строение звукоподражательных слов, отражение в них денотата и изобразительных функций фонемотипов послужили основой системного выделения слов данной подсистемы в любом из современных языков.

Возможность предсказания фонетического строения звукоподражательных образований детерминируется системной соотнесенностью с психоакустическими строениями денотата - объекта звучания.

Звукоподражательные формы в языке выполняют функцию отражения, обозначения звуков или сочетания звучаний.

Звукосимволические слова образуют менее ярко выраженную подсистему в рамках звукоизобразительной системы языка.

Выделение звукосимволических слов в качестве отдельной подсистемы прежде всего основано на их мо-

---

[40] См.: *Хусаинов К.Ш.* Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата, 1988; *Өткелбаева С.А.* Қазақ тіліндегі дыбыстық символика құбылысы: КДА. Алматы, 1994.

[41] *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.

тивирующих признаках, связанных со зрительным и тактильным восприятием. Вследствие этого данная группа слов в семантическом плане менее четко выражена и может интерпретироваться каждый раз по-новому в зависимости от методов исследования.

Фоносемантический анализ позволяет не только систематизировать звукоизобразительную лексику, но проливает свет на возможности примарной, фонетической мотивированности, раскрывает механизм фоносемантической этимологии и тем самым создает перспективу новых, аргументированных путей поиска истоков происхождения языка, а также закономерностей его исторического развития.

ГЛАВА II

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И ПРОБЛЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ

2.1. Принципы классификации

Классификация слов по частям речи в языках самых различных семей основывается на общепризнанных принципах, в соответствии с которыми части речи определяются в качестве лексико-грамматических классов слов с определенными семантическими, морфологическими и синтаксическими признаками. Исследование парадигматических и синтагматических свойств частей речи предполагает наличие их связи с лексикой. Содержание парадигматики частей речи определяется их морфемным составом, грамматическими категориями, внутренним членением и границами между частями речи, а синтагматика частей речи - валентностью, сочетаемостью.

Критерии выделения частей речи (семантический, морфологический и синтаксический) не равнозначны при их разграничении, выступают не в равной мере.[42]

---

[42] См.: *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М.,1957. С. 63; *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937. С. 141; *Севортян Э.В.* К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 180-225.

Лексико-грамматические значения частей речи, как наиболее обобщенные, категориальные, дифференцированно присущи каждой из них: предметность - существительным, признак предмета - прилагательным, количество или счет - числительным, процессуальность - глаголам, признак признака - наречиям и т.д. При грамматическом функционировании слова его лексическое значение связывается с категориальным значением частей речи. На основе своего конкретного значения слово принадлежит к определенному лексико-грамматическому классу.

В отличие от других знаменательных частей речи местоимения объединяют слова абстрактного значения, благодаря чему они указывают на слова из других частей речи. Значения местоимений конкретизируются в связной речи.

Союзы, послелоги и частицы, являясь служебными частями речи, не имеют лексического значения и их оформленности. В тюркских языках имя существительное и глагол - грамматически наиболее оформленные части речи, а имя прилагательное и наречие лишены грамматических категорий. Категории, как известно, лежат в основе грамматической характеристики частей речи. Например, слова могут принимать грамматические формы той части речи, в функции которой они выступают - при субстантивации прилагательные имеют грамматические показатели имени существительного.

К морфологическим показателям относятся и словообразующие суффиксы, хотя некоторая часть из них полифункциональна, т.е. не четко дифференцирована между частями речи.

Синтаксические признаки частей речи проявляются в их выступлении в функции членов предложения и в таких свойствах, как синтаксическая связь частей речи, порядок слов в предложении, валентность и т.д. лексико-грамматических значений и определяются по их функции.

В пределах своей части речи слова могут быть выделены в лексико-грамматические и лексико-семантические группы, дающие дополнительную грамматическую и семантическую характеристику частям речи. Лексико-грамматические подгруппы разных частей речи имеют определенную семантико-функциональную схожесть, способствующую взаимопереходу частей речи. Се-

мантико-функциональные признаки лексико-грамматических подгрупп частей речи связаны с такими общими понятийными категориями в системе языка, как субстанциональность, атрибутивность и предикативность.

Основные морфологические признаки частей речи выражаются формами грамматических категорий. При этом грамматическая оформленность различных частей речи даже в одном языке не всегда одинакова.

Излагая традиционные положения о частях речи, в данном случае мы преследуем одну единственную цель - рассмотреть вопрос о принадлежности звукоподражательных слов не одного какого-либо языка, а языков вообще к определенной части речи, попытаться выделить те или иные семантические и морфологические признаки данной группы слов, позволяющие обосновать их наиболее обобщенные категориальные характеристики. Для этого, очевидно, прежде всего целесообразно рассмотреть исследования , посвященные изучению звукоизобразительных слов в различных языках в плане определения их места в системе частей речи. При этом важным представляется проанализировать наблюдения и выводы не только в отношении семантики и морфологической структуры данной категории слов, а несколько шире, так как их специфика особенно ярко проявляется в случае системного изучения в связи с историей их происхождения, формирования и развития в конкретных языках, с общей теорией номинации, с проблемой мотивированности и знаковости.

2.2. Звукоподражания в западноевропейском языкознании

Считая, что "классифицировать части речи настолько трудно, что до сих пор никто удовлетворительной классификации их не создал", и стремясь внести свои коррективы в традиционную для своего времени классификацию, Ж.Вандриес пишет: "По традиции, восходящей к греческим логикам, французская классическая грамматика различает их десять. Но эта классификация не выдерживает критики: ее трудно было применить даже к языкам, для которых она была создана; но еще труднее применить ее к языкам, к которым она совсем не подходит... Прежде всего надо исключить из частей речи междометие. Как бы ни было велико значение междометия в ре и, в нем есть что-то, что его обособляет от других

частей речи, но - явление другого порядка. Междометие не всегда подчиняется фонетическим законам и заключает в себе часто фонемы, принадлежащие только ему; таковы щелкающие звуки во многих современных языках и аффриката "*pff*" во французском. Вообще оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи - речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действенную; во всяком случае оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи".[43]

Деление речи на аффективную и интелектуальную соответственно предполагает дифференциацию в языке системного и бессистемного, поддающегося классификации на определенные лексико-грамматические группы и выходящего за рамки таковых.

Аффективность, по Вандриесу, выражается в языке обычно двумя способами: выбором слов и местом их во фразе. Другими словами, аффективный язык как основными ресурсами пользуется словарем и синтаксисом.

"Основное различие между языком аффективным и логическим (интеллектуальным) заключается в построении фразы. Эта разница бросается в глаза при сравнении языка письменного с языком устным. У французов язык письменный и язык устный так далеки друг от друга, что можно сказать: по-французски никогда не говорят так, как пишут, и редко пишут так, как говорят. Эти два языка отличаются кроме различия в подборе слов также различным расположением слов. Логический порядок, свойственный письменной фразе, всегда более или менее нарушен во фразе устной".[44]

Устный язык приближается к языку "спонтанному". Под последним Ж. Вандриес подразумевает язык, возникающий непроизвольно, под действием сильного переживания. Этот язык "выделяет выразительные слова, не имея ни времени, ни досуга подчинять мысль строгим правилам рассудочного и организованного языка. Таким образом самопроизвольный (спонтанный) язык противопоставляется языку логическому".[45]

---

[43] *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937. С. 114.

[44] Там же. С. 141.

[45] Там же. С. 144

Следовательно, согласно Ж.Вандриесу, междометия, соответственно и звукоподражания как единицы спонтанной, аффективной речи, как фонетические аномалии выходят за рамки интеллектуальной, логически организованной речи и не могут быть включены в систему языка, а значит и отнесены к разряду частей речи.

Ж.О.Кем в фундаментальном исследовании по проблемам частей речи, морфологии, синтаксиса и истории английского языка звукоизобразительные слова не рассматривает. Более того, междометия вообще и междометия звукоизобразительного происхождения (*Ouch*! *Oh*! и т.д.) он, в частности, определяет не как слова, а как "древнейшие формы речи", представляющие собой наиболее примитивный тип предложения, в историческом плане более древний, чем слова.[46]

Интересно отметить, что Э.Сепир, исследуя слово как основной элемент языка, приходит к выводу, в соответствии с которым "слово есть один из мельчайших вполне самодовлеющих кусочков изолированного "смысла", к которому сводится предложение". Применяемую в современной лингвистической[47] литературе классификацию слов по частям речи он определяет как "смутное, колеблющееся приближение к последовательно разработанному инвентарю опыта", как отражение нашей способности компоновать действительность во многообразие формальных шаблонов.

Междометия Э.Сепир относит к наименее важным речевым элементам, рассмотрение которых "ценно главным образом потому, что можно показать, что и они, изо всех звучаний языка явно наиболее близкие к инстинктивным звукоиспусканиям, обладают лишь кажущейся инстинктивной природой".

Следующая характеристика, данная Э.Сепиром междометиям и звукоподражательным словам, с одной

---

[46] *Curme G.O.* A Grammar of the English Language. Parts of Speech and Accidence. V. II. New York, 1935. P. 105. Развивая эту мысль, автор пишет: "Древнейшая форма предложения содержала только одно слово, которое, одно, являлось полным предложением, а не словом в современном понимании, т.к. слова в сравнении с предложением - результат последующего развития языка". См.: *Curme G.O.* A Grammar of the English Language. Syntax. V. III. New York, 1931. P. 2.

[47] *Сепир Э.* Язык. М.;Л., 1934. С. 28.

стороны, отражает точку зрения большинства лингвистов-индоевропеистов, а с другой, оказала значительное влияние на языковедов, исследовавших проблему частей речи в других языковых семьях. В частности, он утверждал, что "междометия составляют весьма небольшую и функционально незначительную долю языковой лексики; ни в какую эпоху и ни в каком конкретном языке, о которых мы имеем сведения, мы не усматриваем сколько-нибудь заметной тенденции к превращению их в основную ткань языка. Они в лучшем случае не что иное, как декоративная кайма пышной и замысловатой ткани языка. То, что сказано о междометиях, в еще большей мере относится и к звукоподражательным словам. Такие слова, как *мяукать, каркать*, ни в каком смысле не являются естественными звуками, инстинктивно или автоматически воспроизведенными человеком. Они в такой же степени подлинные создания человеческого ума, взлеты человеческого воображения, как и все прочее в языке. Они непосредственно не порождены природой, они только внушены ею и как бы играют с ней."[48]

Р.Б.Лонг после основных частей речи английского языка выделяет так называемую группу абсолютов (absolutes), синтаксической характерностью которых является функциональная изолированность. Среди этой группы слов можно встретить и междометия (ah, bah, boo, oh, ooh, wow и др.), в большинстве случаев восходящие к звукоподражательным словам.[49]

Эти же междометия А.И.Смирницкий рассматривает как слова, стоящие вне предложения, и, следуя западноевропейской традиции, противопоставляет их словам интеллектуальной семантики, определяет их как слова, непосредственно выражающие чувство и лишенные номинативной функции.[50]

Вслед за А.И.Смирницким и западноевропейскими германистами большинство российских специалистов английского языка, выделяя функционально-семантические особенности междометий звукоизобрази-

---

[48] *Сепир Э.* Язык. М.;Л., 1934. С. 8.

[49] *Long R.B.* The Sentence and its Parts. A Grammar of Contemporary English. Chicago, 1961. P. 45.

[50] *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959. С. 392.

тельного происхождения, не обращают внимания на их исторические истоки.[51]

Существует и несколько иная интерпретация классификационной характеристики звукоизобразительных слов, согласно которой звукоподражания и междометия функционируют в английском языке не как слова, а в качестве звуковых комплексов, применяемых "для изображения звуков природы или издаваемых животными", "для выражения различных эмоций". При этом авторы "Грамматики английского языка" Л.С.Бархударов и Д.А.Штелинг относят те и другие к междометиям.[52]

На современном этапе развития западноевропейского языкознания при наличии специальных работ, посвященных проблемам ономатопеи и звукосимволизма, вопрос о их выделении в качестве самостоятельной части речи не ставится. Основное внимание исследователи обращают на проблему связи формы и содержания в слове, закономерность непроизвольной мотивированности в определенной части словарного состава конкретных языков, сопоставительный анализ явления звукоизобразительности в генетически отдаленных и разносистемных языках, а также определение роли и места звукоизобразительности в общей теории происхождения и развития языка.[53]

---

[51] *Ilyish B.* The Structure of Modern English. M.;L., 1965. P.172-173; *Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л., Кожевникова О.Н.* и др. Грамматика английского языка. Л., 1967. С. 208-209; *Khajmovich B.S., Rodovskaya A H* A Course in English Grammar. M., 1967. P. 205-206; *Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. С. 90-91 и др.

[52] *Бархударов Л.С., Штелинг Д.А.* Грамматика английского языка. М., 1964. С. 274.

[53] См.: *Bruni F.* L'origine del linguaggio. Roma, 1958; *Brown R., Nuttrall R* Method in phonetic symbolism experiments // J. Abnorm. a. Soc. Psychol., 1959. V.59, N3. P.441-445; *Marchand H.* Phonetic symbolism in English wordformation // Indogerm. Forschungen. 1959. B. 64. H. 2. S. 146-168. H 3. S. 256-277; *Charleston B.* Studies on the emotional and affective means of expression in Modern English // Schweizer Anglistische Arbeiten. Bern, 1960. N46; *Miron M.* A cross-linguistic investigation of phonetic symbolism // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1961 V. 62. P 623-630; *Jakobson R., Waugh L.* The sound shape of the language. Bloomington, 1979; *Климова С.В.* Глаголы "неясного происхождения" в

В семитских языках звукоподражания междометного типа, не оформленные морфологически, почти не встречаются. Их можно найти только в составе глаголов и существительных в текстах древних письменных памятников. Например, в Библии междометия звукоподражательного происхождения *ах, ох* и *ой* употреблены со значением 'сожаления' в качестве синонима междометия 'увы'.[54]

В словарях арабского языка звукоподражания самостоятельного употребления не приводятся, они лишь служат пояснениями для выделения звукоподражательных глагольных корней.

В связи с этим А.М.Газов-Гинзберг утверждает, "что неоформленные звукоизображения /кроме собственно аффективных междометий/, встречающиеся у семитов лишь в наиболее живой, образной речи, *не следует считать подлинными словами*, входящими в системы этих языков; в предложении они играют роль, скорее всего, лишь простой иллюстрации и могут быть заменены бесфонемной имитацией, сопровождающейся соответствующим изобразительным жестом и т.п."[55]

2.3. Звукоподражания в русском языкознании

В русском языкознании вопрос о самостоятельном выделении звукоподражательных слов в самостоятельную часть речи не ставился, хотя существует ряд попыток, с одной стороны, их разграничения с междометиями, а с другой - выявления общих функционально-семантических характеристик с другими частями речи. Например, А.А.Потебня считал, что "междометия, преимущественно звукоподражательные, означающие мгновенность действия, каковы, например, *бух! бац!*, стоят по

Сокращенном Оксфордском словаре" (элементы этимологической фоносемантики): АКД. Л., 1986; *Барташова О.А.* Звукоизобразительность в терминологии (на материале английских морских терминов): АКД. Л., 1987; *Койбаева Т.Х.* Звукоизобразительная лексика английского и осетинского языков (опыт фоносемантической типологии). Л., 1987 и др.

[54] *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 91.

[55] Там же.

употреблению в одном разряде с "предикативными частицами" или "междометными формами глагола".[56]

Против отнесения глаголов так называемого "ультра- мгновенного" вида к междометиям, определенная часть которых имела звукоподражательное происхождение, был и А.М.Пешковский.[57]

Исследуя категориальные особенности частей речи в русском языке, Л.В.Щерба четко разграничивает междометия и звукоподражательные слова, но, к сожалению, не приводит какую-либо аргументацию своего понимания их дифференциации. В частности, он пишет: "Прежде всего очень неясная и туманная категория междометий, значение которых водится к "эмоциональности" и "отсутствию познавательных элементов", а формальный признак к полной семантической обособленности, отсутствию каких бы то ни было связей с предыдущими и последующими элементами в потоке речи... Само собой разумеется, что так называемые звукоподражательные *мяу-мяу, вау-вау* и т.п. нет никаких оснований относить к междометиям".[58]

Актуальным и в наши дни остается заявление Л.В.Щербы о проблематичности существующей классификации лексики различных языков по частям речи, относительно которой он пишет: "В последние десятилетия в русском языкознании по поводу пересмотра содержания элементарного курса русской грамматики всплыл очень старый вопрос о так называемых "частях речи". В грамматиках и словарях большинства старых, установившихся языков существует традиционная, тоже установившаяся номенклатура, которая в общем удовлетворяет практическим потребностям, и потому мало кому приходит в голову разыскивать основания этой номенклатуры и проверять ее последовательность. В сочинениях по общему языкознанию к вопросу обыкновенно подходят с точки зрения происхождения категорий "частей речи" вообще и лишь иногда - с точки зрения разных способов их выражения в разных языках, и мало говорится о том, что сами категории могут значительно разниться от язы-

---

[56] Из записок по русской грамматике Т 4. М.;Л., 1941. С. 190.

[57] Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. 200.

[58] *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 67.

ка к языку, если подходить к каждому из них, как к совершенно автономному явлению, а не рассматривать его сквозь призму других языков. Поэтому, может быть, не бесполезно было бы предпринять полный пересмотр вопроса применительно к каждому отдельному языку в определенный период его истории".[59]

Рассмотренные А.А.Потебней и А.М.Пешковским звукоподражательные слова (*бац, бух, стук* и т.д.) А.А.Шахматов определяет как "глагольное междометие", являющееся "названием глагольного признака, которое в своей звуковой форме обнаруживает стремление говорящего воспроизвести в нем хотя бы условно звукоподражание, напоминающее или указывающее на быстроту, резкость произведенного действия".[60]

Эта семантическая особенность звукоподражательных слов позволила В.В.Виноградову утверждать, что в русском языке "к междометиям примыкает многочисленный и богатый разряд воспроизводящих или звукоподражательных восклицаний" типа *бац, хлоп* и т.д... Этот разряд занимает промежуточное положение между междометиями и звукоподражаниями, между междометиями и междометно-глагольными формами".[61]

В современных грамматиках русского языка отделение звукоподражательных слов от междометий хотя и имеет место, но не во всех случаях это делается последовательно. Так в "Грамматике русского языка" под редакцией В.В.Виноградова, Е.С.Истриной и С.Г.Бархударова звукоподражательные слова рассматриваются в разделе, посвященном междометиям. При этом констатируется, что "к звукоподражательным словам относятся те близкие к междометиям слова, которые представляют собой условное воспроизведение звучаний, сопровождающих некоторые действия и физиологические акты (дрожь, плевок, смех, свист) *брр! тьфу! ха-ха-ха! фу! фи! фюить!* а также воспроизведение криков животных: *мяу-мяу! кукареку!* и др. По своему образованию к звуко-

---

[59] *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 63.

[60] *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1927. Вып. 2. С. 57.

[61] *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972. С. 594.

подражательным словам примыкают многие глагольные междометия типа *бах, бац, бух, трах*".[62]

Глагольные междометия, приобретая значение действия или состояния, сближаются с категорией глагола и составляют переходную группу между междометием и глаголом. "Это - особые неизменяемые слова, по своей форме совпадающие с звукоподражательными междометиями и употребляющиеся в предложении в роли глагольного сказуемого в значении прошедшего времени: *бах, бац, бух, бултых, толк, трах, хвать, хлоп, шасть, шварк, щелк* и др. Обозначая мгновенно совершившееся действие, глагольные междометия своей формой условно воспроизводят звук, напоминающий быстроту и резкость этого действия."[63]

Следовательно, в грамматиках современного русского языка звукоподражательные слова чаще всего характеризуются как неизменяемые одно- или двусложные слова, лишенные лексического значения, синтаксически изолированные и в плане этих свойств примыкающие к самостоятельно выделяемой части речи - междометиям. При дифференциации слов на морфологические разряды - с формами словоизменения и без форм словоизменения и дальнейшем делении первых на склоняемые и спрягаемые - к спрягаемым относят и вышеприведенные глагольные междометия, "которые, по мнению отдельных специалистов, не являются членами парадигмы соответствующих однокоренных глаголов. Такие слова обладают категориальным значением глагола как части речи; этим значением определяются синтаксические функции этих слов".[64]

Остальные, так называемые "чистые" звукоподражания в морфологическом плане относят к разряду слов без форм словоизменения, т.е. к словам, не имеющим ни склонения, ни спряжения и тем самым морфологически приближающимся к наречиям, инфинитиву, деепричастию, модальным словам и больше всего к междометиям. Не случайно и в специальных работах указанные аспекты звукоподражательных слов русского языка

---

[62] Грамматика... русского языка. М., 1953. С. 675-676.
[63] Там же. С. 679.
[64] Грамматика современного русского литературного языка. Отв. редактор Н.Ю.Шведов. М., 1970. С. 314-315.

исследуются в определенной взаимосвязи и взаимодействии этих лексико-семантических, морфологических и синтаксических особенностей.[65]

2.4. Звукоподражания в тюркологии

В тюркологии начиная с 20-х годов основная работа в области грамматики сосредоточивалась главным образом вокруг создания учебников для средней школы. При этом наблюдалось стремление к механическому переносу учения о частях речи из учебников русского языка в учебники тюркских языков. Впоследствии появились ряд специальных работ теоретического плана и большое количество учебников, в которых вопрос о частях речи получил свое практическое применение.[66]

Суммируя основные взгляды тюркологов на классификационные критерии частей речи в тюркских языках, можно констатировать, что наиболее стабильными среди всех признаков частей речи остаются семантические и морфологические. Менее стабильным в недалеком прошлом был словообразовательный признак части речи, в новых работах уже учитывающийся в качестве существенного показателя части речи. Наименее стабильным и наименее существенным на практике был и остается синтаксический признак, под которым в первую очередь подразумевают вопрос о том, каким членом предложения может быть данное слово.

Вопрос о звукоизобразительной лексике в плане частей речи в тюркологии не всегда решался так, как он рассматривается в настоящее время.

Создателем первого лингвистического учения о звукоизобразительных словах или мимемах в России был

---

[65] *Германович А.И.* Междометия и звукоподражательные слова русского языка: АДД. Симферополь, 1961.

[66] См.: *Боровков А.* О частях речи в языках тюркской системы // Революция и письменность. М., 1936. С. 90-97; *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Якутск, 1947; *Кононов А.Н.* Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948; *Искаков А.И.* О классификации частей речи в казахском языке // Вопросы изучения языков Средней Азии и Казахстана в свете учения И.В.Сталина о языке. Ташкент, 1952. С.117-134; *Сауранбаев Н.Т.* Қазақ тілі. Алматы, 1953 и др.

Н.И.Ашмарин, наряду с теоретическими основами давший практическую классификацию мимем.

Помимо сравнительно полной инвентаризации мимем чувашского и некоторых других языков, их структурно-семантической классификации и теоретического осмысления роли мимем в происхождении языка очень важным в исследовании Н.И.Ашмарина является положение, в соответствии с которым определенную часть звукоподражаний необходимо рассматривать не как обычные лексические единицы языка, а как непроизвольные звукообразования, не утратившие аффективный характер и в той или иной степени сохраняющие связь с естественными звуками окружающей действительности и издаваемые человеком.

В его основном труде на материале татарского, марийского, удмуртского, мордовского и некоторых других языков, в том числе европейских, к числу мимем отнесены как первичные непроизводные имитативы, так и производные отимитативные части речи, образованные с помощью нулевой и обычной суффиксации, с попутным замечанием о переходных "промежуточных фазах", когда мимема является по своему внутреннему содержанию чем-то средним между словом, представляющим как бы непосредственное выражение той или иной эмоции, и словом, утратившим свой аффективный характер и выражающим уже более рассудочное отношение говорящего к воспринимаемой им действительности.

Следуя традиции европейского, в частности русского языкознания, А.Байтурсынов в первых учебниках по казахскому языку звукоподражательные слова в качестве самостоятельной части речи не выделяет. Вместе с тем очень тонкое лингвистическое чутье, позволившее ему сделать ряд интересных выводов относительно связи фонетической системы с системой письма и строем казахского языка в целом, на наш взгляд, способствовало тому, что, относя звукоизобразительные слова к междометиям, последние он делит на три группы: 1) междометия моментальности (скоротечности): *лап, қалт, бырт, кірт, кілт, тырс, шақ, тақ, шық, шап, жұлт, жалт, зып,*

---

[67] *Ашмарин Н.И.* Подражание в языках Среднего Поволжья. Вып. I-IY // Изв. Азербайджанского ун-та. Общественные науки. Баку, 1925. I-II. С. 143-157; III-Y. С. 75-99.

сып, дік, күмп, дүрс, күрс, мырс, зырқ, дүңк, сап, қып, жып и т.д.; 2) подражательные междометия: *шыр-шыр! быр-быр! сықыр-сықыр! сылдыр-сылдыр! күлдір-күлдір! былдыр-былдыр! дыбыр-дыбыр! қарқ-қарқ! қаңқ-қаңқ! сүңк-сүңк! шық-шық! маңқ-маңқ! күмп-күмп! дүңк-дүңк! пыс-пыс!* и т.д.; 3) звательные междометия или междометия-призывы: *әй! аттан! алаш! күс-күс! (*при подзывании верблюда), *күру-күру! (*при подзывании лошади), *ау-қау!* (при подзывании коровы), *пышайт-пышайт!* (при подзывании овец), *шөре-шөре-ау! (*при подзывании коз), *ка-ка! көйт-көйт!* (при подзывании собаки), *мыс-мыс!* (при подзывании кошки) и др.[68]

Если обособить слова третьей группы, отражающие основные особенности междометий не только в тюркских языках, то необходимо заметить, что первую группу составляют односложные корневые подражания как звукам, так и движениям, свету. Вторая группа представлена в основном звукоподражаниями, но почему-то лишь редуплицированной формы. Главным же в данных наблюдениях является не столько выделение семантики звукоподражания, сколько связи с процессуальностью, т.е. с одним из важнейших признаков глагола, что во многих последующих работах, посвященных звукоподражательным словам в тюркских языках, особо не подчеркивается.

Звукоподражания в лексике современного турецкого языка, согласно Н.К. Дмитриеву, занимают значительное место. Эти слова весьма многочисленны не только в разговорном языке, но и в литературном. "По своим грамматическим формам они относятся к междометиям, вместе с тем они могут принимать различные глагольные аффиксы и развиваться в морфологическом отношении. При этом их семасиологическое развитие опережает морфологическое: очень значительная часть этих мимем, оставаясь по форме междометием, одновременно получает значение имени и обозначает тот же самый предмет, производящий те или иные физические явления: *givgiv* '

---

[68] *Байтұрсынов А.* Тіл тағылымы. Алматы, 1992. 261 б. (Здесь же приведены примеры междометий, выражающих испуг, радость, мольбу, огорчение, сожаление, проклятие, удивление и другие эмоции, но поскольку большинство из них не имеет непосредственного отношения к исследуемой проблеме, на них мы останавливаться не будем. - *Ж.М.*)

щебетание птиц и цыплят', *sigir* 'хруст снега', 'тропа в лесу' *saqsaq* 'грохот', 'кастаньеты'. Как известно, турецкий язык не имеет четкого различения грамматических категорий (ср , например, употребление одних и тех же слов в качестве прилагательных и наречий), поэтому не так удивительно применение одних и тех же слов и как междометий, и как имен... Употребляясь со вспомогательным глаголом, мимема ставится в позицию арабского масдара (глагольное имя, которое передает свое значение глаголу); если же оно употребляется при глаголах речи и движения и обозначает качество движения, то приобретает права наречия".[69]

В другой своей статье, возвращаясь к проблеме звукоподражательных слов, Н.К. Дмитриев делает следующее заключение на основе исследования лексических материалов гагаузского, крымско-татарского, азербайджанского и туркменского языков. В частности, он утверждает, что "в то время как подражания в большинстве европейских языков формально ничем не отличаются от других междометий, имен и глаголов, здесь (т.е. в тюркских языках) морфологическая природа мимем должна рассматриваться в качестве характерного их признака. Это своеобразие как будто признается также и турецким языковым чутьем: в общенародной речи и в словарях эти образования рассматриваются как особые слова, которые можно описать, но не переводить. Определить эту группу слов по их содержанию труднее; возможно, прежде существовала более однородная и узкая группа, которая впоследствии разрослась за счет образований по аналогии. Ныне мы имеем дело с особой категорией... В европейских языках, где звукоподражания трудно отграничить фонетически и морфологически, исследователи сталкиваются лишь с вопросом о связи между образованием и значением мимологического слова."[70]

В семантическом плане все мимемы огузской группы тюркских языков Н.К. Дмитриев делит на звуко-

---

[69] *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962. С. 59, 62, 65, 66; *Его же.* Beitrage zur osmanischen Mimologie // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. B. XXXIV. Heft 1-2. Wien, 1927. S. 105-122.

[70] *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962. С. 85; *Его же.* Skizze der sudturkischen Mimologie // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. B. XXXIV. Heft 1-2. 1928. S. 18-47.

подражания, подражания явлениям света и движения, подражания явлениям, протекающим в живом организме, и детские слова.

Проводя семантическую дифференциацию подражательных слов и междометий в каракалпакском языке, Н.А. Баскаков довольно полно перечисляет охватываемый ими круг значений, а также констатирует наличие между ними определенных формальных особенностей. Вместе с тем он считает, что "подражательные слова составляют вместе с междометиями особую часть речи, выделившуюся из общего состава лексики в виде особых корней и основ, которые используются в современном каракалпакском языке только в данном специфическом значении междометий и мимем." При этом, по его мнению, "процесс дифференциации частей речи, как, например, в отношении имен и глаголов, так и в отношении междометий и мимем еще не завершился окончательно."[71]

В связи с этим в лексике современного каракалпакского языка автор выделяет корни и основы, "хотя и имеющие семантику междометий и подражательных слов, но по формальным признакам относящиеся к глаголам, см., например: 1) группу глаголов, представляющих собой неразложимые основы: *юр-* 'лаять', *улы-* 'выть', *кисне-* 'ржать'; 2) группу глаголов, представляющих собой производные основы: сайра- (<сай-ра) 'петь', къанъсыла- (<къанъсы-ла) 'визжать' (о собаке), ырзый-/ыржый (<ырз/ырж-ый) 'скрежетать'..."[72]

Определение данных слов как имеющих семантику звукоподражаний, тем более междометий по меньшей мере некорректно, так как в данном случае мы имеем дело не с чистыми подражаниями, а с глаголами в большинстве своем звукоподражательного происхождения, т.е. это слова, в семантическом и морфологическом отношении несомненно относящиеся к определенной части речи - к глаголам. Вместе с тем в современном каракалпакском и других тюркских языках имеется большое количество слов со специальной семантикой звуко- и образоподражания, выраженных неразложимыми корнями

---

[71] *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Ч. 1.М., 1952. С. 239, 247.

[72] Там же. С. 247.

или основами, к которым не могут быть присоединены аффиксы глагольного словообразования. При определении к какой части речи относятся звукоподражания, очевидно, необходимо основное внимание уделять не производным формам, а морфологически и семантически исходным единицам.

Статус звукоподражательных слов в тюркских языках специально исследован в ряде работ. Так, в якутском языке, согласно Л.Н. Харитонову, звукоподражание представлено значительным количеством неизменяемых звукоподражательных корневых слов, от которых образованы сотни самостоятельных и "полусамостоятельных производных звукоподражательных слов".[73]

Звукоподражание в якутском языке имеет особую систему форм словообразования, не применяемую к другим типам слов. С помощью этих специальных форм от первичных корней звукоподражания образуются вторичные корни (основы) и звукоподражательные слова.

В семантическом плане звукоподражания представляют собой словесное воспроизведение звуковых явлений внешней среды. Другими словами, существующие в языке звукоподражательные корни по происхождению необходимо рассматривать как своеобразные копии звуковых явлений. Выполняя в современном языке наряду с другими словами коммуникативную функцию, они не создаются говорящим каждый раз заново, а употребляются в готовом виде, имеют установившуюся форму.

С лексико-морфологической точки зрения звукоподражательные корни в якутском языке делятся на две основные группы: корни, выступающие как самостоятельное слово, и корни, встречающиеся преимущественно в составе глагола. Как правило, они имеют односложную форму. Двусложные и трехсложные образования чаще всего являются производными от первичных корней, во многих случаях трудновыделимых в связи со сращенностью с формами образования глагола.

"Среди лексико-грамматических разрядов слов (частей речи якутского и других тюркских языков), - считает Л.Н.Харитонов, - звукоподражательным корням

---

[73] *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.;Л., 1954. С.150.

должно быть предоставлено особое место... Звукоподражательные слова (корни) должны быть отнесены прежде всего к классу неизменяемых слов, ибо они не склоняются и не спрягаются. Но и среди неизменяемых слов они занимают особое место по специфичности своего значения и своей природы, а также по своим грамматическим особенностям"[74].

2.5. Звукоподражания как часть речи

На современном этапе развития тюркского языкознания более углубленные исследования подражательных слов показали, что их выделение в самостоятельную часть речи имеет определенные основания.[75] В семантическом плане круг понятий, отражаемых данной категорией слов, имеет достаточно четкие границы как при звукоподражании, так и при образоподражании: слова, передающие различные звуки окружающей действительности; слова, выражающие образное представление о состоянии и форме предмета, о движении, о световых явлениях. В фонетическом отношении подражательные слова как по звуковому составу, так и по сочетаемости гласных и согласных за редким исключением сходны со многими другими единицами так называемых основных частей речи. Хотя интонационно и вследствие этого стилистически подражательные слова резко отличаются от других слов, тем самым в плане эмоциональности и экспрессивности приближаясь к междометиям. Морфологические особенности подражательных слов в тюркских языках в основном выражаются наличием нескольких наиболее характерных исторически сложившихся моделей, при этом определенная часть аффиксов омонимична

---

[74] *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.;Л., 1954. С.154.

[75] См.: *Искаков А.И.* О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник. М.;Л., 1951; *Кудайбергенов С.* Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957; *Худайкулиев М.* Подражательные слова в туркменском языке: АКД. Л., 1959; *Сарыбаев Ш.* Қазақ тіліндегі еліктеуіш сөздер. Алматы, 1960; *Кунгуров Р.* Изобразительные слова в современном узбекском языке: АКД. Ташкент, 1962; *Катембаева Б.Ш.* Подражательные слова в казахском языке: АКД. Алма-Ата, 1965 и др

с аффиксами, присоединяемыми к глагольным и именным основам. Синтаксические функции подражательных слов при самостоятельном, изолированном употреблении однотипны с ролью междометий. Однако следует пояснить, что синтаксически обособленное употребление подражательных слов в тюркских языках крайне редко. В подавляющем большинстве случаев они употребляются со вспомогательными глаголами в качестве составного сказуемого или обстоятельства образа действия. В предложении подражательные слова могут выполнять функции как второстепенных, так и главных членов.

Существует мнение о том, что образоподражательные слова не являются знаковыми словами, так как "они воспроизводят представление, ощущение в виде формы". [76] С данной точкой зрения относительно статуса образоподражательных слов в лексике различных языков трудно согласиться вследствие того, что звукосимволический характер связи формы с содержанием в них выражен менее отчетливо, чем в звукоподражательных словах и поэтому чаще всего определяется лишь с помощью специальных методов анализа. И те, и другие, будучи созданными на фоносемантической основе и формально мотивированными, тем не менее в современных языках не создаются каждый раз заново, а используются в готовом, закономерно сформировавшемся виде как конкретные единицы языка со своей семантикой и парадигмой.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в современной (доступной нам) лингвистической литературе по различным языкам звукоподражательные слова как самостоятельная часть речи либо не рассматриваются, либо оказываются отнесенными к междометиям или наречиям, или выделяются в качестве отдельной лексико-семантической группы.

Отнесение звукоподражательных слов к указанным частям речи вызывает ряд возражений со стороны ученых, специально исследовавших данную группу лексики в самых различных языках. Обосновывается это тем, что звукоподражательные слова в отличие от наречий не относятся к разряду обычных знаковых слов, являющихся условными обозначениями тех или иных по-

---

[76] *Данасьев Л.А.* Фоносемантика образных слов якутского языка: АКД. Якутск, 1993. С. 9.

нятий, а представляют собой непосредственное подражание звуковым явлениям, генетически лишены конвенциональности; если наречия обозначают признак действия, выполняют в предложении обстоятельственные функции, то звукоподражательные слова воспроизводят только звуки, в предложении выполняют более широкие функции, чем наречия; словообразовательные системы звукоподражательных слов и наречий отличаются как в формальном, так и в семантическом отношении.

От междометий звукоподражательные слова отличаются прежде всего семантически, так как если первые выражают волевую и эмоциональную реакцию человека, то вторые воспроизводят звуковые явления окружающего мира.

Фонетическая структура и звуковой состав звукоподражательных слов поддаются определенной систематизации, тогда как в случае с междометиями это крайне сложно.

Прежде чем делать какие-либо выводы относительно возможности выделения подражательных слов в качестве самостоятельной части речи, очевидно, необходимо констатировать, что в английском, русском и казахском языках состав исследуемой лексики неоднороден как в сематическом, так и в грамматическом отношении.

Наиболее характерными и, возможно, в историческом плане более древними являются звукоподражания, передающие основные типы звуков, встречающихся в живой и неживой природе, связанных с человеком и имеющих место вне зависимости от его жизнедеятельности, например: англ. *tap* ‘стучать, постукивать’, *tick* ‘почти бесшумно постукивать’, *clap* ‘громкий хлопок’, *whiss* ‘свистеть’, *hiss* ‘шипеть, свистеть’, *flash* ‘быстро катиться (о волнах), шуметь (о воде)’, *buzz* ‘жужжать, гудеть’, *crack* ‘производить треск, резкий отрывистый звук, резко щелкать (о биче)’, *chirp* ‘чирикать’, *qyrt* ‘слабый треск, возникающий при резке не очень твердого и не очень мягкого предмета (например, арбуза)’, *br-rr-*г ‘подражание длительному дрожащему звуку дрели’, *chirr* ‘стрекотать, трещать (о кузнечиках)’, *twang* ‘подражание резонаторно звонкому звуку натянутой стрелы’ и т.д.; русск. *топ*!, *тук*!, *жужж-*, *ззз*!, *дин-дон*!, *буль*!, *дзинь*!, *бом*!, *бум*!, *пук*!, *му*!, *ав-ав*!, *мяу*!, *бээ*!, *ррр*! и т.д.; каз. *тақ*, *тоқ*, *тық*, *дық*, *дүк*, *дік* - подражания различным стукам, ударам жестких, чаще всего деревянных предметов, *тап*,

топ, тып, дүп - подражания топоту, резкому стуку по мягкому предмету, отрывистому приглушенному звуку, *гүр, гүл, дар, дүр, дір, күр, тар, тыр* - подражания грому, грохоту, тарахтению, дребезжанию, *даң, дүң, дың, дің* - подражания звону, гулким звукам, *пыс, пыш* - подражания сопению, шмыганью, шипению, фырканью и т.д.

Эти так называемые "чистые" звукоподражания более характерны для живой разговорной речи, при этом имеют некоторые функциональные особенности в исследуемых языках. В английском языке звукоподражаний типа *sh* 'подражание свистящему звуку (косы)' сравнительно меньше, чем в тюркских языках. При этом совершенно эквивалентные тюркским формы в большинстве своем либо субстантивированы, либо путем конверсии легко переходят в глаголы, например, *tap* в качестве существительного обозначает 'легкий стук' (стилистически нейтральный синоним - *knock*), а как глагол -'стучать, постукивать'.

В русском языке "чистые" звукоподражания в количественном отношении значительно ограничены, зато чаще встречаются во многих глагольных и именных основах, например, *с-тук, топ-от, буль-к-ать, мяу-к-ать* и т.д.

Кроме того, в русском языке так называемые глагольные междометия типа *бац, шлеп, шмыг, скок, трах* и т.д. по своей семантике и экспрессивности сходны со многими образоподражательными словами тюркских языков, но они ограничены рамками семантики движения, в то время как тюркские образоподражательные слова передают не только значение движения, но и формы.

В тюркских языках звукоподражания, выступающие в качестве именной части составных глаголов, не теряют своей экспрессивности и эмоциональности, а в английском при субстантивации, в русском и английском при переходе в морфологически оформленные глаголы данное стилистическое свойство подражательных слов теряется.

В русском, английском и тюркских языках от некоторых звукоподражательных слов образовались междометия, например, русск. *тьфу*, англ. *tuf*, каз. *туф*, якут. *тпу, туй* .

Первоначально эти слова возникли путем воспроизведения звука, сопровождающего физиологический акт

выплевывания. Впоследствии звукоподражательное слово, языковыми средствами отражающее данный процесс, по связи с ситуацией стало использоваться в качестве междометия, выражающего неудовольствие, досаду, презрение. Происхождение русск. *тпру* и аналогичных звукоподражаний в казахском и других языках, очевидно, также имеет естественное начало.

Самостоятельно употребляемых "чистых" звукоподражаний в тюркских языках значительно больше, чем в индоевропейских языках, что западные ученые объясняли примитивностью, отсутствием письменной традиции, отсталостью культуры кочевых народов, их близостью к природе и т.д. Не углубляясь в причины количественной разницы подражательных слов в исследуемых языках, так как эта сложная и неразрешенная в настоящее время проблема выходит за рамки нашей работы, напомним ранееприведенные слова Л.В. Щербы, который считал, что "...категории могут значительно разниться от языка к языку, если подходить к каждому из них, как к совершенно автономному явлению, а не рассматривать его сквозь призму других языков".[77]

Вывод, к которому приводит рассмотрение исследуемого вопроса, заключается в том, что несмотря на отсутствие лексического значения и синтаксическую изолированность звукоподражательные слова преимущественно на основе семантического критерия в английском и русском языках, а в тюркских и образоподражательные слова, очевидно, необходимо выделять в качестве самостоятельной части речи, как это традиционно делается в отношении междометий.

ГЛАВА III

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Изучение проблемы звукоизобразительности предполагает анализ не только естественной связи формы

---

[77] *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 67.

слова с его содержанием, но и квантитативных особенностей их функционирования в конкретном языке или же группе родственных и особенно неродственных языков. Не менее важным для системного подхода в случае со звукоизобразительными словами является определение путей и методов исторического реконструирования их праформ, т.е. выявление фоносемантического этимона слов, ныне не воспринимаемых как звукоизобразительные. В связи с этим в данной главе рассматриваются вопросы квантитативных особенностей звукоизобразительных слов в разносистемных языках и отдельные аспекты фоносемантической этимологии.

3.1. Квантитативная характеристика звукоизобразительных слов

Специальные исследования показали, что количество звукоизобразительных слов с ощущаемой мотивированной формой в разных языках неодинаково: они гораздо чаще встречаются в тюркских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, финно-угорских, кушитских, чадских, корейском, японском и других языках евроазиатского и африканского континентов, чем в классических европейских, славянских и некоторых других языках.[78] Так, А. Йоханессон из исследованных 2200 общеиндоевропейских корней около 530 определяет как звукоизобразительные.[79]

Согласно А.М. Газову-Гинзбергу, из 181 общетюркского глагольного корня 115 относятся к разряду

---

[78] См., напр.: *Фазылов М.Ф.* Изобразительные слова в таджикском языке. Сталинабад, 1958. С. 14-17; *Пак Г.А.* Изобразительные слова в корейском языке: АКД. Л., 1958. С. 4; *Геманович А.И.* Междометия и звукоподражательные слова русского языка: АКД. Симферополь, 1961. С. 6; *Худайкулиев М.* Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962. С. 9, *Черевко К.Е.* Звуко- и образоподражательные слова в современном японском языке // Уч. зап. МГИМО. Сер. филол. 1963. Т. 2. С. 151-163; *Горцевская В.А.* Изобразительные слова в эвенкийском и маньчжурском языках // Тюркологические исследования. М.-Л., 1963. С. 178; и др.

[79] *Johanesson A.* Origin of Language. Reikjavik, 1949. P. 32

звукоизобразительных, относительно 26 это можно предполагать.[80]

В "Этимологическом словаре тюркских языков" Э.В. Севортяна, по нашим наблюдениям, 1/4 часть всех этимологизированных слов можно квалифицировать как звукоизобразительные либо как исторически восходящие к ним. Аналогичная картина наблюдается и перечне бореальных и раннеиндоевропейских корней Н.Д. Андреева, где более 50 из 203, с нашей точки зрения, являются звукоизобразительными.[81]

Только звукоподражаний шумам стихийных явлений природы в башкирском языке, по З.К. Ишмухаметову, около 400.[82]

Исследуя звукоизобразительные системы английского и эстонского языков, Э.А. Вельди анализирует соответственно 1049 и 777 ономатопов.[83]

Количество звукоизобразительных слов казахского языка исследователями определяется по-разному: одни описывают грамматические и семантические особенности звуко- и образоподражательных слов на основе фактического материала до 2000 единиц,[84] другие доводят их число до 3000.[85]

Причину количественного различия звукоизобразительных слов в разносистемных и генетически удаленных языках некоторые ученые видят в их стадиальной соотнесенности с эволюционным процессом и степенью развития общества носителей конкретных языков. Это положение чаще всего интерпретируется в экстралингвистическом плане, при этом считается, что в языке народов с "несложными общественными отношениями", "близких к природе", наличие большого числа звукоизобразительных слов выступает как проявление

---

[80] *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 169.

[81] *Андреев Н.Д.* Раннеиндоевропейский праязык. М.,1986. С. 290-292

[82] *Ишмухаметов З.К.* Звукоподражательные слова башкирского языка: АКД. Уфа, 1970. С. 7.

[83] *Вельди Э.А.* Англо-эстонские параллели в ономатопее: АКД Тарту, 1988. С. 3.

[84] *Сарыбаев Ш.Ш.* Еліктеуіш сөздер. Алматы, 1970. 7 б

[85] *Катембаева Б.Ш.* Подражательные слова в казахском языке: АКД. Алма-Ата, 1965 С. 3.

"чуткости к восприятию тончайших оттенков в слышимых и созерцаемых явлениях". Отсутствие же звукоизобразительных слов с ощущаемой мотивированной формой обусловлено традициями социальной верхушки, отличающейся "умеренностью в выражениях своих аффектов".[86]

В связи с этим интересно отметить, что в письменных памятниках Индии звукоподражания в качестве литературной нормы были признаны лишь в сравнительно поздний период (V-VII вв. н.э.). "В эпоху классического санскрита запрещалось употреблять эти слова из-за их простонародного ("вульгарного", по представлениям того времени) характера. Звукоподражательные же глаголы были допущены в широкое употребление лишь в VII в."[87]

В современных языках звукоизобразительные слова функционально отличаются от других слов достаточно четкой стилистической маркированностью: они более характерны для разговорной речи, чем для художественных произведений, и гораздо реже или же вовсе не встречаются в публицистике, официальных документах и научном тексте. Они более свойственны речи детей и молодежи, чем взрослых людей.

Экстралингвистическая аргументация квантитативных характеристик звукоизобразительных слов и их зависимости от стилистической дифференциации речи позволяет определить функциональные и генетические особенности данного пласта лексики. Однако такой подход к исследованию причин количественного различия звукоизобразительных слов в языках, с одной стороны, не учитывает действия собственно лингвистического фактора, с другой стороны, иногда приводит к оценке языков с большим количеством рассматриваемых слов "экзотических", "более непосредственных, отражающих

---

[86] *Wundt W.* Volkerpsychologie. Die Sprache. Leipzig, 1900. B. 1. S. 39-41; *Ашмарин Н.И.* Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та. Обществ. науки. 1925. Вып. 1-4. С. 145.

[87] *Чернышев В.А.* Звукоподражательные глаголы хинди // Индийская и иранская филология. М., 1964. С. 255.

более детское восприятие мира и языковое выражение этого восприятия".[88]

Такое понимание причин широкого распространения звукоизобразительных слов противоречит фактическому проявлению взаимосвязи языка, истории и культуры многих народов (например, японцев, англичан, тюрков и др.), социальное развитие которых имеет многовековую и очень сложную историю. Кроме того, судить о неравенстве интеллектуальных потенциалов носителей тех или иных языков, как показывают другие попытки в данном направлении, - дело совершенно бесплодное, бесперспективное и чаще всего основано на недоразумениях, а иногда и на поверхностном анализе языковых фактов и явлений. Более логичным представляется рассмотрение данной проблемы в связи с общими и типологическими особенностями строя родственных и неродственных языков.

Согласно Г.П. Мельникову, количественное различие звукоизобразительных слов в современных языках обусловлено их разносистемностью, а именно грамматической избыточностью флективных и экономностью в выражении служебной информации нефлективных языков, что создает неодинаковые возможности для образования специализированных по форме слов, т.е. экспрессивных, фонетически мотивированных лексических единиц. "Так как внешне эти слова заметно отличаются от эмоционально неокрашенных, - пишет Г.П. Мельников, - то и создается ложное впечатление, что в нефлективных языках эмоциональность, образность речи выше, в ней больше "детскости", чем во флективных языках".[89]

Аргументация Г.П. Мельникова основана на закономерностях системной организации значимых и служебных морфем во флективных, агглютинативных и изолирующих языках, а также на связанной с синтаксическими особенностями интеллектуальной загруженности (по выражению автора, "сообразительной способности") носителей языков в процессе кодирования и декодирования единиц языковой информации. Действительно,

---

[88] *Мельников Г.П.* Почему не во всех языках есть идеофоны? // Мат-лы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969. С. 61.

[89] Там же. С. 63.

взаимосвязь синтаксических элементов во фразе может влиять на эмоционально-экспрессивную выразительность составляющих частей. Но в случае со звукоизобразительными словами важное значение имеют и такие формальные признаки, как фонетическая аномалия, нетрадиционность способа образования. Кроме того, во флективных языках изменчивость корневой морфемы деформирует, денатурализует лексикализованную звукоизобразительную форму, при этом фоносемантическую функцию способен сохранить за словом один из корневых элементов, возможно, даже не употребляемый самостоятельно. Например, в русских однокоренных словах *гром, гроза, грохот, греметь, погремушка, град, угрожать, погром* и т.д. фоносематически релевантными являются два анлаутных согласных, остальные варьируют и звукоизобразительно чаще всего нейтральны; звукоподражания *трах, шлеп, бух, хлоп* и т.д., будучи междометиями, выполняют функцию сказуемых, при этом сравнительно малочисленны и как часть речи, и как форма предложения.

В агглютинативных языках, в частности в тюркских, односложная корневая морфема гораздо устойчивее, чем во флективных, и в подавляющем большинстве случаев может употребляться изолированно: *шап ет-, тыз ет-, лап ет-* и т.д. Такой способ образования аналитической формы глагола со звукоизобразительной односложной морфемой в качестве именной части в тюркских языках очень продуктивен. По нашим подсчетам, в казахском языке количество односложных звукоизобразительных корней типа СГС достигает 200.

В тюркских языках довольно распространенными являются односложные звукоизобразительные основы типа СГСС, число которых в казахском языке превышает 100. Рассмотрев их морфологический состав, звукоизобразительную функцию модификаторов, убеждаешься, что звукоизобразительные основы типа СГСС как производные от соответствующих корней (типа СГС) не являются результатом механического соединения корневой морфемы с модификатором, а представляют собой усеченный вариант глагольного образования (*тарсылда* > *тарс*, *тарпылда* > *тарп* и т.д.). Целью и причиной такого усечения является создание экспрессивной формы звукоизобразительных слов, которой они резко отличаются от экспрессивно нейтральной лексики в тюркских языках.

Происхождение модификаторов имеет длительную историю, их формирование последовательно проходит стадии самостоятельного слова, вспомогательного глагола, аффикса. Звукоизобразительная функция модификатора - результат его последующего ассоциирования с конкретными видами природных звучаний в окружающей среде.[90]

Если учесть, что в тюркских языках, в частности в казахском, число односложных звукоизобразительных корней и основ указанных типов превышает 300, от каждого из которых в среднем образуется по 4-5 производных, то общее число звукоизобразительных слов достигает 1200-1500 единиц. При этом не учитываются звукосимволизмы, количество которых в тюркских языках до настоящего времени не определено, и так называемые образоподражательные слова, в казахском языке преобладающие над звукоподражательными.

Таким образом, мы не отрицаем возможность влияния среды обитания, уровня социально-экономического и культурного развития народа на его язык, на квантитативную характеристику звукоизобразительных слов. Вместе с тем считаем, что количество звукоизобразительных слов в разносистемных, генетически удаленных языках зависит от специфики грамматического строя, особенностей морфологической и словообразовательной систем, в той или иной степени содействующих естественному и объективному процессу денатурализации звукоизобразительных единиц с мотивированно ощущаемой формой.

Различие в системных отношениях языковых средств и обусловленная этим разница в количестве подражательных форм и моделей, как правило, приводят к тому, что звукоизобразительные слова одного языка могут не иметь адекватных фонетико-семантических параллелей в другом и переводятся в таких случаях с помощью экспрессивно нейтральных слов. Однако отсутствие тех или иных звукоизобразительных форм в ряде современных языков еще не означает, что они не употреблялись в прошлом. Вполне возможно, что этимолого-фоносемантический поиск позволит реконструировать

---

[90] *Хусаинов К.Ш.* Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата, 1988. С. 81.

изначальную звукоизобразительность ряда слов, в современных языках функционирующих как изобразительно нейтральные, т.е. утратившие свою фонетическую мотивированность.

3.2. Этимология и звукоизобразительность

В этимологических словарях различных языков при лексикографировании звукоизобразительной лексики авторы чаще всего ограничиваются пометами, указывающими на их ономатопеическое / подражательное / отимитативное, а иногда неясное происхождение или, в лучшем случае, приводят ограниченное число лексических параллелей из родственных языков.[91]

"Это, по утверждению В.И.Абаева, - большая ошибка, существенно снижающая ценность многих этимологических словарей."[92]

Недостаточная разработанность этимологии звукоизобразительных слов, как и вообще несколько недоверчивое отношение к данному пласту лексики, по С.В.Воронину, обусловлены относительной денатурализацией ономатопов, некритическим принятием постулата Ф. де Соссюра о принципиальной произвольности языкового знака, а также совершенно недостаточным использованием результатов фундаментальных исследований звукоизобразительной лексики целого ряда языков.[93]

Прежде чем на конкретном примере продемонстрировать необходимую глубину этимологизации звукоизобразительных слов и показать значение теории звукоизобразительности - фоносемантики - для современной

---

[91] *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. М., 1974; Т. 2. М., 1978; Т. 3. М., 1980; *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. Т. 1. М., 1971; Т. 2. М., 1976; Т. 3. М., 1984; *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.;Л., 1958 и др.

[92] *Абаев В.И.* Parerga 2. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук // Вопросы языкознания. 1986. N4. С. 37.

[93] *Воронин С.В.* Древнегерманские abstracta /фоносемантический этюд/. Системное описание лексики германских языков. Л., 1981. Вып. 4. С. 24, 27; см. также: *Климова С.В.* Глаголы "неясного происхождения" в Сокращенном Оксфордском словаре /элементы этимологической фоносемантики/: АКД. Л., 1986. С. 3-5.

лексикографической практики, остановимся на некоторых общих моментах этой теории с теорией языковой номинации.

Как известно, изучение лингвистической сущности номинативного процесса предполагает исследование лингво-гносеологических основ языковой номинации с учетом "первичного установления значения слова и закрепления в познании, а, следовательно и в языке одного из признаков предмета и процесса развития номинативного значения языковых единиц в аспекте общего развития языка."[94]

Первичное закрепление значения слова или первичное наименование, основанное на формировании обобщенного образа, проходит через конкретные этапы чувственного познания, при котором важнейшую роль играют органы чувств человека. Любой признак предмета, воспринимаемый непосредственно или же выявляемый путем сложного анализа, так или иначе влияет на органы чувств. Следовательно, закономерности чувственного познания в той или иной степени должны влиять на отражательную деятельность человека. Например, отдельные закономерности зрительного и осязательного восприятия могут мотивировать систему наименований предметов, встречающихся в человеческой практике в связи с этими видами ощущений. Для раскрытия подобной мотивированности необходимо проанализировать различные наименования, дифференцированные по тем или иным признакам, выделяемым тем или иным органом чувств.

Так, "анализ названий направлений пространства и названий цвета приводит к выводу, что в языке они упорядочиваются к внутренним закономерностям чувственного познания человека, который находится не в созерцательном, но в активном отношении к миру."[95]

Словесная система отчета направлений пространства в разных языках складывалась на основе изоморфной чувственной системы отчета, под которой понимается структура пространственных восприятий и представлений, связанных с ощущением расположения

---

[94] Языковая номинация /общие вопросы/. М., 1977. С. 145

[95] *Шемякин Ф.Н.* Язык и чувственное познание // Язык и мышление. М., 1967. С. 55.

частей тела человека /при нормальном положении/. Названия цвета в различных языках являются обобщенными и отвлеченными по линии цветового тона или по линии светлоты.[96]

Возможность звукоизобразительного обозначения денотата в случае с названиями цвета, очевидно, значительно больше, чем в случае с названиями направлений пространства, так как первые в системе эмоционально-экспрессивного восприятия более ярко выражены, чем вторые.

Следовательно, не все денотаты, воспринимаемые различными органами чувств, в одинаковой степени удобны для звукоизобразительного обозначения. Не случайно последние в своем образовании опираются на секундарную /т.е. морфологическую и семантическую/ мотивированность, предполагающую наличие сформировавшейся лексической системы.

Считается, что обозначаемое знака включает "как мыслительное содержание /значение/, так и те объекты /реально существующие или мнимые/, отражением которых является значение и которые в процессе общения обозначаются соответствующими знаками."[97]

В связи с этим существует мнение, по которому "в лингвистическом анализе от второй части обозначаемого /тех или иных объектов/ можно и нужно отвлечься... для лингвиста обозначаемое есть только некоторое мыслительное содержание - значение, хотя без учета второй части /предметной/ обозначаемого иногда... невозможно объяснить механизм использования знаков."[98]

Данное положение основано на понимании языка как системно-структурного образования. Но даже в этом случае раскрытие значения как результата номинативного процесса, как видим, не исключает необходимости знания признаковых особенностей денотата. Из этого можно заключить, что общим моментом номинации при фонетической, морфологической и семантической мотивированности служит выделение признаковых особенностей денотата. И если секундарная мотивированность связана

---

[96] *Шемякин Ф.Н.* Язык... С. 47, 51.

[97] *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977. С. 130.

[98] Там же.

с обозначенным в языке признаком, то фонетическая проявляется в соотнесенности "акустических и/или артикуляторных характеристик звукового облика этимона с сенсорно-эмоциональными характеристиками денотата."[99]

Для доказательства последнего и с целью выявления звукоизобразительного этимона целого ряда слов, не относимых до последнего времени к изобразительным, обратимся к конкретным примерам из лексики современного казахского, английского и некоторых других языков.

Гидроним *балқаш* в казахском языке является названием озера, расположенного на границе Алматинской, Карагандинской и Жамбылской областей Казахстана. С.П.Толстов предполагал, что данный гидроним восходит к одному из древнейших языков урало-алтайской семьи и связан с понятием 'вода'.[100]

С.Е.Малов, а также И.В.Сергеев рассматривали гидроним *балқаш* как берущий начало от значения "болотистое место, зыбкое место, грязь."[101]

Е.Койчубаев считает, что "слово *балқ* < *балық* вполне может быть субстантивированным прилагательным от существительного *балық* 'ил. В устоявшихся словосочетаниях казахов слово *балық* помимо значения 'ил' и современного его значения 'рыба' сохранило значение 'вода'... Следовательно, в гидрониме *балқаш* мы имеем два синонимичных компонента: *балық* 'вода'... морфему *-аш*, которая означает тоже 'вода', т.е. 'водный бассейн'."[102]

А.Т.Кайдаров на основании фонетического и семантического сходства производных *балшық* 'жидкая грязь, вязкая глина', *балғыр* 'мокрый, намокший', *балдыр*

---

[99] *Воронин С.В.* Этимология и фоносемантика (на материале тюркских и некоторых других языков) // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990. С. 69.

[100] *Толстов С.П.* Города гузов. Историко-этнографические этюды // Советская этнография. 1947. N3. С. 73.

[101] *Малов С.Е.* Древние и новые тюркские языки // Изв. АН СССР Отд. лит. и яз. 1952. Т. 2, вып. 2. С. 368; *Сергеев И.В.* Тайны географических названий. М., 1965. С. 80.

[102] *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974. С. 53, 54

водоросли' определяет *балқаш* как 'болотистая местность, топь.'[103]

Как видим, все указанные этимологии слова *балқаш* сходны в определении основного значения гидронима, так как исходят из семантических и фонетических особенностей корневой морфемы, представленной в производных существительных и прилагательных.

В принципе соглашаясь с подобной этимологизацией исследуемого гидронима, хотелось бы отметить, что несколько сомнительным выглядит толкование морфемы *-аш* как имеющей (пусть даже гипотетически) указанное значение. Кроме того, на наш взгляд, в исследовании А.Т.Кайдарова семантическое поле производных от рассматриваемого корня представлено хоть и не полно, но все же шире, чем у других авторов.

С целью углубления этимологического анализа гидронима *balqas* сравним корневую морфему и основу данного слова в нескольких языках, например: каз. (кроме указанных) *балқы-* 'плавиться, расплавляться,' *балшылда-* 'разбрызгивать, разлетаться,' *балдара-* 'размякнуть, обмякнуть, развариться', *балдырла-* 'лепетать, лопотать,' *балпылда-* 'неуместно болтать, молоть языком,' *балпақ* 'разжиревший, рыхлый'; туркм. *бал, балқ* подражание падению студенистой, полужидкой или тестообразной массы, *палчық* 'сырая глина', *палчылда* 'шмякнуться, шлепнуться, издавать звук 'палч'; як. *бал, балк* подражание звуку падения студенистой, полужидкой или тестообразной массы, *балд'ыыраа* 'учащенно издавать мягко хлюпающие звуки (о жидкой грязи, мягком произношении звуков речи)'; узб. *ралчық* 'жидкая глинистая грязь, ил', *балғам* 'мокрота'; кирг. *балкы* 'расплавляться, размякать, разомлеть'; тув. *балар* 'тина, ил', *балалчак* 'запачканный, замазанный, грязный'; хак. *палгас, палчах* 'грязь /например: дорожная/' и т.д. Приведенный фактический материал проливает свет на морфологический состав гидронима, который полностью совпадает с хакасским существительным *палгас* "грязь". Определение морфологического состава можно облегчить, если сопоставить основу *балқ, палқ* с аналогичными основами типа СГСС, широко распространенными в зву-

---

[103] *Кайдаров А.Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. С. 191

коизобразительных словах, например: *былқ, шылқ, бүлқ*, в которых конечный согласный является модификатором вторичной подражательной основы, образованной путем сокращения именной формы (*былғыл, шылқыл, бүлкіл*). В свою очередь модификатор *қ* восходит к аффиксу *қ(ы)*, образованному от вспомогательного глагола *қыл* 'делать'. Следовательно, морфологический состав гидронима *балқаш* определяется как соединение корневой морфемы *бал*, глаголообразующего аффикса *қ*, соединительной гласной *а* и именного аффикса *ш*.

В плане проводимого исследования интересно отметить, что в якутском и туркменском языках звукоизобразительный корень *бал* в чистой форме, а в других тюркских языках в составе производных основ обозначает подражание хлюпающим, шлепающим звукам, получаемым путем удара, прикосновения к жидкой массе или ее падения.

Фоносемантическими вариантами указанных слов в тюркских и других языках являются звукоизобразительные формы, близкие по семантике и включающие в свой звуковой состав щелевой сонорный *л* , ср.: каз. *шалпылда* 'плескаться, шлепать по воде', *шалшық* 'лужа, грязная вода, слякоть', *шалқы* 'раскинуться (о воде)', *шалқар* 'широкий, просторный, необъятный', *шалап* 'напиток - кислое молоко с добавлением воды', *шылпылда* 'хлюпать', *шолпылда* 'плескаться, хлопать по воде', *шелпек* 'лепешка'; древнетюрк. *чалпақ* 'грязь, нечистоты'; кирг. *шалпып ич* 'лакать', *шалп ет* 'шлепнуться, бухнуться'; туркм. *салпав* 'болото, лужа'; як. *чалк* подражание звуку падения слизистой массы или капли в жидкость, *чалыптаа* 'всплескивать, булькать'; узб. *чалп, шалоп, шалп-шалп* подражание плеску, шлепанью, чавканью, *шалток* 'навозная жижа, грязь, слякоть'; тув. *салдаа* 'лужа, болото', *салдыла* 'плескаться (напр. о волнах)'; хак. *чалғи* 'лизать, вылизывать, лакать' и т.д. Образованные в результате метатезы в корневой части данные звукоизобразительные формы по фонетическому составу (но не по последовательности звуков) либо совершенно идентичны ранее рассмотренным корням и основам, либо отличаются от предыдущих только огласовкой.

С приведенными тюркскими звукоизобразительными словами как по форме, так и по содержанию в других неродственных языках сопоставимы следующие звукоизобразительные образования: в значении 'плеск

жидкости' рус. *plesk*, *polosk;* тадж. *calap-calap, silip-silip, lap-lap;* осет. *c'lling* и т.д.; в значении 'лакание' рус. *lak / lok;* тадж. *lak-lak*; евр., араб. *LKK*; в значении 'лизание' рус. *liz;* литов. *lyz(t);* евр. *LHK*; сир. *LHK;* араб. *LKH, LWS, LBLB* и т.д.[104] Ср. также англ. *lick* 'лизать, облизывать', *lap* 'лакать'.[105]

Таким образом, приведенные примеры иллюстрируют типологическое сходство сразниваемых изобразительных форм как в плане семантики, так и в отношении звукоизобразительной, а точнее, звукосимволической функции латерального сонорного *л,* общего для всех слов из самых различных языков. Иначе говоря, употребление этой фонемы в корне слов в качестве основного элемента, артикуляторным особенностям которого характерны определенные ощущения тактильной модальности, мотивирует звукосимволическое выражение указанных значений. Подобная мотивированность прослеживается в звукоизобразительном этимоне *б/п...л,* от которого и берет начало гидроним *балқаш.*

Следовательно, анализ данного слова, в казахском языкознании никем еще не относимого к разряду звукоизобразительных, показывает, что оно генетически связано с фоносемантически релевантной формой и может рассматриваться как звукоизобразительное, а точнее говоря, звукосимволическое по происхождению. Аналогичную картину мы наблюдаем и в случае с этимологизацией некоторых слов в других неродственных языках.

Так, наблюдения исследователей звукоизобразительности, обративших внимание на то, что многие звукоизобразительные слова даются в словарях с пометами "этимология неясна", "происхождение неизвестно", натолкнули С.В. Климову на мысль подвергнуть фронтальному изучению слова - в частности, глаголы - "неясного происхождения" Сокращенного Оксфордского словаря Из этого словаря методом сплошной выборки ею было отобрано 935 глаголов с пометами "происхождение неясно/ неизвестно", а также те, относительно которых давались лишь предположительные версии, в том числе рассматривались и "предположительно звукоизобразитель-

---

[104] *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразительным в своих истоках? М., 1965. С. 18, 19.

[105] *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982. С. 90

ные" глаголы. Фактические материалы Сокращенного Оксфордского словаря по этимологии этих слов были сверены с данными 28 этимологических словарей по разным языкам и 37 специальных исследований по звукоизобразительности.

Так как звукоизобразительность часто может проявляться лишь на уровне мотива номинации, отобранные английские глаголы классифицировались прежде всего по данному признаку.[106]

Проведенный С.В.Климовой анализ показал, что звукоизобразительные этимологии находят весьма неполное отражение особенно в Большом и Сокращенном Оксфордских словарях, где представлены наиболее "яркие" группы звукоизобразительной лексики, главным образом звукоподражания: обозначения удара, шума, тона и др.; из звукосимволических глаголов чаще всего отмечается звукоизобразительность форм, обозначающих бормотание, резкое вращательное движение. Звукоизобразительное происхождение слов, звукоизобразительность которых проявляется на уровне мотива номинации, почти не отмечается.

Причина неадекватного отражения звукоизобразительных этимологий объясняется несистемным изучением разрозненных звукоизобразительных слов, не позволяющим вскрыть характер связи между звуком и значением в слове.

С помощью фоносемантического анализа глаголов "неясного происхождения" в Сокращенном Оксфордском словаре С.В. Климовой удалось установить звукоизобразительное происхождение 37% глаголов (346 из 935). При этом был установлен звукоизобразительный статус 73 глаголов (26 звукоподражательных и 47 звукосимволических), дававшихся в словаре с пометой "происхождение неизвестно"; установлен несомненно звукоизобразительный статус 134 глаголов, ранее считавшихся "предположительно звукоизобразительными"; установлен звукоизобразительный статус 119 глаголов и он же предполагается для 20 глаголов, относительно которых строились лишь предположительные версии и ко-

---

[106] *Климова С.В.* Глаголы "неясного происхождения" в Сокращенном Оксфордском словаре (элементы этимологической фоносемантики): АКД. Л., 1986

торые не рассматривались в словаре с точки зрения их возможного звукоизобразительного происхождения.

Как известно, в зависимости от характера мотивирующих признаков номинация может быть звукоизобразительной или описательной. В этимологических словарях чаще всего слова определяются как звукоизобразительные лишь при наличии звукоизобразительного значения. Поэтому многие производные от них либо рассматриваются как слова с нераскрываемым этимоном, либо этимологизируются на недостаточную глубину. В связи с этим интересно отметить, что С.М.Климова вслед за А.Иоханессоном и В.М.Илличем-Свитычем на основании возможных соответствий между значением и мотивом номинации определяет пути поиска этимологического решения ряда слов. К таковым она относит, например, индоевропейское *(s)ker-* "резать", восходящее к *(s)ker-* "издавать резкий звук"; отсюда и англ. *scrape-* "скоблить, скрести", *scrub-* "тереть, скрести", *scribble-* "писать каракулями". Аналогичным образом доказывается звукоизобразительное происхождение англ. *grasp-* "схватывать, зажимать в руке", *grab-* "хватать, захватывать", как и индоевропейское *ghrebh-* "хватать", восходящее к *ghrebh-* "царапать, скрести, копать". Англ. *bungle-* и шв. *bangla-*, означающие "работать неумело", являются однокоренными с англ. *bang-* "ударяться" и шв. *bang* "шум, гам"; нидерл. *mompen-* "обманывать" происходит от нидерл. *mompelen-* "бормотать" и т.д.

Таким образом, в результате анализа ряда слов из нескольких неродственных языков можно сделать определенные выводы, позволяющие констатировать важное значение теории звукоизобразительности для создания этимологической фоносемантики - нового направления современного языкознания на стыке этимологии и фоносемантики.

Этимологическая фоносемантика способна решить ряд проблем исторической реконструкции слов, что не под силу традиционной этимологии.

Главной особенностью фоносемантической этимологии является установление закономерной связи между фонемным составом и признаком, положенным в номинации объекта, т.е. денотата.

К основным задачам фоносемантической этимологии можно отнести: глоттогонические исследования с позиций теории звукоизобразительности, проведение

фоносемантического анализа отдельных звукоизобразительных групп, разработка проблемы соотношения мотива номинации и значения слова, а также исследование путей семантического развития звукоизобразительной лексики.

ГЛАВА IV

СТРУКТУРА ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Структурные типы звукоподражательных слов могут варьировать не только в зависимости от количества составляющих компонентов, но и их комбинации, а также их характерной специфики в тех или иных языках.

Структурные особенности звукоизобразительных слов можно рассматривать в двух аспектах: историко-морфологическом, т.е. в плане традиционной грамматики, и фоносемантическом, т.е. в плане звукоизобразительных функций или связи формы с содержанием.

В данной главе мы попытаемся в основном придерживаться нетрадиционного подхода, применяя в случае с отдельными структурными типами подражаний сравнительно-исторический метод исследования. Последнее обусловлено тем, что большинство звукоизобразительных корней и основ в своем развитии под влиянием морфологических особенностей конкретного языка вполне естественно подверглись процессу фонетических, семантических и морфологических изменений.

4.1. Опыт фоносемантического анализа

Относительно истории формирования звукоизобразительных слов в тюркских языках существует мнение, в соответствии с которым "наидревнейшее, самое элементарное звукопредставление в далеком прошлом, вероятно, реализовалось наличными в каждом языке гласными буквами, так как другой возможности он не имел и не мог иметь... Например, звукосимволика "ы" могла передавать всякий звук внешнего мира, который в известной степени соответствовал гласному звуку - фонеме человеческой речи, произносимому обычно при неполном открытии рта. Что обозначало это звукопредставление в свое время? Об этом можно судить теперь только по зна-

чениям производных от него образований в казахском языке".[107] Анализируя звукоподражательные корни *ыс, ыр, ын, ыз,* автор данной точки зрения приходит к выводу, что сумма значений этих производных основ подражаний, по существу, и определяет то общее, свойственное значению этой корневой морфемы.

С данным утверждением трудно согласиться, т.к. во многих звукоподражательных словах корневая гласная, по наблюдениям исследователей самых разных языков, в семантическом плане выполняет не основную, а второстепенную, или дополнительную функцию. Это видно не только в случае с вышеприведенными формами, но и с разнотоновыми одноструктурными звукоподражательными образованиями типа *тарс, тұрс, тырс, дан, дын, дүң, діч* и т.д., где основная характеристика звучания передается согласными, гласные же в данном случае дифференцируют только силу звучания и его тональность. Следовательно, возведение ныне функционирующих звукоподражательных корней к отдельным гласным звукам чаще всего совершенно невозможно. Исключение составляет малочисленная группа подражаний чистого тона.

Согласно Н.К. Дмитриеву, в турецком языке "с фонетической точки зрения всегда имеется возможность возвести каждый подражательный комплекс к его первоначальному типу. В основе комплекса в целом лежит обычно согласный звук, который по ономатопоэтической теории в артикулярном отношении считается близким к какой-либо стороне природы явления, обозначаемого этим звуком. Например, для передачи существующих в природе звуков высокого напряжения язык пользуется своими собственными звуками ряда *zh - z;* ср. *zip,* которое выражает звук скручиваемой веревки, звук прыжка или подпрыгивающего мяча; *zir,* которое обозначает продолжительный монотонный шум и т.п. Звуки *p, t* передают обычно глухой шум, удар, топот и т.п.; ср. *pit pit* 'топот или шум от движения ног', *taq taq* 'стук в дверь' и др. Уже из этих примеров можно уловить схему, по которой строятся подражательные слова: это характерный согласный звук в сочетании с гласным, также влияющим на природу ми немы (например, предполагалось, что звук

---

[107] *Кайдаров А.Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. С. 170, 171

i придает всему комплексу легкость и тонкость, звук *и* - глухость и т.п.), и второй согласный, который по силе своего влияния иногда может быть равнозначным основным элементам мимемы, но большей частью гармонирует с ними."[108]

По мнению Г.Марчанда, в английских "словах, обозначающих звук, имитационный принцип играет большую роль в развитии начальных символов, как в /*b*/ и /*p*/, которые демонстрируют дыхательный взрыв при помощи внезапного разделения губ и поэтому, кажется, являются наиболее натуральной передачей того, что ухо воспринимает как взрыв возне. Мы имитируем в инстинктивном параллелизме звуковой взрыв во внешнем мире при помощи движения наших органов речи, дающего сходный результат. Символы /*t*/ и /*d*/ часты в словах, обозначающих удар или стук по чему-либо. Они могут быть имитированы благодаря движению языка: кончик ударяет о зубы или альвеолы и отнимается со взрывом."[109]

Согласно В.Гезениусу, семитская звукоизобразительность заключена в сочетании двух согласных, которые образуют корень, либо повторяясь в нем дважды, либо наращивая возле себя третий корневой согласный, значение которого в свете звукоизобразительности неясно. Между односложными корнями есть много звукоподражательных, совпадающих с однозначными корнями индоевропейских языков. Все три корневые согласные являются по его выражению "первоначальными" и выполняют звукоизобразительную функцию. В связи с этим он пишет:"В высшей степени важным средством исследования чувственного значения корней представляется мне, все более с каждым днем этой новой обработки еврейского языкового богатства, рассмотрение обоих существенных коренных согласных, на которых - не только в слабых корнях, но и во многих других - покоится основное понятие; и что связано с этим прослеживание первоначального ономатопеического, которое, чего я ранее не замечал, обнаруживается в этой языковой семье не менее богато, чем в большинстве других. Большей частью такие

---

[108] *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962. С. 62, 63.

[109] *Marchand H.* Phonetic symbolism in English Wordformation // Indogerm. Forschungen. 1956. B. 64. S. 147.

слоги являются вместе с тем звукоподражательными и на этой основе соприкасаются по крайней мере в отношении наиболее существенных звуков также с корнями многих неродственных языков".[110]

Исследуя редупликативные формы в семитских языках, Т.Нельдеке отмечает, что "в названиях животных с удвоением мы имеем по большей части прямое звукоподражание".[111]

А.Дрексель в работе, посвященной сравнению семитских корней с корнями африканских языков, в разделе об ономатопеических глаголах утверждает, что семитские звукоизобразительные корни в основном двусогласные.[112]

Комплексное (структурное, статистическое и типологическое) исследование фонотактической структуры слога на материале односложных слов индоевропейских (немецкого, английского, португальского, французского, румынского, испанского, русского, украинского, чешского и др.) и тюркских языков (узбекского, казахского, азербайджанского, каракалпакского, киргизского, туркменского, турецкого и башкирского) выявило следующие закономерности: 1) как индоевропейские, так и тюркские языки неполно используют теоретически возможные типы односложных слов; 2) индоевропейские языки характеризуются наибольшим количеством структурных типов (17 типами в словаре и 19 типами в тексте); 3) тюркские языки имеют лишь шесть структурных типов (V, CV, VC, CVC, CVCC, VCC), общих для тех и других языков; 4) по данным словарей во всех анализируемых языках тип CVC - самый распространенный; 5) для типов V, VCC, CV, VC во всех языках характерна зона низких частот.[113]

---

[110] *Гезениус В.* Еврейская грамматика / Пер. и ред. проф. Коссовича. СПб., 1874. С. 188.

[111] *Noldeke Th.* Beitrage zur semitischen Sprachwissenschaft. Strassburg, 1904. S.107.

[112] *Drexel A.* Der semitische Triliterismus und die africanishe Sprachforschung. WZKM. 1925. B XXXII S.20.

[113] *Авазбаев Н.* Структура слога в языках различных типов. Ташкент, 1986. С. 32-35. См. также: *Kramsky J.* Phonological Analysis of Persian monosyllables // Archiv orientalni Prague, 1947. V. 16. P. 103-134; *Скала Е.* К вопросу о контрастивной структуре слов в немецком и чешском языках // Типология германских литературных языков. М., 1967.

Приведенные выводы сделаны на основе анализа односложных лексических единиц конкретных языков и языковых семей.

Каково же положение с представленностью указанных структурных типов в звукоподражательных словах английского и казахского языков? Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно, прежде всего необходимо рассмотреть их конкретные модели в данных языках.

Тип V в названных языках встречается крайне редко и, будучи выраженным, как правило, долгим гласным, вследствие большой близости с естественным звуком - денотатом, в семантическом плане характеризуется тождественностью, например, англ. *и-и-и*, *woo* - подражание гудению, вою, завыванию ветра, пароходной трубы и т.д., в каз., тат., кирг. и многих других тюркских языках в форме *у-у-у* имеет то же самое значение.

Тип С в исследуемых языках в качестве самостоятельно употребляемого слова отсутствует. Не отмечен он и в исследовании Н.Авазбаева, в то время как в звукоподражательных образованиях тип представлен продолжительно произносимыми подражаниями звукам живой и неживой природы, например, в англ. *z-z-z* - подражание жужжанию (пчелы); *sh* - подражание свистящему звуку (косы); каз. *ш-ш-ш* - подражание шипению и т.д.

Тип CV в английском языке посредством форм *too* - подражание гудению рожка, *moo/boo* - подражание мычанию коровы, *whoo* - подражание крику, уханью совы [114] передает чаще всего голоса различных животных. В ка-

---

С. 230-245; *Бектаев К.Б.* Алфавитно-частотный словарь слогов казахского языка // Статистика казахского текста. Алма-Ата, 1973; *Плевако Н.Г.* Статистическое исследование структуры слова в украинском языке: АКД. Харьков, 1974; *Бобомуратов Ш.* Фонетико-фонологическая структура односложных слов современного литературного таджикского языка: АКД. Тбилиси, 1975; *Ахтямов М.Х.* К вопросу о структуре корня в башкирском языке // Языкознание: Тез. докл. и сообщ. 3-й Всесоюзн. тюркологич. конференции. Ташкент, 1980. С. 164; *Чикаидзе В.Г.* Фонологическая структура односложных слов в турецком языке // Советская тюркология. 1981. N5; *Кайдаров А.Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986.

[114] См.: *Воронин С.В.* Английские тоновые континуанты и некоторые лингвистические универсалии / Вестн. ЛГУ. Л., 1977. Деп. рук. ИНИОН. 22.02.1977 N1200. С. 3-4.

захском этот тип представлен также обозначениями тоновых звучаний: *гу* - подражание монотонному шуму, гулу и т.д.

Передача тонового звучания с помощью общего для двух языков звукоизобразительного элемента [*и:*] вполне закономерна и является типологической универсалией, т.к. часто встречается в подражаниях с аналогичным или сходным значением во многих других языках.[115]

Акустические звукоподражательные слова в современном английском языке составляют определенную, легко выделимую группу. В нее входят помимо подражаний звукам окружающей действительности подражания звукам неречевых органов человека и голосам животных и птиц.

Тоновые звукоподражательные слова, как видно из самого названия, обозначают тон в его наиболее чистом виде, например, музыкальный тон духового инструмента, искусственно производимый ровный сигнал, некоторые разновидности голосов животных и птиц и т.д. В частности, разновидности низкого, громкого звучания передаются следующими звукоподражательными словами: гудение - *hoot* 'кричать, ухать (о сове); кричать, улюлюкать; гудеть (о рожке)'; *toot* 'трубить в рог или рожок, давать гудок'; *woo* 'подражание гудению ветра'.

Английскому звукоподражательному *roar* 'рев, шум'; 'реветь, орать; рычать' в фоносемантическом плане соответствует звукоподражательный корень *ыр*(*-ылда*) 'рычать', т.е. одно и то же значение передается разными односложными структурными типами.

Тип VC в английском языке встречается реже, чем в тюркских, в которых он выражен не только большим количеством, но и значительным разнообразием компонентов: англ. *ack(-ack)* 'огонь зенитной артиллерии'; воен. жаргон. 'зенитные орудия', каз. *ар*, *ыр* - подражание рычанию, лаю собаки, *ын* - подражание стону, стенанию, тихому напеванию мелодии, *ыз* - подражание жужжанию насекомых, *ыс* - подражание шипящим, свистящим звукам и др.

Фоносемантический и типологический анализ приведенных примеров звукоподражаний дает возмож-

---

[115] См.: *Газов-Гинзберг А.М* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 22 и др

ность заключить, что употребление конкретных гласных здесь связано с дифференциацией силы звучания обозначаемого денотата, а тех или иных согласных - с выражением характера звучания. При этом в английском слове конечный согласный передает отрывистость мотивирующего звука (не случайно повторяющаяся особенность звучания денотата обозначается с помощью редупликации звукоизобразительных форм), а в казахских примерах при различии семантики продолжительность звучания денотата обозначается сонорными и шипящими.

Тип CVC является одним из наиболее распространенных в исследуемых языках. С помощью данной модели в исследуемых языках могут обозначаться самые различные звуки окружающей действительности. Ниже приводятся примеры звукоподражательных слов английского и тюркских языков, обозначающих основные, наиболее типичные звуки.

Англ. *tick* 'тиканье; тикать'; каз. *тықылда-* 'постукивать, стучать тихо'; *тақылда-* 'стучать, издавать характерный звук при ударе о деревянную поверхность', *тоқылда-* 'стучать, издавать отрывистый приглушенный звук', *дық-дық ет-* 'постукивать (напр., о каблучках)', *дік-дік ет-* 'издавать тихие приглушенные звуки, тихо стучать (например, о пульсе)', *дүк-дүк ет-* 'издавать глухие звуки', кирг. *так* 'стук, тук, трах', *тык* - подр. тихому стуку, *дук* - подр. сильному биению сердца, туркм. *дүк* - подр. однократному глухому звуку, возникающему при ударе, при падении тяжелого предмета на землю, *тык* - подр. легкому стуку о деревянные предметы, узб. *тик* - подр. тихому, негромкому стуку, *дукилла-* 'глухо стучать, издавать глухой звук', як. *тык* - подр. легкому треску, легкому стуку мгновенного движения и т.д.

Основными элементами этих трехкомпонентных звукоподражательных корней являются согласные *т/д* и *к/қ*, при этом если начальные согласные в определенной степени дифференцируют характер звучания, то важнейшей звукоизобразительной функцией конечных согласных является обозначение краткости, прерывистости звука. Даже в полностью лексикализованном английском слове *knock* сохраняется та же конечная согласная, что и в подражательных образованиях. Различие корневых гласных связано с различием силы звучания, обусловленного физическими особенностями предметов, производящих тот или иной звук. Тюркская модель звукоизобра-

зительного обозначения различных стуков, ударов по жестким не звонким предметам в семантическом и формальном плане значительно многообразнее.

Англ. *ding* 'звон колокола; звенеть (о металле)'; *sing* 'свист (пули), шум (ветра), звон (в ушах); петь, свистеть (о пуле), звенеть (в ушах)'; *ting* 'звон, звяканье, дзиньканье; звонить в колокольчик, звенеть'; *tingle* 'звон колокольчика или металлических предметов; звяканье; звенеть, звонить, звякать'; *ring* 'звон; звенеть'; *ping* 'стук, звук от удара; ударяться со стуком'; *jingle* 'звон, звяканье, побрякивание; звенеть, звякать'; *jingle-jangle* 'звон, перезвон, позвякивание'; *chink* 'звон, звяканье (стаканов, монет)'; каз. *даңғыр* 'звон, шум, гомон, громыхание', *дүңгір* 'глухой звук домбры, небольшого колокола', *дыңғырла-* 'звенеть, звонко звучать, бренчать', *діңкіл* 'глухо звенящий, гудящий звук', *зыңылда-* 'звенеть, бренчать, брякать, дребезжать', як. *даң* - подр.звону колокола, кирг. *дың* - подр. слабому звону, возникающему от слабого щелчка по барабану или от капель дождя, падающих на пустое ведро, тув. *конга* 'звонок , колокол', туркм. *тиң* - подр. звону струны при игре на дутаре, *зың* - подр. лязгу, узб. *жаңгилла-* 'звенеть, издавать звон', тув. *шыңгыра-* 'звенеть' и т.д.

Как видно из приведенных примеров, наличие увулярного сонорного *ң* в конце односложного звукоизобразительного корня является универсальным языковым средством выражения звона, бренчания, резонирующего звука.[116] Употребление гласных, как и в других звукоизобразительных словах, имеет свои закономерности. При этом в случае сочетания с увулярным сонорным *ң* узкие и губные гласные передают более тихие, приглушенные резонирующие звуки, а широкие - более сильные и звонкие. Вместе с тем необходимо отметить, что в тюркских моносиллабических корнях с указанными значениями применяется более широкий состав гласных, чем в английских. Начальные согласные также релевантны в фоносемантическом плане, так как дифференцируют варианты указанных звучаний: согласные *т, д, к* чаще встречаются в словах, обозначающих звучания низкой

[116] Подтверждением этого могут служить и примеры из нескольких языковых семей, приведенные в работе А.М Газова-Гинзберга "Был ли язык изобразителен в своих истоках?" (с. 25).

тональности, а *з, ш, ч* - в словах, обозначающих звон или резонирующие звучания более высокой тональности.

Некоторые примеры моносиллабических звукоизобразительных образований имеют более усложненную, чем CVC структуру, а именно относятся к типам CVCC и CVCCC. Их интерпретация в данном случае вместе с типом CVC объясняется тем, что эти усложненные структуры как морфологически, так и семантически являются производными от последнего.

Англ. *tap* 'легкий стук или удар; стучать, постукивать; хлопать'; *pat* 'похлопывание, хлопанье; шлепанье; хлопок, шлепок (звук); шлепать, похлопывать'; *patter* 'стук дождевых капель; топтание, легкий топот; барабанить, стучать (о дождевых каплях); топтаться, семенить (о ребенке)'; каз. *тапылдат* 'топать, топтаться'; *топыр* 'топот, стук обуви при ходьбе'; *тыпырла* 'топтаться, не стоять на месте'; туркм. *тапыр* - подр. монотонному топоту множества ног, копыт; кирг. *тап* - подр. шлепанью ступней по земле или ладонью по чему-либо, *топ* - подр. глухому стуку, *тып* - подр. звуку упавшей капли, отрывистому звуку; як. *тап* - подр. легкому хлопанью, легкому удару, *тип* - подр. глухому отрывистому стуку, *тэп* - подр. легкому отрывистому стуку; узб. *тап* - подр. глухому звуку от удара или падения, *топта-* 'топтать, растаптывать'; тув. *тапта-* 'топтать, мять ногами, растаптывать, трамбовать'.

Прежде чем рассматривать звукоизобразительную функцию элементов данной модели, обратим внимание на последовательность и состав гласных и согласных в английских звукоизобразительных корнях *tap* и *pat*. Будучи одинаковыми по составу, они противоположны по расположению начальных и конечных согласных. В семантическом же плане эти корни хотя и не тождественны, но в значительной степени близки друг к другу, обозначают сходные действия и названия действий, что позволяет рассматривать их как фоносемантические или звукоизобразительные варианты одного корня, возможно, образованные путем хорошо известной фонетической метатезы. Такие варианты могут встречаться как между двумя или несколькими родственными языками, так и в однозначных словах какого-либо одного языка, например, як. *кыс-кый* 'свистеть' и туркм. *сык-ылык* 'свист',

каз. *тарс* и *сарт* - подр. громкому стуку, грохоту, громыханию и т.д.[117] В английском языке данную закономерность можно наблюдать на примере такой фоносемантической пары, как *babble* - *blab* 'болтун'.

Модель *t* + гласный + *p* в приведенных примерах из исследуемых языков является общей при выполнении вполне конкретной звукоизобразительной функции - обозначении стука, удара, топота или близких к ним по звучанию действий.

Анализируя подобные звукоизобразительные модели английского языка, Х.Марчанд утверждает, что "начальные символы [t] и [d] часты в словах, обозначающих удар или стук по чему-либо. Они могут быть имитированы благодаря движению языка: кончик языка ударяет о зубы или альвеолы и отнимается со взрывом."[118]

А.М.Газов-Гинзберг, объясняя звукоизобразительную функцию начального согласного данной модели, пишет: "Взрыв переднеязычный выбран здесь потому, что это один из наиболее сильных (вследствие силы органа) взрывных звуков речи; так как шум создается здесь при участии твердого тела (твердое небо, зубы), фонема подходит для передачи звука удара твердых тел в природе (в отличие от губного взрыва, где участвуют лишь мягкие органы)."[119]

Выражение семантики 'хлопанья, похлопывания, легкого топота, удара по мягкой поверхности', очевидно, связано с особенностями артикуляции лабиализованного в конце звукоизобразительного корня.

В тюркских языках начальный согласный *д* в рассматриваемой модели лишь варьирует значение звукоизобразительного корня: кирг. *дүп* - подр. глухому, сильному (например, ружейному выстрелу) или слабому (например, топанью ногой о землю, об пол) звуку, сильному биению сердца, падению тяжелого предмета.

---

[117] *Хусаинов К.Ш.* Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата, 1988. С. 122.

[118] *Marchand H.* Phonetic symbolism in English Wordformation // Indogerm. Forschungen. 1959. B. 64. P. 147.

[119] *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 53, 54.

Дальнейшее структурное развитие звукоподражательного корня *т/д* + гласная + *п* происходит в соответствии с исторически сложившимися закономерностями морфологии английского и тюркских языков: ср. англ. *drub* 'удар палкой или дубиной; бить палкой, дубинкой; колотить; разбить, разгромить, нанести поражение; топать, стучать, барабанить'; каз. *дабыр* 'шум-гам, гомон, голоса людей'; *дабыл* 'бубен, вид барабана', кирг. *дабыра* 'производить топот, грохотать', туркм. *дабыр* подр. сливающемуся в общий гул топоту галопирующих лошадей, як. *дабдыгыраа* 'учащенно и громко стучать' и т.д.

По аналогии с англ. tap - pat эти звукоподражательные производные (*drub* и *дабыр/л*) являются фоносемантическими вариантами одной модели, в которой согласные *р/л* также выполняют вполне определенную изобразительную функцию.[120]

Английскому *buzz* 'жужжание; гул; жужжать; гудеть' в казахском языке семантически соответствует звукоподражательный корень *ыз*, т.е. двухкомпонентная структура с общей звонкой щелевой *z*. В структурном отношении тождественными, но семантически несколько отличающимися от английского звукоподражания *buzz* в казахском языке являются корни *баж* (*баж ету, бажылда-)* 'издавать громкие резкие звуки, голосить; громко, грубо ругать)' и *быж* (*быж ету, быжылда-)* 'шипеть (о сосуде с жидкостью, о жидкости); жужжать (о насекомых)'. По составу гласных и согласных очень близким, а по номинативному значению совершенно тождественным с английским *sizzle /разг.* 'шипение, шипящий звук (при жаренье на огне)'; шипеть (при жаренье)'/ в казахском языке является основа слова *шыжыл-да-* 'шипеть, издавать характерные звуки при жаренье'. В обоих случаях исходным корнем подражательных форм является модель 'глухая щелевая + гласная + звонкая щелевая'. При этом английская основа остается односложной, а казахская основа переходит в разряд двусложных.

Англ. *quack* 'кряканье (уток); (*разг.*) кряква, утка; крякать (об утках)'; *quackle* 'крякать'; *cackle* 'кудахтанье;

---

[120] *Gonda J.* Some remarks on onomatopeia, sound-symbolism and word formation a propos of the theories of C.N.Maxwell // Tijdschr. v. indische taal-, land- en volkenkunde. 1940. B. 80. S. 210; *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982. С. 111-118.

клохтанье; трескотня; болтовня'; *cackler* 'клохчущая или кудахтающая птица'; *gaggle* 'гоготанье; стадо гусей; гоготать'. Ср. каз. *қақылда* 'издавать резкие, неприятные звуки; кудахтать' (*қақылдаған тауықтар* 'кудахчущие курицы'). Совпадение английского и казахского звукоподражательных корней полное не только по форме, но и по содержанию. Даже производные основы отличаются лишь наличием инлаутной гласной в казахском слове и ее отсутствием в английском.

Англ. *chirk* (*шотл.*) 'визжать, скрипеть; (*диал.*) чирикать, пищать'; *chirl* 'птичья трель; издавать трели, петь (о птицах)'; *chirm* 'шум (голосов); (*уст. диал.*) птичий щебет; гомон, гам; щебетать.' *chirp* чирикать, щебетать; щебетать (о детях); лепетать'; *chirp* 'чириканье, щебетанье, крик птицы; чирикать, щебетать, кричать (о птице), пищать, звенеть, стрекотать; пищать, издавать писк (о человеке)'; *chirr* 'стрекотание, трескотня, треск; шуршание; стрекотать, трещать; шуршать'; *chirrup* 'щебет, щебетание, чириканье, стрекотание; щебетание, болтовня человека; щебетать, чирикать; жужжать, звенеть (о комарах); щебетать, весело болтать'. Ср. каз. *шыр етті-* 'резко, неожиданно заголосить, зазвенеть'; *шырылдау-* 'щебетать, чирикать'; *шырылдауық* 'трещотка для отпугивания животных, птиц' и т.д. Если эти английские звукоподражательные корни исторически восходят к модели CVC с начальной аффрикатой и конечным вибрантом, то их структурное и семантическое сходство с приведенными примерами казахских подражательных слов является несомненным, особенно в случае с англ. *chirl* 'птичья трель' и каз. *шырыл* 'щебетанье, чириканье; громкий плач грудного ребенка', в которых звукоизобразительная функция *l* , как указывалось выше, - обозначение продолжительности действия.

По составу согласных и производному значению каз. *шырыл* вполне сопоставимо с англ. *shrill* 'пронзительный резкий крик, визг; резкий свисток; пронзительно кричать, звучать резко и громко'; *shriek* 'пронзительный крик, визг; пронзительно кричать, визжать'.

Англ. *cheep* 'писк (птенцов, мышей); пищать, пискнуть'; *peek* (*амер.*) 'писк; пищать'; *peep* 'писк; чириканье; чирикать; пищать'; каз. *шиқ етті* 'пискнул, скрипнул'; *шиқыл* 'писк птенцов, мышей и т.д.'; скрип двери, колес и т.д'. Казахский звукоподражательный ко-

рень сопоставим с однозначным английским не только в отношении огласовки, но и начальной гласной с той разницей, что в одном случае мы имеем глухую щелевую, а в другом - аффрикату. Различие между корнями в конечных согласных: английский корень оканчивается на лабиализованную, а казахский - на заднеязычную смычную. Сходство между казахским корнем и английским в американском варианте наблюдается именно в конечных согласных. Из этого следует, что, во-первых, английский и американский звукоподражательные корни находятся друг к другу в отношении гомогенных фоносемантических вариантов одного и того же корня; во-вторых, казахский звукоподражательный корень в семантическом и структурном плане соответствует обобщенной модели, передающей выше указанное подражательное значение.

Англ. *bark* 'лай; резкий, отрывистый, повелительный тон (манера говорить); звук выстрела; кашель; лаять; *(разг.)* рявкать; *barker* брехливая собака, пустолайка'. Ср. каз. *бақ етті* 'неожиданно резко закричал, издал резкий звук', *бақ-шақ* 'шум, гам, галдеж', *бақыр* 'кричать, орать, рявкать'. Семантическая и структурная близость сопоставляемых слов, учитывая их генетическую отдаленность, позволяет квалифицировать их как звукоподражательные слова одной модели.

Англ. *hiccough*, *hiccup* 'икота; икать'. Ср. каз. *ықылық* 'икота', *ықылықта-* 'икать', *кекеш* 'заика', кирг. *ыкылда-* 'издавать звук, похожий на икоту (например, при ударе в живот)'; туркм. *ык* - подр. вздоху, стону; як. *лык* - подр. икоте; узб. *хикичок* 'икота', *хик* - подр. икоте, сдавленному, отрывистому звуку и т.д.

К.Ш.Хусаинов, определяя казахские примеры как звукосимволизмы, пишет: "При икании наблюдается непроизвольное сжатие мышц горла, резко прекращающее втягивание воздуха, в результате чего издается характерный звук. Звукосимволическое обозначение икания в казахском языке состоит из узкого негубного заднего ряда *ы* и увулярного смычного *қ*, артикуляция которого как бы повторяет, воспроизводит действие мышц при икании. Употребление в данном случае именно увулярного *қ* объясняется тем, что этот согласный в фонетической си-

стеме казахского языка из смычных согласных является самым задним."[121]

Принимая данное объяснение связи артикуляционных особенностей при произнесении звукоизобразительных корней с их семантикой, едва ли можно согласиться с определением этих корней в качестве звукоимволических слов. Вероятнее всего, их необходимо относить к звукоподражаниям, так как это физиологическое действие сопровождается характерным звуком.

Тип CCVC в тюркских языках, как указывалось выше, отсутствует. В индоевропейских языках этот тип односложных корней встречается очень часто. Однако данная закономерность, будучи, очевидно, связанной с особенностями морфологического и фонетического развития этих языков, на уровне звукоизобразительности не играет принципиальной роли, так как при отсутствии того или иного структурного типа в языке подобный пробел в возможностях восполняется какими-либо другими сходными, однотипными звукоизобразительными средствами, очень часто с помощью фоносемантической вариативности. Ср. англ. *slap* 'шлепок; хлопать, шлепать'; *clap* 'удар, хлопок, шлепок; хлопать, хлоп'; *flop* 'шлепок, хлопок'; шлеп! плюх!; *slap* 'шлепок; хлопать, шлепать'; *slat* 'хлопать (о парусе)'; *clap* 'удар, хлопок, шлепок; хлопать, хлоп'; *plop* 'звук от падения в воду без всплеска; падение в воду; бултыхнуться, хлопнуться, шлепнуться'; бултых! шлеп!; *popple* 'плескание, плеск; плескаться, волноваться'; каз. *шалпылда* 'плескаться, шлепать по воде'; *шылпылда* 'хлюпать'; *шолпылда* 'плескаться, хлопать по воде'; *шелпек* 'лепешка'; *чалк* подр. звуку падения слизистой массы или капли в жидкость; узб. *чалп* подр. плеску, шлепанью; туркм. *чалпав* 'болото, лужа' и т.д. Общими звукоподражательными элементами односложной корневой морфемы как в английском, так и в тюркских языках являются согласные *л/l* и *п/p*, расположенные либо в смежной позиции, либо разделенные какой-либо гласной. При этом последовательность *л/l* в начале, *п/p* после нее в приведенных примерах за редким исключением не нарушается. Семантические различия в общем проявляются в том, что

---

[121] *Хусаинов К.Ш.* Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата, 1988. С. 147.

английские звукоподражательные слова имеют более обобщенный характер (кроме подражательного корня *plop*), а тюркские более конкретный, связанный с взаимодействием с жидкостью, мягкой поверхностью.

Англ. *splash* 'плеск, всплеск, брызги; плескаться, шлепать (по грязи, воде; шлепнуться, бултыхнуться' по своей структуре относится к типу CCCVC, но и здесь сохраняется та же последовательность основных звукоизобразительных элементов. В семантическом же плане данное звукоподражание полностью совпадает с вышеприведенными примерами из тюркских языков.

В ранее указанных исследованиях, посвященных звукоизобразительной лексике в тюркских языках (Н.И.Ашмарин, Л.Н.Харитонов, Н.К.Дмитриев, А.И.Искаков, Ш.Ш.Сарыбаев, Г.Е. Корнилов, К.Ш.Хусаинов и др.), казахский глагол *кісне* 'ржать' и однокоренные ему слова других тюркских языков в разряде подражательных не рассматриваются. При сравнении данного глагола с англ. *snicker* 'ржание; тихо ржать' обнаруживается полное совпадение состава согласных при несколько измененной последовательности их расположения. Что это? Случайное совпадение, имеющее место в самых различных, генетически отдаленных языках, или же вполне закономерное фоносемантическое варьирование, проанализированное выше на других примерах. Ответить на этот вопрос достаточно сложно, так как трудно интерпретировать звукоизобразительную функцию наличествующих согласных. Очевидно, для определения данных образований в качестве звукоподражательных в соответствии с одним из основных принципов общей теории звукоизобразительности необходимо их масштабное сравнение с однозначными словами ряда неродственных языков.

Тип CVCC довольно часто встречается как в английских, так и в тюркских звукоподражательных словах. Ср. англ. *babble* 'лепет; бормотание; болтовня; журчание; лепетать; бормотать; болтать; выболтать; проболтаться', *babbler* 'болтун, болтушка', *blab* (*арх.*) 'болтун; болтовня'; *blabber* 'болтун, пустомеля, сплетник' (последние два примера необходимо рассматривать как фоносемантические варианты первых); каз. *балпылда* 'неуместно болтать, молоть языком'; *балдырла* 'лепетать, лопотать'. Интересно отметить, что, с одной стороны, первые два английских примера между собой являются звукоизобрази-

тельными вариантами, а с другой, все они могут рассматриваться как звукоизобразительные варианты казахских звукоподражательных слов.

Англ. *thump* ‘ тяжелый удар (кулаком, дубинкой); глухой звук (удара); наносить тяжелый удар, ударять, стучать; ударяться, биться с глухим шумом’. Ср. каз *үмп* подр. глухому звуку от удара по деревянному или полому предмету; *күмп беру* ‘бухнуться; бултыхнуться’. Особенности звучания, характерного для удара по деревянным или полым предметам, передаются при помощи губного взрывного в сочетании с сонорным. Гласная в английском слове способствует обозначению более открытого и громкого звучания, тогда как в казахском - более приглушенного и резонирующего.

Англ. *ruckle* ‘хрип, хрипение; хрипеть, издавать хрипящие звуки’. Ср. *қыр* подр. хрипу, хрипению; *қырылда-* ‘хрипеть, издавать хриплые, сдавленные звуки’; кир. *кыркыра-* ‘хрипеть, хрипло говорить, сипеть’; як. *кырчыгынаа-* ‘напряженно, судорожно хрипеть’; узб. *хирилла-* ‘хрипеть’ и т.д. Аналогично некоторым предыдущим случаям начальная и конечная согласные звукоподражательных корней типа CVC как бы взаимозаменяемы, вследствие чего на межъязыковом уровне эти корни представляют собой фоносемантические варианты, имеющие однотипную или сходную звукоизобразительную семантику. Исходя из сопоставления звукоподражательных корней, можно предположить, что английская основа типа CVCC в данном случае является производной от корня типа CVC.

Англ. *whisper* ‘шепот; шорох, шуршание; говорить шепотом, шептать; шелестеть, шуршать’; *sibilant* ‘свистящий, шипящий’; *sibilation* ‘свист, присвист, шипение; шуршание, шелест’. Ср. каз. *сыбыр* ‘шепот’, *сыбырла* ‘шептать’. На индоевропейском уровне английские примеры имеют исторически реконструируемый корень *sp/b,* полностью совпадающий с тюркским корнем *сп/б.* Звукоизобразительную функцию в основном выполняет глухая щелевая *с,* в некоторых других языках имеющая в качестве фоносемантической параллели фрикативную *ш,* например, в рус. *шепот, шептание, шептать.*

Англ. *rattle* ‘треск, грохот; дребезжание; стук; трещотка; трещать, грохотать, греметь’. Ср. каз. *дарылда-* ‘греметь, тарахтеть; говорить громким грубым голосом’; *тарсылда-* ‘стучать, колотить, тарабанить’; *тырыл*

‘дребезжание, гул мотора, трескотня’; як. *дар* подр. грому дребезжащему звуку (например, расколотой доски); узб. *тарс* подр. треску; *дардарак* ‘жужжалка-трещотка (у бумажного змея в виде бумажной ленты)’; тув. *дарыла-* ‘тарахтеть (например, о тракторе)’; туркм. *тарс-тарс ур-* ‘бить,стучать,колотить’ и т.д. Здесь также английское звукоподражательное слово, т.е. его корень, в сопоставительном ряду с тюркским находится в отношении фоносемантической вариативности со сходной и даже часто совпадающей семантикой. Главным звукоизобразительным элементом рассматриваемых корневых морфем является дрожащий сонорный, находящийся в английском корне в начальной позиции, а в тюркских корнях в конечной.

Тип CVCCC - англ. *jangle* ‘резкий звук, гул, гам’. Ср. каз. жаңғырық ‘эхо, отраженный звук’, *жаң-жуң* ‘звонкие голоса, резонирующее разноголосье’, кирг. *жангыра* ‘издавать громкий крик, звучать, отдаваться (об эхе), греметь’, туркм. *жаң* ‘колокол, звонок’ и т.д. Общность модели звукоподражательного корня типа CVC не вызывает сомнения.

Тип CCVCCC в казахском, как и в других тюркских языках, совершенно невозможен. Вместе с тем английские звукоподражательные слова данной структуры в казахском языке могут иметь свои семантические параллели, выраженные словами, равносоставными в плане согласных фонем. Например, англ. *grumble* ‘ворчанье, ропот’, являясь производным от *rumble* ‘громыхание, грохотанье, грохот; ропот, недовольство; громыхать, грохотать; говорить громко; урчать’, по составу согласных, но не последовательности их расположения в слове очень близко к каз. *күмбірле* ‘издавать приглушенные, негромкие звуки, характерные для щипковых инструментов (напр. о звуках домбры)’; *күмбір* ‘звуки домбры; невнятные, подобно ворчанью доносящиеся до слуха голоса’; *күмбірлек* ‘гулкий, громыхающий (о звуках при ударе по большому полому предмету из дерева’. Исходным значением сравниваемых слов является понятие ‘гулкость, раскатистость, громкость’. Правда, в связи с характеристикой звука домбры это значение несколько меняется и больше передает значение ‘приглушенные переливы бархатного звучания’. Звукоизобразительное выражение значения громкости прежде всего связано с дрожащим сонорным, а раскатистости - с лабиализованными.

Как и предыдущий структурный тип, в тюркских языках в отличие от английского языка обычные и звукоподражательные односложные корни не могут иметь состав гласных и согласных фонем, соответствующий модели CCCVC, например, англ. *screak* 'пронзительно скрипеть'; *screech* 'скрип, визг тормозов и т.п.; скрипеть, визжать'; *scroop* 'скрип; скрипеть'. Различие фонемного состава данных слов заключается в огласовке и конечной согласной, придающей им некоторый семантический оттенок. Общими же являются в одинаковой последовательности употребляемые начальные согласные. Другим примером звукоподражательной передачи той же семантики может служить английское слово *skirr* 'скрип, скрежет (механизмов)', в котором повторяется та же последовательность согласных. Аналогом английских слов со значением указанных звучаний в казахском языке выступает существительное *сықыр* 'скрип'. Но поскольку в казахском языке невозможен структурный тип CCCVC, то рассматриваемое значение передается наиболее типичной для данного языка моделью, в которой глухая щелевая наряду со смычной несут основную звукоизобразительную нагрузку, а дрожащий вибрант передает понятие продолжительности действия. Аналогичный способ звукоподражательного выражения наблюдаем и в русском языке (ср.: *скрип*).

Сопоставляемые примеры различных структурных типов односложных корней и основ позволяют предположить, что одни и те же или сходные звукоподражательные значения могут передаваться не только усложненными формами, но и более простыми, иначе говоря, исходными. Фоносемантическая интерпретация этого положения возможна на уровне типологии звукоизобразительных моделей, соответствующих типологии самих звучаний. Однако, как отмечалось в начале данной главы, при изучении морфологических особенностей звукоподражательных слов, их структурных характеристик и, в частности, исторического развития возможно сочетание традиционного историко-морфологического и фоносемантического анализов. Учитывая это, рассмотрим историю формирования и развития односложной звукоизобразительной основы типа CVCC в тюркских языках.

4.2. Опыт историко-морфологического анализа основы типа CVCC в тюркских языках

Исследуя аффиксальное словообразование в тюркских языках, Э.В.Севортян в звукоподражательных глаголах хак. *хатхыр-* "хохотать", *хысхыр-* "кричать", шор. *қыйғыр-* "кричать" суффиксальную часть делит на два аффикса - глагольного имени *-хы/-ғы* и глаголообразующий *-р*.[122] Такое разделение хоть и отражает сложность морфологического состава звукоподражательной структуры, но в то же время не объясняет происхождение конечного согласного в моделях СГСС, например, в каз. *жарқ, бұрқ, тарс, шалп, желп, тарқ* и т.д.

Аналогичный анализ корневой и аффиксальной частей звукоизобразительных глаголов типа *сарқыра-, жарқыра-* находим в статье Т.Текина,[123] в которой подчеркивается, что аффикс *-қыра* исторически разложим на отличители *қ* + *р* и глагольный аффикс *-а*. Здесь же приводится ряд однотипных звукоизобразительных глаголов из монгольских языков: *бархира-* "реветь", *эрхире-* "рычать", *хирхира-* "хрипеть", *хуэхере-* "греметь" и т.д. Разделение аффиксального элемента на два "отличителя" наводит на мысль об определенном историческом процессе их формирования из самостоятельных лексических единиц. Но каких? На поставленный вопрос сразу ответить сложно, т.к. для этого необходим последовательный анализ корневой и аффиксальной частей вышеприведенных звукоизобразительных глаголов в плане исторической морфологии.

В связи с данной проблемой значительный интерес представляют наблюдения Т.Текина, согласно которому, "несмотря на удивительное сходство между тюркскими и монгольскими звукоподражательными глаголами, тюркологи до сих пор не уделяли большого внимания монгольским формам. Вместо того чтобы рассматривать эти тюркские и монгольские глаголы вместе, они

---

[122] *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962. С. 263.

[123] *Tekin T.* On the structure of the Altaic echoic verbs in *-kira* // Acta Orientalia. Academie Scientiarum Hungaria. 1982. T. XXXVI /1-3/. P. 503-508.

старались объяснить тюркские глаголы независимо от их монгольских соответствий. В результате этого тюркские звукоподражательные глаголы на *-кир* и *-кира* до сих пор не имеют удовлетворительного объяснения и нет ясности в их отношениях к монгольским звукоподражательным глаголам на *-кира*".[124]

Как считает ученый, аналитические звукоподражательные глаголы типа монг. *чер ки-* "чирикать, щебетать; потрескивая хрустеть", *бур бур ки-* "булькать, пузыриться, кипеть" и якут. *баркин-* "производить резкий неожиданный шум", *сир кин-* "свистеть", где *ки-* "делать", соответствующее общетюркскому *қыл-* и выступающее в качестве вспомогательного глагола, со временем слились и образовали глагольные основы типа *барки-* "производить хриплый звук", *чарки-* "производить резкий звук, трещать, грохотать", *чирки-* "чирикать, щебетать", уйг. *пуркү-* "бить струей, хлынуть, фонтанировать", каз., кирг. *бүркү-* "прыскать, разбрызгивать", эвенк. *кинки-* "звенеть, звучать", *керки-* "храпеть". В прототюркомонгольскую (если не в протоалтайскую) эпоху к звукоподражательным глаголам на *-ки* был присоединен суффикс *-ра* обычных глаголов, при этом новый суффикс *-кира* в монгольском языке не претерпел особых изменений.

Интересно замечание Т.Текина относительно конечного *-р* в звукоподражательных корнях CVC модели. В частности, он предполагает, что "конечный *-р* в ономатопеических корнях выпал перед аффиксом *-кира* в период прототюркского языка. В результате предшествующая гласная стала долгой. Это видно из туркменских форм аналогичных глаголов, которые и сейчас сохраняют свои долгие гласные, а также из озвончения ранее глухих велярных в суффиксах огузских языков".[125] Из этого следует, что в звукоизобразительных глаголах типа *бақыр*, *шақыр* и т.д. корневая морфема исторически восходит к бақ, шақ, последняя согласная которых выпала, т.е. исторически морфологическая структура представляла собой соединение моделей CVC+CVC */бақ+қыр*, *шақ+қыр* и т.д./.

---

[124] *Tekin T.* On the structure of the Altaic echoic verbs in *-kira* // Acta Orientalia. Academie Scientiarum Hungaria. 1982. T. XXXVI /1-3/. P. 504.
[125] Там же. С. 509.

Аналогичное явление наблюдается в уйгурском языке, в лексическом составе которого имеются звукоизобразительные слова с конечным *р* типа *вар* /подр. крику/, *гур* /подр. гулу/, *пир* /подр. быстрому вращению/, *пур* /подр. порханию/, *шар* /подр. грохоту, шуму/ и т.д. "Глаголы, образованные на их основе посредством аффикса *-кира, -кирэ*, оформлены в виде *вакира-* "кричать", *гукирэ-* "гудеть", *шакира-* "грохотать, течь с шумом /о воде/". *Р* в конце основы приведенных слов давно исчез, а граница между *ва/вар/, гу/гур/, па /пар/* ... и аффиксами *-кира, -кирэ* стерлась... Число таких слов в современном уйгурском языке довольно велико".[126]

Следовательно, звукоизобразительные образования типа CVCC в тюркских языках, в частности встречающиеся как именная часть глагола в якутском и казахском языках, являются производными основами, сформировавшимися в результате опрощения аналитического глагольного образования */бар қыл/* или усечения более позднего производного */барқыл/*. При этом в качестве модификатора выступает аплаутный согласный *қ* вспомогательного глагола *қыл-* "делать". Однако состав модификаторов производной звукоизобразительной модели CVCC не ограничивается только согласным *қ*, т.к. имеются в тюркских языках и такие формы, как *тарс*, *тырп*, *жалт* и т.д. Здесь модификаторы *с, п, т* наряду с общей экспрессивностью несут и дополнительную семантическую нагрузку, дифференцирующую значение звукоизображения, передающую различные оттенки значения.

В одном из последних исследований, посвященном проблеме звукоизобразительности в тюркских языках, показано, что "вторичное подражательное слово *барп* является усеченной формой императива *барпы-* или именного производного *барпыл* "громкие звуки низкого тона /о голосе/... Выделение модификатора *т* не представляет особой трудности. Его происхождение, вероятно, аналогично происхождению предыдущих основ: исходной формой является аффикс императива глаголов типа *бурты-* "рассерженно надуться, быть недовольным". По мнению К.Ш.Хусаинова, модификатор *т* может вос-

---

[126] *Садвакасов Г.* О некоторых свойствах сонорного "Р" в современном уйгурском языке // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970. Кн. 2. С. 76.

ходить к вспомогательным глаголам *тэ-* "говорить" или *ет-* "делать".[127] В семантическом плане данный модификатор передает отрывистость, резкость, неожиданность звука.

Несколько сложнее дело обстоит с модификатором *с,* в отношении которого К.Ш.Хусаинов, основываясь на наблюдениях ряда исследователей, пишет: "...глаголы с аффиксом *-са/-сы* со значением глаголов на *-ла, -а* /в особености те, которые являются производными от звукоизобразительных корней/, вероятно, могут служить косвенным доказательством возможности существования в прошлом вспомогательного глагола, преобразовавшегося в суффикс императива, например: каз. *қақса-* "твердить, надоедливо повторять одно и то же; ныть, сильно болеть", кирг. *кыншы-* "визжать, скулить, визгливо плакать".[128]

Действительно, определить истоки происхождения модификатора *-с/-ш* на материале только тюркских языков крайне сложно, потому что его аффиксальное употребление имеет широкое распространение с древнейшего периода. В связи с этим, очевидно, этимологию данного аффикса необходимо искать путем сопоставительного анализа материалов алтайских языков.

Правда, есть и другой путь интерпретации механизма формирования указанного модификатора. Если сравнить звукоизобразительные формы *тарс*, *қарш* и т.д. в некоторых тюркских языках с якут. *тас* или же с функционирующими в казахском, киргизском и др. *тасыр, кашыр* и т.д., где корневая морфема однотипна для указанных языков, то естественно напрашивается вывод о метатезном происхождении рассматриваемого модификатора. Данное заключение подтверждается и при сопоставлении функции ауслаутного *р* в звукоизобразительных корнях тюркских и индоевропейских языков.

Таким образом, проследив истоки формирования звукоизобразительных форм модели CVCC в тюркских языках, можно прийти к следующим основным выводам:

---

[127] *Хусаинов К.Ш.* Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата, 1988. С. 67, 68, 74.
[128] Там же. С. 74.

-данный тип звукоизобразительных слов в историческом плане является не исходным, а производным, т.к. он получен путем усечения именных образований;

-конечный согласный, выполняющий определенную фоносемантическую функцию, представляет собой присоединенный элемент вспомогательного глагола;

-образование вторичных звукоизобразительных форм типа CVCC обусловлено необходимостью выражения экспрессивности, эмоциональной выразительности, что чаще всего связано, с одной стороны, с лаконичностью, а с другой - с нетрадиционностью, неординарностью формы. Главный же вывод краткого анализа морфологии звукоизобразительных слов заключается в том, что вопреки сложившейся традиции в языкознании формирование производных может происходить не только в одной направленности от более простых в морфологическом плане форм к более сложным, но и наоборот, т.е. в данном случае мы имеем дело с совершенно особым видом опрощения языковых единиц.

Что касается выводов относительно результатов сопоставительного анализа структурных типов односложных звукоподражательных корней английского и тюркских языков, то в связи с этим необходимо отметить следующее:

-в английском языке при образовании моносиллабических звукоподражательных корней и основ используется большее количество структурных типов, что, по-видимому, обусловлено их многообразием в незвукоизобразительной лексике;

-определенная часть звукоподражательных корней и основ английского и тюркских языков полностью совпадают не только по морфологическому составу, но и семантически;

-некоторые звукоподражательные образования сопоставляемых языков находятся в отношении фоносемантической вариативности, т.е., будучи тождественными или близкими по значению, отличаются дистрибуцией одних и тех же согласных и гласных фонем;

-структурные различия звукоподражательных корней и основ английского и тюркских языков не могут служить непреодолимым препятствием для образования семантически одинаковых или близких звукоизобразительных лексических единиц;

-большая часть усложненных структурных типов звукоподражательных корней и особенно основ исторически восходят к более простым морфологическим образованиям (что было прослежено на развитии лишь одной из структур), но для более аргументированного обоснования данного тезиса необходимо проведение специального исследования.

ГЛАВА V

ДЕРИВАЦИЯ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

5.1. Некоторые теоретические аспекты семантики производных

Характерное для традиционного языкознания разграничение языковых средств на звуковые, грамматические и лексические, как известно, обусловило создание уровневой модели языка. Дальнейшее разграничение языковых средств по формальным признакам и их смысловому содержанию привело к выделению звуковой сущности, не имеющей самостоятельного значения, и морфологических, лексических и синтаксических единиц, обладающих определенным содержанием. При этом в такой языковой единице, как слово, были выделены лексическое и грамматическое значения. Данный подход к описанию слова, т.е. его изучение в зависимости от формальной и содержательной структур, их лексического и грамматического значений можно найти в трудах В.В.Виноградова,[129] Ф.Ф.Фортунатова,[130] С.О.Карцевского[131] и др. Вместе с тем эти ученые подчеркивали неразрывное единство лексического и грамматического в слове, выраженное такими свойствами, как неделимость

---

[129] *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.;Л., 1947. С. 19.

[130] *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языкознание // Избр. труды. М., 1956. Т.1. С.157.

[131] *Карцевский С.О.* Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч.2. С. 85.

(вследствие его фонетической и морфологической оформленности), цельнооформленность (в отличие от протяженных синтагматических единиц - словосочетания и предложения), идеоматичность значения.

Изучение слова как основной единицы языка в формальном и содержательном планах в русском языкознании и трудах зарубежных ученых носило неодинаковый характер, т.к. до второй половины нынешнего столетия в большей степени внимание уделялось его морфологической, чем семантической структуре. Основой для исследования семантической структуры слова послужило разграничение двух его функциональных аспектов: в отношении к окружающей действительности и в плане взаимоотношения с другими элементами языка, в частности с другими лексическими единицами и их взаимообусловленной семантической системой. Это же в свою очередь определило рассмотрение семантики слова в связи с языковой системой.

Согласно учению В.В.Виноградова о слове, эту языковую единицу необходимо исследовать как систему сосуществующих, обусловливающих друг друга и функционально объединенных форм, из которых каждая связана со строго определенными, оправданными структурой языка контекстами употребления.

В основе теории В.В.Виноградова о слове, о лексико-фразеологических формах слова лежат теоретические положения Ф. де Соссюра об естественном языке как семиотической системе, о словах как двусторонних сущностях, выраженных словом-лексемой как единицей языка и словом, получившим конкретную реализацию. Другими словами, В.В.Виноградов разграничивает функции слова в языке как системе средств и речи как реальной коммуникативной деятельности. Это позволило в свою очередь отказаться от традиционного определения лексического значения в зависимости от значения предшествующей единицы и рассматривать лексическое значение слова-лексемы как определенную исторически сложившуюся структуру внутрисистемных семантических значимостей, характеризующуюся не только знаковой формой, но и морфологическим составом, синтаксической моделью, семантической позицией, фразеологическим контекстом. При этом изучение семантики отдельного слова в определенной связи с другими словами и системой в целом позволяет глубже рассмотреть про-

цесс и основы формирования семантики производного слова, образованного тем или иным способом, по той или иной модели.

В данной главе авторы попытаются проанализировать некоторые аспекты семантики производных от звукоизобразительных слов в казахском и английском языках. В своем исследовании мы опираемся на работы по теории номинации В.В.Виноградова,[132] Ю.С.Степанова,[133] И.С.Улуханова,[134] Д.Н.Шмелева,[135] Е.С.Кубряковой,[136] А.А.Уфимцевой,[137] А.И.Искакова,[138] М.Б.Балакаева, А.К.Калыбаевой, Н.О.Оралбаевой, К.М.Есенова, Е.Жанпеисова и др.

Причиной обращения к этой проблеме прежде всего является ее недостаточная разработанность не только в казахском языкознании и тюркологии, но и насколько возможно судить по доступной нам литературе в индоевропейском языкознании. Вместе с тем вполне очевидно, что определение закономерностей формирования производных от звукоизобразительных слов будет способствовать выявлению специфики этих лексических единиц, их места в словарном составе, исследованию общих вопросов семантического развития и в определенной степени теории номинации, особенно ее важнейшего раздела - проблемы мотивированности.

Как отмечалось выше, в случае проблемы слова в словообразовательном аспекте до сих пор основное внимание уделялось формальной стороне, т.е. семантические изменения изучались как следствие морфологических трансформаций. В последние годы в связи с развитием семантических исследований словообразовательных процессов сочетание подходов от формы и от значения стало более гармоничным и в то же время более дифференцированным. В отдельных трудах, стремясь восполнить

---

[132] *Степанов Ю.С.* Семиотика. М., 1971.

[133] *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика и принципы ее описания в грамматиках славянских языков // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.

[134] *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

[135] *Кубрякова Е.С.* Основы морфологического анализа. М., 1974.

[136] *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974.

[137] *Ысқақов А.И.* Қазіргі қазақ тілі: Морфология. Алматы, 1974.

[138] Қазіргі қазақ тілінің сөзжасам жүйесі. Алматы, 1989.

существующий пробел, вернее, устранить диспропорцию указанных подходов, авторы выносят семантические аспекты словообразования выносятся на передний план, делая их объектом особого внимания. При этом подчеркивается тот факт, что наряду с формальными критериями в языке важное значение имеют семантические и функциональные критерии. Различие знаковых единиц между собой даже на одном уровне прежде всего выражается спецификой набора семантических признаков, в содержательном плане определяющих функциональную самостоятельность. На уровне морфем семантическая дифференциация единиц предполагает наличие корневых и аффиксальных форм, а среди последних - словообразующих и формообразующих. На уровне предложения по способу выражения значения различительными основами выступают сложносочиненность и сложноподчиненность. Семантическое противопоставление лексических единиц происходит по их отнесенности к знаменательным и незнаменательным словам, принадлежности к той или иной части речи. Деление слов на простые и производные также основано на их семантической соотнесенности, связано с наличием определенных содержательных признаков. Наряду с индивидуальным значением, как и простое слово, производное кроме того в семантическом плане зависимо от другого слова, ранее сформировавшегося в языке. Выделяя данное свойство производных слов как их характерный признак, Г.О.Винокур считает, что производное слово существует "как обозначающее предметы через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими".[139]

Общепринятым определением производного слова считается определение Г.О.Винокура, который особо подчеркнул роль мотивирующего слова в формировании семантики производного и утверждал, что "значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое описание соответствую-

---

[139] *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 421.

щего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов" [140]

Данное определение легло в основу многих концепций лингвистов, развивающих теорию словообразования, послужило отправным пунктом многих исследований.[141]

Исходя из определения Г.О.Винокура, можно утверждать, что простые слова являются референтами только по отношению к действительности, производные - к действительности и к другим словам. Следовательно, специфику значения производного можно усматривать в том, что она отражает одновременно и определенный предмет действительности, и определенные отношения между предметами действительности и обозначающими их словами. Последнее и определяет суть деривационных связей, отношений выводимости одного значения из другого.

Характер двойной референции производного имеет важное значение. Наличие собственного лексического значения у производного заставляет считать его отдельным наименованием, которое нуждается в его апробации обществом и которое может быть усвоено и сохранено в памяти говорящего как отдельный самостоятельный знак. Это ведет также к необходимости фиксировать производное слово в словаре и давать ему лексикографическое истолкование. Словообразовательная интерпретация производного слова связана с представлением его смысловой структуры такой единицей, которая должна включать в качестве своей непременной части однокорневое с производным образование, называемое мотивирующим словом. Черты, повторяющиеся в семантических дефинициях однотипных по своей структуре производных могут рассматриваться как принятые обществом формулы мотивации, действенные в пределах определен-

---

[140] *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 421.

[141] См., напр.: *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и ее описания в грамматиках славянских языков // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. С. 126; *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словоообразование. М., 1973. С. 75-76; *Кубрякова Е.С.* Основы морфологического анализа. М., 1974. С. 202-203 и др.

ных словообразовательных моделей. В данной трактовке производного слова учитывается не только возможность его объяснения через непосредственно мотивирующее слово, но и вхождение этого мотивирующего слова в определенную формулу мотивации, повторяющуюся в серии однотипных образований и обладающую своей собственной структурой. Значит производное слово является не только выразителем индивидуальной семантики и не только заимствующим определенную часть своего значения у какого-либо другого слова, но и представителем серии слов с аналогичной смысловой структурой - представителем такого класса, как словообразовательный (например, каз. *оқу - оқушы - жазушы - талдаушы - малшы - суретші - емші* и т.д.; англ. *take - taking - coming - thinking - writing - making - opening* и т.д.; русск. *лето - летний - зимний - горный - радостный - счастливый* и т.д.). Указав в определении производного слова, что непосредственно мотивирующее его слово входит в состав формулы мотивации в виде ее постоянного члена, можно выразить главное в понятии производного - его производный характер. При этом, разумеется, само представление о мотивированности производного претерпевает значительные изменения, а именно производный знак считается мотивированным не только потому, что он повторяет часть значений своего источника, но и потому, что структура знака приближена к его "внутренней форме".

Смысловая структура производного находится в прямой зависимости от двух величин - выбранного источника деривации и преображающей его в желаемом направлении формальной операции.

Важнейшей чертой производного является расчлененность его смысловой структуры. В системе словообразования семантическая расчлененность формы легко подтверждается или опровергается вполне объективными критериями. Если при анализе какой-либо единицы оказывается, что часть ее содержания повторяется в других языковых единицах и именно эта часть обнаруживается у однотипных единиц, имея отдельную форму для его выражения, то можно считать, что данная языковая последовательность принадлежит к числу знаков, расчлененно передающих свое значение. Чем меньше степень членимости слова и естественность выделения в нем отдельных значащих частей, тем больше вероятность, что оно со-

хранится в памяти человека как целостное образование. Слово не создается при необходимости заново, а извлекается из памяти в готовом виде.

Следовательно, анализ некоторых аспектов семантики производного слова позволяет утверждать, что словообразовательное значение является аналогом определенных обобщенных типов отношений, наблюдаемых между явлениями действительности, названием таких типизированных связей, которые получают в языке в ходе его развития специальное обозначение. В смысловой структуре производного слова должны быть прежде всего отражены характеризующие его понятийные, ономасиологические, категориальные признаки: предметность, процессуальность, признаковость. Непосредственно мотивирующее слово, соответствующее тому понятию, которое выбрано в качестве основы наименования, формируя отсылочную часть производного, оставляет свой след в его смысловой структуре в виде определенного категориального значения, воплощенного в конкретную лексему. Совмещение в одной смысловой структуре двух категориальных значений следует считать главным признаком производного слова.

Характер семантических сдвигов при словообразовании может быть самым разным: транспонирующим (деривация между разными частями речи), нетранспонирующим (деривация в пределах одной части речи), при этом каждый из этих типов может быть осложнен некоторыми другими семантическими и грамматическими особенностями.[142]

5.2. Семантическая деривация английских звукоподражаний

В случае со словами звукоизобразительного происхождения деривация начинается от звукоподражательного корня, в той или иной степени видоизмененного под влиянием определенных фонетико-морфологических процессов, имевших место в истории развития какого-либо конкретного языка. В данном случае английского и тюркских языков. Рассмотрим некоторые из них. Напри-

---

[142] *Кубрякова Е.С.* Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С.120.

мер. англ. *blab (арх.)* ‘болтун; болтовня; болтать’; *babble* ‘бормотание’, ‘болтать’ первоначально обозначали ‘лепет’; ‘лепетать’, т.е. в формальном и семантическом плане были близки к звукоподражательным единицам английского языка. Глагольные значения ‘выдать секрет, разоблачать; разбалтывать, выболтать’ являются производными третьего порядка. Образованные аффиксальным способом *blabler* ‘болтун, пустомеля’, *babbler* ‘болтун, болтушка’ и путем словосложения *blabler-mouth* ‘болтун’ получают дальнейшее не только морфологическое, но и семантическое развитие, т.к. употребляются и в значении ‘сплетник’.

Значения ‘хныканье, жалобный вой; хныкать, жалобно говорить’ у английского слова *bleat* являются производными от звукоподражательного ‘блеяние; мычание (теленка); блеять; мычать’. Обозначение несильного звука в данном случае в сочетании с существительным *protest* привело к тому, что звукоподражательное слово приобрело новое значение: *to bleat out a protest* ‘слабо протестовать’. Сема ‘бессмысленное, однообразное, надоедливое повторение одних и тех же звуков’ легла в основу другого значения - ‘болтать вздор, трещать’, а в предложении *he went and bleated it all over the place* ‘он пошел и разболтал об этом повсюду’ семантика глагола сохраняет лишь отдаленные ассоциативные связи с первоначальным содержанием звукоподражательного слова.

Интересна семантическая деривация английского звукоподражательного bow-bow ‘собачий лай’, ‘собака’; ‘рычать, ворчать, огрызаться’; > ‘шум’, ‘крики’; > ‘шумные протесты’; ‘возмущение, ропот’. Несколько неожиданным в связи с подражательным значением рассматриваемого слова представляется его другая семантическая направленность, а именно когда оно приобретает такие значения, как ‘бахвальство; высокомерная, надменная диктаторская манера, не допускающая возражений’; *the big bow-bow style* ‘категорическая манера выражения’. (MWCD -136). Даже в этом случае фоносемантическая связь формы и содержания продолжает сохраняться, т.к. не случайно последнее значение передается звуками низкой тональности, характерными для лая крупной собаки.

Переход основного значения английского звукоподражания *buzz* ‘жужжание; гул’; ‘жужжать; гудеть’ в современное ‘звякнуть кому-л.’*(to give someone a buzz)* вполн-

не закономерно, т.к. в обоих случаях речь идет о звуках хоть и разных по тембру, но довольно продолжительных. Эта же характерность, т.е. длительность звука с подчеркиванием монотонности и назойливости присутствует при формировании выражения *to buzz it abroad* 'трезвонить, растрезвонить всем и каждому о чем-л.' В случае с образованием семантики сложного слова *buzz-word* 'модное слово', очевидно, в качестве мотивемы также выступает звук, но не монотонный и назойливый, а резкий и отличающийся от многих других природных звуков (OERD - 689). Дальнейшее семантическое развитие звукоподражательного *buzz* также построено на обозначении понятий, в той или иной степени связанных с различными звуками, ср.: *buzz* 'молва, неясные слухи, сплетни'; *buzzer* разг. 'гудок, сирена'; военн. жарг. 'летчик, идущий на бреющем полете'; уст. 'сплетник' (MWCD - 157).

В литературном английском языке понятие 'наличные деньги' передается словом *cash,* в то время как в разговорном английском в аналогичном значении употребляется *chink* - звукоподражательное слово с номинативным значением 'звон, звяканье (стаканов, монет); звенеть, звякать; трескотня'. На основе производного значения образовано словосочетание *man of chink* 'богач' (MWCD -199).

Довольно сложно объяснить причины образования переносного значения у звукоподражательного *click* 'идти гладко, поладить, сойтись с кем-либо', происходящего от номинативного значения 'щелканье, щелк, щелчок, щелкающий звук; щелкать, щелкнуть, прищелкивать'. Можно лишь предположить, что в данном случае производная семантика мотивирована звуком и жестом одобрительного щелчка пальцами, который можно иногда наблюдать при разговоре представителей латиноамериканских народов. Мотивы образования другого значения, например, производного *clicker* разг. 'зазывала' (в магазине) более или менее понятны, так как, вполне естественно, связаны с воспроизводством шумных, обращающих на себя внимание звуков и действий (OERD - 713).

Ан *ckuck* 'кудахтанье, клохтанье'; 'кудахтать, клохтать' в своем семантическом развитии имело две направленности, обусловленные одной звуковой мотивемой, но интерпретируемой в зависимости от содержания

производного по-разному. Например, при передаче глагольного значения 'выражать интерес или заботу' на первый план выступает характерное клохтанье наседки, заботливо опекающей своих птенцов (ср. в казахском языке производное значение глагола *шырылда*), а в просторечном английском *clucker* 'пустомеля' семантика производного мотивирована однообразными отрывистыми звуками кудахтанья (MWCD - 218).

В английском языке, как и в русском, негромкие клокочущие звуки голубей, выражающих тем самым определенные взаимоотношения между самцом и самкой, чаще всего ассоциируются с нежностью и любовью. Вследствие этого совершенно логичны семантические сдвиги звукоподражательного *coo* 'воркованье; ворковать' при образовании переносного значения 'говорить нежно и влюбленно, или с пониманием', представленного также в выражениях типа *to coo one's words* 'говорить вкрадчивым (нежным) голосом', *to bill and to coo* 'приласкать, приголубить' (MWCD -254).

В разговорном английском *flop* означает 'провал, провалиться', мотивированное номинативным значением 'шлепок, хлопок', а также глагольными междометиями шлеп! ; плюх! (*flop down in a chair* 'плюхаться в кресло'). Другие производные, образованные путем словосложения или аффиксации, часто имеют уничижительные значения, ср.: *flop-eared* 'лопоухий'; *he was a flop as a reporter* 'как репортер он был никудышный'; *floppy* 'висящий, болтающийся'; 'ленивый, неповоротливый' (об уме); 'безвольный, вялый, небрежный' (о стиле) (OERD - 834).

В Оксфордском англо-русском словаре имеет место следующая словарная статья: *grumble* 'ворчанье, ропот'; pl. 'дурное настроение'; 'грохот'; 'ворчать, жаловаться'; 'грохотать, греметь'; *grumbler* 'ворчун, вечно недовольный человек' (NOERD - 868). Вместе с тем если учесть, что данное слово имеет звукоподражательное происхождение, очевидно, на первом месте должно было бы стоять значение, связанное с обозначением названия звука или действия, в результате которого этот звук образуется, лишь затем должны следовать мотивированные ими производные, чаще всего переносного значения.

В звукоизобразительном плане англ. *hum* формально и типологически связано со значением 'жужжание, гудение, гул'; 'жужжать, гудеть'. Производное *hum* 'говорить запинаясь , мямлить'; 'напевать с за-

крытым ртом, мурлыкать' фоносемантически мотивировано наличием лабиализованной согласной в конце слова. Слэнговое значение 'дурной запах, вонь; дурно пахнуть, вонять', возможно, произошло путем ассоциации с местом, где чаще всего можно встретить жужжащих насекомых. Семантика производного *hum* 'развивать бурную деятельность', употребляемого в разговорном английском языке, также имеет звукоизобразительное происхождение, т.к. отражает шум, громкие звуки, как бы сопутствующие большой активности, бурной деятельности (MWCD - 564).

Как известно, звукоподражательные слова от обычной лексики отличаются экспрессивностью, при этом степень экспрессивности находится в прямой зависимости от степени лексикализованности: менее лексикализованные образования более экспрессивны и наоборот. Вместе с тем данная особенность звукоподражательных слов, оказывается, может вновь возникнуть при семантической деривации. Например, англ. *jingle* 'звон, звяканье, побрякивание'; 'созвучие, аллитерация'; 'звенеть, звякать'; 'изобиловать созвучиями, аллитерациями'. Данные существительные и глаголы как лексикализованные единицы словарного состава стилистически нейтральны в отличие от *jingle* в значении 'ирландская или австралийская крытая двухколесная повозка' и *jingler* 'рифмоплет, рифмач', имеющего пренебрежительный оттенок (MWCD - 630).

Семантическое развитие англ. *knock* 'удар; стук (особенно в дверь)' связано как с территориальными, так и с профессиональными особенностями употребления. Так, в разговорном языке англоязычных американцев *knock* означает 'резкая критика', во множественном числе 'придирки, нападки', в выражении *to get the knock* - 'потерпеть поражение'; 'быть уволенным', в разговорном языке англоязычных австралийцев *knock back* 'отказ, удар, разочарование', в театральном жаргоне *to get the knock*- 'быть плохо принятым публикой' (MWCD - 646).

При лексикографическом описании англ. *patter* на первое место выдвинуты такие значения, как 'условный язык, жаргон'; 'говорок, скороговорка'; 'говорить скороговоркой; тараторить'; 'бормотать (часть молитвы)'; *разг.* речитативные вставки в песню; реприза; *перен.* болтовня, краснобайство'. В качестве омонима дается *patter* 'стук (дождевых капель); топотание, легкий топот; барабанить,

стучать (о дождевых каплях); топотать, семенить (о ребенке)' (MWCD - 853). Поскольку данное слово имеет звукоизобразительное происхождение, его звукоподражательная семантика, очевидно, в словарной статье должна предшествовать значениям производным. Более того эти слова необходимо рассматривать не как омонимы, а как одно многозначное слово.

Фоносемантический и типологический анализы англ. *rustle* 'шелест, шорох'; 'шуршание'; 'шелестеть'; 'шуршать' убеждают в том, что это слово относится к категории звукоподражательных. В языке англоязычных американцев оно в качестве производного последовательно приобрело такие значения, как 'действовать быстро и энергично' и 'красть (скот)', при этом в последнем значении оно употребляется только в разговорном языке (MWCD - 1027).

Основной семантической характерностью англ. *snap* 'треск; щелканье, щелчок'; 'застежка, защелка, замочек (браслета)'; 'щелкать, лязгать, защелкиваться'; 'хлопать (чем-л.)' является обозначение краткого, отрывистого звука, который в качестве мотивемы в дальнейшем послужил основой для формирования таких производных значений, как 'резкая отрывистая речь'; 'моментальный снимок'; 'делать моментальный снимок'; 'энергия, живость'; 'предприимчивость'; 'цапнуть, укусить'. Та же мотивема, но с усиленной семантикой сохраняется в слове *snapper* 'грубиян'; 'злая собака'; 'язвительное замечание' (MWCD - 1110).

Английские звукоподражательные *squeak* и *squeal* в формальном отношении отличаются друг от друга только конечными согласными. В семантическом они отражают как бы родственные, одного характера звучания, ср. *squeak* 'писк'; 'скрип'; 'пищать'; 'скрипеть'; *squeal* 'визг, пронзительный крик'; 'визжать, пронзительно кричать'. При этом интересно отметить, что в жаргонном или слэнговом употреблении и то и другое слово имеют одинаковую семантику 'доносчик'; 'доносить, выдавать'. Правда, на этом их семантическая идентичность заканчивается, т.к. squeal кроме того имеет слэнговое значение 'жаловаться, протестовать'. Интересно и то, что семантика производных, образованных путем аффиксации, также одинакова, ср. *squeaker* 'пискун'; 'визгун'; 'птенец (особенно голубенок)'; *squealer* 'птенец (голубя)'. Звукоподражательная мотивема прослеживается и в выражении

to make smb. squeal 'шантажировать, вымогать деньги', т.е. 'заставить кого-л. визжать, пронзительно кричать' (MWCD - 1141).

Значение 'раскатистый звук, грохот' в словаре дается как производное от *thunder* 'гром' наряду с такими переносными значениями, как (множеств.) 'осуждение, угрозы, брань, проклятия' и устаревшим диалектным 'гроза, буря' (MWCD - 1231), в то время как исторически обозначение звука согласно теории звукоизобразительности является первичным.

Не каждое производное значение, берущее начало от звукоподражательного, удается вполне логично и аргументированно объяснить, исходя из конкретной звуковой мотивемы. Например, англ. *wheeze* 'тяжелое дыхание, одышка, хрип' на театральном жаргоне означает 'отсебятина', а в английском разговорном - 'блестящая идея' (MWCD -1345). Если первое из приведенных производных значений еще можно как-то интерпретировать, то второе, на наш взгляд, очень трудно.

В американском слэнге *whiz* значит 'ловкая сделка'; 'нечто замечательное'; 'молодчина'; 'ловкий человек', что явилось следствием семантического развития от звукоподражательного *whiz[z]* 'свист (рассекаемого воздуха)' (MWCD - 1350). Причиной подобного семантического развития звукоподражательного слова, очевидно, явился свист как знак одобрения определенных действий и их результатов.

Другими примерами семантического развития звукоподражательных, а в некоторых случаях звукообозначающих слов в английском языке могут служить следующие существительные, глаголы и их производные:

yap 'лай, тявканье'; *перен. разг.* 'брехня, болтовня'; *жарг.* 'горлодер'; 'хулиган, хам'; *жарг.* 'рот, глотка'; *to open one's yap* 'разинуть глотку, начать кричать', "лаяться"; 'лаять, тявкать'; *перен.* 'огрызаться, ворчать'; *жарг.* 'брехать (о человеке)' (MWCD - 1370);

ack-ack 'огонь зенитной артиллерии'; *воен. жарг.* 'зенитные орудия' (MWCD - 10);

champ 'чавканье'; 'чавкать'; *to champ the bit* 'грызть удила'; *he was champing to start* 'он рвался в путь'; 'показывать нетерпение, несдержанность'; 'раздражаться'; 'быть в нетерпении' (MWCD - 190);

clap 'удар (о громе)'; 'хлопок, хлопанье'; 'хлопать'; *clap someone in a prison* 'упечь кого-л. в тюрьму'; *clap duties*

on goods ‘взять да обложить товары пошлиной’; ‘аплодировать, рукоплескать’ (OERD - 711);

clink-clank ‘дзинь-дзинь’; ‘звон, последовательность звенящих звуков’; ‘жонглирование словами, бессмысленные созвучия’ (MWCD -215);

cuckoo ‘кукушка’; ‘кукованье’; ‘глупец, разиня’; ‘чокнутый, тронутый, не в своем уме’; ‘куковать, беспрестанно повторять’ (OERD - 747);

ding ‘звон колокола’; ‘звенеть (о металле)’; ‘назойливо повторять, вдалбливать, вбивать’; *he ginged it into my ears* ‘он мне об этом прожужжал все уши’ (MWCD - 326);

flit ‘порхать, махать крыльями’; ‘переезжать на другую квартиру (особ. тайно от кредиторов)’ (OERD - 834);

gaggle ‘гоготанье’; ‘стадо гусей’; ‘стайка, толпа’ (MWCD - 848);

twang ‘резкий звук натянутой струны’; ‘гнусавый выговор’; *разг.* ‘местный говор’ (MWCD - 1276);

pat ‘похлопывание, хлопанье’; ‘шлепанье’; ‘хлопок, шлепок (звук)’; ‘кусок, кружочек сбитого масла’; ‘шлепать, похлопывать’; *to pat smb. on the back* ‘похлопать кого-л. по спине, выразить кому-л. одобрение’ (MWCD - 851);

honk ‘крик диких гусей’; ‘звук автомобильного гудка’ (MWCD - 557);

sneeze ‘чиханье’; ‘чихать’; *he is not to be sneezed at* ‘с ним надо считаться’; *to sneeze into a basket* эвф. ‘быть гильотинированным’ (MWCD - 1111);

rumble ‘грохот’; ‘ропот, недовольство’; ‘сиденье, место для багажа или слуги позади экипажа’; *амер. автомоб.* ‘откидное сиденье’; *амер. слэнг* ‘драка между бандами’ (MWCD - 1024);

tick ‘тиканье’; ‘отметка, птичка, галочка (ср. с русским значением, где основным признаком мотивации является форма знака, сходство с контурным изображением летящей птицы); *разг.* ‘мгновение’; ‘тикать’; ‘делать отметку, ставить птичку; *what makes him tick?* ‘чем он живет ?’, ‘что придает ему силы ?’ (MWCD - 1232).

5.3. Семантическая деривация тюркских звукоподражаний.

В казахском и других тюркских языках семантическое развитие звукоподражательных слов происходит по схеме: подражания звукам природы, голосам живо. ых и т.д. > названия предметов или действий, производящих конкретные звуки > названия предметов, действий, качеств. ассоциативно связанных с тем или иным звучанием > названия предметов, действий, качеств, звукоподражательная мотивированность которых может быть восстановлена лишь путем специального лингвистического анализа. Рассмотрим некоторые из них:

каз. *шыр* подр. чириканью; *шырылда-* 'чирикать'; 'громко, безостановочно плакать, голосить'; 'сильно беспокоиться, быть крайне озабоченным, неустанно опекать (особенно о матери в отношении своего ребенка)'; *шыр-шыр ету-* то же;

каз. *шырт* подр. треску; *шыртылда-* 'трещать'; 'быстро, по малейшему поводу обижаться, быть вспыльчивым, загораться как спичка'; *шырт етпе, шыртылдақ* 'вспыльчивый, быстро обижающийся, недотрога';

каз. *шар* подр. звукам потока воды; *шар ету-* 'разреветься, зареветь, неожиданно громко заплакать';

каз. *тырс* подр. негромкому треску, потрескиванию; *тырсылда-* 'по.рескивать'; трещать по швам (об одежде); *тырс еткен жан жоқ* 'ни души, полное безлюдье';

каз. *тарс* подр. стуку, громким ударам по твердым предметам; *тарсылда-* 'стучать, колотить (напр. по двери)'; *тарс есінен шықты-* 'совсем забыл, совершенно выскочило из головы'; 'убей, не помню';

каз. *пыш.* подр. шипению, шипящим звукам; *пыш-пыш деді-* 'сплетничал, разносил слухи, склочничал';

каз. *пыс* подр. сопенью; *пысылда-* 'сопеть, тяжело дышать'; *пысқыр-* 'чихать'; *пысқырып та қарамау-* 'пренебрегать, не при авать, чихать на кого-л.';

каз. *менре-* 'блеять'; *меңреу дала* 'безмолвная степь, безлюдное место, необитаемый край';

каз. *қынқ* подр. однократному стону, стенанию; *қынқылда-* 'канючить, жалобно просить, надоедливо приставать'; *қынқ демеді-* 'безмолвствовал, сдержанно мол-

чал'; *қынқ етпеді-* 'переносил что-л. молча и терпеливо';

каз. *қаңқ* подр. громким крикам гусей; *қаңқылда-* 'громко кричать, издавать резкие звуки'; *қаңқу сөз* 'слухи, сплетни, толки, пересуды';

каз. *ыр* подр. рычанию; *ырылда-* 'рычать, злобно лаять'; *ырылдасу-* 'лаяться'; ругаться, ссориться, браниться'; *ит ырылдатар* 'один из видов выкупа, получаемого от жениха, впервые приехавшего в аул невесты'; *ит ыржын* 'грызня, ругань, перебранка';

каз. *дүңк* подр. негромкому гулкому звуку при ударе по деревянному или другому твердому предмету; *дүңкілде-* 'стучать, издавать негромкие гулкие звуки'; *дүңк ету-* 'неожиданно сказать, выпалить'; *хабар дүңк ете қалды-* 'неожиданно пришло известие (о чем-л.)';

каз. *бүлк* подр. кипению; *бүлкілде-* 'быть наполненным до краев'; *бүлк етті-* 'выразил негодование, резко воспротивился, возмущенно буркнул';

каз. *тық* подр. короткому, отрывистому стуку, удару; *тықылда-* 'стучать, постукивать'; *тықылдақ кісі* 'словоохотливый, разговорчивый человек';

каз. *шыж* подр. звукам при жареньи; *шыжғыр-* 'растапливать жир'; 'раскалять, накалять'; 'ругать, распекать'; *шыж-быж* 'пища, блюдо, угощение'; *мың сіз-бізден бір шыж-быж артық* 'чем тысячу раз официально общаться, лучше один раз вместе поесть'; *шыж-быж болды-* 'кипятиться, выходить из себя'; *шыжық* 'шкварки'; 'трудность, мука, неприятность'; *шыжың* 'недержание (мочи)'; *шыжылдақ* 'беспокойный, вспыльчивый, несдержанный'.

В современном уйгурском языке некоторые названия растений имеют звукоизобразительное происхождение, например: *карсилдак* 'барбарис', *торсудак* 'кодонопсис', *шикилдак* 'бубенчик'. Кроме того, отдельные названия растений образованы путем редупликации звукоподражательных корней: *ғар-ғар* 'физалис', *эр-эр* 'можжевельник китайский', *кап-кап* 'одуванчик'.[143]

Г.Е.Корнилов предполагает, что *тенк* (в чувашских говорах означающий 'эффект более слабого удара во

---

[143] *Назарова Г.Ш.* Названия лекарственных растений в современном уйгурском языке: АКД. Алма-Ата, 1992. С. 23.

что-л., издающее звон или звонкий стук; стук некоторых машин или механизмов') гомогенен с производящей основой *тенке* 'деньга, рубль (первоначально - металлический, звонкий); серебряная монета; убор/наряд из серебряных монет.'[144]

В чувашском языке *хар* 'звуки рычания (пса злого и т.д.); звук внезапного и сильного фырканья (коня); дыхание слабогрудого человека; храп спящего человека', откуда *хар-ла-т* 'рычать, храпеть'; *харал* 'рык с плавным завершением'; *хар* перен. дружно, неожиданно, в один голос, враз', откуда *харас* 'одновременно, сразу, синхронно (говорить, кричать, делать), совместно'; *харка* 'хрипеть'; *харкаш* 'рычать друг на друга (о собаках, перен. о людях); *харт* 'хрюк, фырк'; *хартлат* 'хрюкать (о свинье); фыркать (о коне); хрипло басить (о гармонике); *хереп* 'хриплый и слабый (о голосе); непрочный, некрепкий, ослабленный, утративший силу и прочность (переносно - о строе, жизни, достатке и т.д.); *хир-: хирлен* 'шумно'; *хирлеш* (рефлексив) 'ссориться, ругаться'; *хур / хор : хурал* 'храп, ругань'; *хурулаш* 'перечить, спорить, отвечать друг другу'; *хурав* 'ответ, отклик; возражение, спор; оправдание, заявление'.[145]

Семантическое развитие звукоподражательного слова можно проследить и на примере чувашского *ем-<(м)им-* 'сосать, всасывать, обсасывать'; *меме / мемме* 'детская пища; жеваный хлеб в тряпочке из редкой ткани в качестве соски для младенца; пища, хлеб вообще (на детском языке); еда, питье; соски/сосцы; сласть/сладость; десерт; *перен.* мямля; дрянь и т.д.'; *миме* 'мозг (головной и костный); то, что высасывают из костей'; *мим-: мимер* 'заваруха, кашица; пища, имеющая вид чего-либо жеванного/пережеванного'. Как считает Г.Е.Корнилов, "жевать пищу для ребенка, еще не имеющего во рту достаточного количества зубов, или размягчать зубами для ребенка слишком твердую пищу (например, сухари) означало оказать / оказывать помощь. Эта идея помощи послужила базой для образования омонима *миме / мимме*

---

[144] *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. С. 117.

[145] Там же. С. 87.

'помочь; безвозмездная работа миром в чью-либо пользу; дармовой труд или труд за угощение".[146]

Количество примеров семантического развития звукоподражательных слов английского и тюркских языков можно было бы в значительной степени увеличить, но, на наш взгляд, и приведенные примеры в достаточно полной мере иллюстрируют возможности семантической деривации интересуемых нас слов в этих языках.

Таким образом, рассмотрев ряд примеров семантического развития звукоподражательных слов в английском и некоторых тюркских языках, можно сделать следующие выводы:

- при семантических сдвигах в английском языке широко применяется конверсия, позволяющая образовывать производные формы и значения без использования морфологического способа словообразования;

- в казахском и других тюркских языках вследствие их принадлежности к агглютинативным конверсионное образование производных применяется сравнительно редко, чаще всего словообразовательный процесс основывается на аффиксации или присоединении вспомогательных глаголов, либо образовании других словосочетаний;

- как в английском, так и в тюркских языках звукоподражательные производные зачастую теряют свою экспрессивность, исключение составляют в тюркских языках формы аналитических глаголов, в английском жаргонные слова;

- определенная часть английских производных слов, берущих начало от звукоподражательных, более характерна для разговорного языка, жаргонного, слэнгового употребления, тогда как в казахском языке подобная стилистическая дифференциация не всегда возможна, хотя и здесь такая тенденция в определенной степени проявляется;

- в английском языке звукоподражательные производные могут различаться по территориальному употреблению (английский в Англии, Америке, Австралии и т.д.), в казахском такое различие в функционировании крайне редко;

---

[146] *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. С. 73.

- как в английском, так и в тюркских языках образование семантических и морфологических производных слов - довольно распространенное явление, способствующее обогащению их словарного состава, стилистическому развитию языков, созданию многообразия форм номинации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрев основные принципы исследования связи формы и содержания, звукоподражательные слова английского, казахского и некоторых тюркских языков относительно системы частей речи, а также определив путем фоносемантического анализа возможности этимологии звукоизобразительных слов, особенности их звуковой структуры и посредством семантических сопоставлений их деривационные закономерности, мы приходим к следующим выводам:

1. Наличие звукоизобразительных слов в исследованных языках является лингвистической универсалией, ранее доказанной на примере большого количества неродственных языков.

2. Разделение звукоизобразительной системы языков на звукоподражательную и звукосимволическую вызвано выявлением языковых фактов, отражающих природу и основные характеристики этих подсистем.

3. Методы исследования звукоподражаний и звукосимволизмов наряду с общими моментами (выделение идеофонем и фонемотипов) имеют ряд специфических приемов, способствующих более объективному изучению этих языковых явлений.

4. Анализ звукосимволической подсистемы можно проводить над реальными словами и их частотой путем экспериментального анализа искусственных звукокомплексов или отдельных звуков.

5. Основанием для выделения звукоподражаний в качестве отдельной части речи может служить главным образом семантический признак, позволяющий достаточно точно очертить круг понятий, который охватывает данная категория слов. При этом необходимо учитывать, что случаи лексикализации исходной формы в англий-

ском более часты, тогда как в казахском такие формы встречаются в основном в функции именной части составного глагола.

6. Структурные соответствия односложных звукоподражательных корней и основ в сравниваемых языках обусловлены типологической общностью законов звукоизобразительности, несоответствия - спецификой самостоятельного фонетического и морфологического развития.

7. Фоносемантическая этимология как новое направление в исследовании истории развития лексики конкретных языков имеет свои принципы и систему методов, основанных на важнейших положениях теории звукоизобразительности.

8. Семантическая деривация, как и морфологическая, в процессе эволюции звукоподражательных слов способствует их денатурализации, т.е. лексикализации, вхождению звукоподражательных слов в разряд знаковых единиц языка.

9. Использование звука в качестве мотивемы при семантической деривации является универсальным способом образования производных от звукоподражаний в исследованных языках.

10. Сравнительно-типологическое исследование звукоподражания и звукосимволизма разносистемных, неродственных языков вносит определенный вклад в развитие теории звукоизобразительности, основной идеи фоносемантики - научного направления лингвистики, изучающей закономерности связи формы и содержания в языке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Английские звукоподражания, звукообозначения и их производные

ack-ack 1. огонь зенитной артиллерии; 2. *воен. жаргон.* зенитные орудия.

baa I блеяние овцы; II блеять.

babble I 1. лепет; бормотание; 2. болтовня; 3. журчание; II 1. лепетать; бормотать; 2. болтать; выболтать, проболтаться; 3. журчать.

babbler болтун, болтушка.

bang I 1. удар, стук, звук выстрела, взрыва и т.п.; 2. внезапный, поразительный эффект; 3. резкий прилив энергии; 4. возбуждение, глубокое волнение, трепет; 5. бац! II 1. удариться; стукнуться; 2. хлопнуть дверью, с шумом захлопнуться; 3. грохнуть, бахнуть; 4. превосходить, перегонять; 5. *вульг.* иметь половые сношения; 6. *перен.* бить, тузить.

bark I 1. лай; 2. резкий, отрывистый, повелительный тон (манера говорить); 3. звук выстрела; 4. кашель; II 1. лаять; 2. *разг.* рявкать; **snap bark** 1. говорить грубо, отрывисто, сердито; 2. рекламировать настойчивым выкриком; **to bark up the wrong tree** опростоволоситься, напасть на ложный след, обрушиться не на того; **to bark at the moon** лаять на луну, заниматься бесполезным делом.

barker 1. брехливая собака, пустолайка; 2. крикун, грубиян; 3. зазывала; 4. *жарг.* револьвер, пистолет.

beat I 1. удар; бой (барабана); биение (сердца); 2. колебание (маятника); 3. такт, отбивание такта; 4. ритм, размер; 5. дозор, обход; 6. *амер. сленг* газетная сенсация; 7. что-то превосходящее; 8. смертельно усталый, измотанный; II 1. бить, ударять, колотить; 2. выбивать (дробь на барабане); 3. биться (о сердце), разбиваться (как волны о скалы), хлестать, стучаться (как дождь в окно); 4. побивать, побеждать; 5. превосходить; 6. надувать, мошенничать, обходить (закон и т.п.); **to beat about the bush** ходить вокруг да около; подходить к делу осторожно, издалека; **to beat one's brains out** ломать себе голову над чем-то.

bicker I 1. перебранка; потасовка; 2. журчание, легкий шум; II 1. спорить; пререкаться; 2. журчать (о во-

де); 3. стучать (о дожде); 4. колыхаться (о пламени); мерцать (о свете).

bickering 1. пререкания, споры или ссоры из-за мелочей; 2. журчание воды; 3. мерцание света.

blab I 1. *арх.* болтун; 2. болтовня; II выдать секрет, разоблачать; разбалтывать, выболтать.

blabber 1. болтун, пустомеля; 2. сплетник.

blabber-mouth болтун, сплетник.

bleat I 1. блеяние; мычание (теленка); 2. хныканье, жалобный вой; II 1. блеять, мычать; 2. хныкать, жалобно говорить; 3. болтать вздор, трещать; **to bleat out a protest** слабо протестовать; **he went and bleated it all over the place** он пошел и разболтал об этом повсюду.

bleater 1. болтовня, вздор; 2. болтун.

bow-wow I 1. собачий лай; собака; 2. шум, крики; шумные протесты; возмущение, ропот; бахвальство; 3. высокомерная, надменная диктаторская манера, не допускающая возражений; II *перен.* рычать, ворчать; огрызаться; **the big bow-wow style** категорическая манера выражения.

bray I 1. крик осла; 2. неприятный, резкий звук; II 1. кричать (об осле); 2. издавать неприятный звук; 3. изрекать глупости; 4. пронзительно кричать, истошно вопить.

brayer осел.

buzz I 1. жужжание; гул; 2. молва, неясные слухи, сплетни; **to give someone a buzz** звякнуть кому-л; **to buzz abroad** трезвонить, растрезвонить всем и каждому о чем-л. II. жужжать; гудеть.

buzz-word модное слово.

buzzer 1. *разг.* гудок, сирена; 2. *воен. жарг.* летчик, идущий на бреющем полете; 3. *уст.* сплетник.

cackle I 1. кудахтанье; клохтанье; трескотня; болтовня; 2. хихиканье; II 1. кудахтать; хихикать; 2. зубоскалить; болтать; гоготать.

cackler 1. клохчущая или кудахчущая птица; 2. болтун, сплетник.

champ I чавканье; II 1. чавкать; **to champ the bit** грызть удила; **he was camping to start** он рвался в путь; 2. показывать нетерпение, несдержанность; раздражаться, быть нетерпеливым.

chatter I 1. болтовня, трескотня; 2. щебетание (птиц); верещание (обезьян); стрекот; 3. треск, дребезжание;

II 1. болтать, тараторить; 2. трещать, щебетать, верещать, стрекотать; **to chatter like a madpie** трещать как сорока; 3. **his teeth are chattering** у него стучат зубы.

chaw I 1. чавканье; 2. жвачка; II 1. чавкать; 2. жевать; **chaw-bacon** неотесанный парень, мужлан; **chaw up** 1. разбить наголову, вдребезги; 2. разделаться с кем-л.; съесть с потрохами.

cheep I писк (птенцов, мышей); II пищать, пискнуть.

cheeper I 1. пискун (о ребенке); 2. птенец (особ. куропатки, тетерева); молодая куропатка.

chink I 1. звон, звяканье (стаканов, монет); 2. трескотня; 3. *разг.* звонкая монета; наличные деньги; **a man of chink** богач; II звенеть, звякать.

chink I припадок судорожного кашля или смеха; II 1. судорожно смеяться или кашлять; 2. задыхаться от смеха, кашля;

chipper I 1.чирикать, щебетать; 2. щебетать (о детях); лепетать, болтать; 3. в еселить, бодрить (... **up**); II *амер.* бодрый, живой; **chipper as a canary** веселый как канарейка.

chirk 1. *амер.* развеселиться, подбодрить; 2. оживляться; 3. *шотл.* визжать, скрипеть; 4. *диал.* чирикать, пищать.

chirl I птичья трель; II издавать трели, петь (о птицах).

chirm I 1. шум (голосов); 2. *уст. диал.* птичий щебет; гомон, гам, II щебетать.

chirp I 1. чириканье, щебетанье, крик птицы; II 1. чирикать, щебетать, кричать (о птице), пищать, звенеть, стрекотать; 2. пищать, издавать писк (о человеке); **he chirped out a few notes** он что-то пропищал; 3. весело болтать, стрекотать, щебетать.

chirper 1. кричащая птица; 2. щебетунья, болтушка, болтунишка (о ребенке).

chirpy жизнерадостный, оживленный, веселый.

chirr I 1. стрекотание, трескотня, треск; 2. шуршание; II стрекотать, трещ ь; шуршать.

chirrup I 1. щебет, щебетание, чириканье, стрекотание; 2. щебетание, болтовня (человека); II 1. щебетать, чирикать; жужжать, звенеть (о комарах); 2. щебетать, весело болтать; 3. *жарг.* аплодировать.

chirrupy щебечущий, разговорчивый; жизнерадостный; оживленный.

chortle I 1. сдавленный смех, хихиканье; 2. ликование;

II 1. фыркать; давиться от смеха; 2. громко ликовать, торжествовать.

chuck I 1. кудахтанье; 2. *ласк.* детка, цыпочка; 3. цыпленок; II 1. кудахтать; 2. скликать домашнюю птицу; 3. понукать лошадь.

chuckle I 1. сдавленный смешок, смех; 2. кудахтанье; 3. хихиканье; II 1. фыркать от смеха, посмеиваться; 2. кудахтать; **he is chuckling over his success** он в восторге /вне себя/ от успеха.

chuckle-head 1. неуклюжий, нескладный; 2. большой (о голове).

chuckle-headed *разг.* болван, оболтус.

chuckler *разг.* сапожник.

chucky *ласк.* цыпленок, цыпленочек.

chug I пыхтение (паровоза , машины); II двигаться с пыхтением; **the boat chugged past** лодка пропыхтела мимо.

chug-chug пых-пых! чу-чу!

clap I 1. удар (грома); 2. хлопок, хлопанье; шлепок, шлепанье (об аплодисментах); II 1. хлопать, хлоп; **clap someone in a prison** упечь кого-л. в тюрьму ; **clap duties on goods** взять да обложить товары пошлиной; 2. аплодировать, рукоплескать.

clatter I 1. грохот (металла); стук, звон, звяканье (тарелок); 2. трескотня; 3. *шотл.* болтовня, сплетни; II 1. стучать, греметь, звякать, грохотать; **the plates came chattering down** тарелки с грохотом полетели на пол; 2. болтать, трещать; **clattering machinery** громыхающие машины.

click I щелканье, щелк, щелчок, щелкающий звук; II 1. щелкать, прищелкивать; 2. *перен.* идти гладко, поладить, сойтись с кем-либо.

clicker *разг.* зазывала (в магазине), пользующийся успехом.

clink I 1. звон (стекла, монет, ключей, тонкого металла); 2. *диал.* сильный резкий удар; 3. *шотл.* деньги, звонкая монета; II звенеть, чокаться.

clinking 1. звенящий; 2. *разг.* превосходный, первоклассный.

clink-clank I 1. дзинь-дзинь; 2. звон, последовательность звенящих звуков; 3. жонглирование словами, бессмысленные созвучия.

cluck I кудахтанье, клохтанье; II 1. кудахтать, клохтать; 2. выражать интерес или заботу.

clucker *прост.* пустомеля.

coo I воркование; II 1. ворковать; 2. говорить нежно и влюбленно, или с пониманием; **an album that will be cooed over the condensending classic music critics** альбом, о котором нежно говорят снисходительные музыкальные критики; **to coo one's words** говорить вкрадчивым, нежным голосом; **to bill and coo** приласкать, приголубить.

crack I 1. треск, щелканье, удар; 2. затрещина; 3. **at a crack of dawn** с первой зарей; 4. острота; 5. попытка; **to have a crack at smth.** попытать свои силы в чем-л.; II треснуть, щелкнуть; **the boy's voice cracked** у мальчика поломался голос; **a hard nut to crack** *а*) трудная задача, неразрешимая проблема; *б*) человек, с которым трудно справиться.

crackajack *жарг.* 1. отличный парень; 2. отличный, классный.

crackbrain *разг.* помешанный, ненормальный.

crackbrained *разг.* 1. слабоумный помешанный; 2. бессмысленный, неразумный, необдуманный.

cracker 1. удар, падение, авария; 2. *амер. през.* бедняк; 3. *уст.* хвастун.

crackle I 1. треск, потрескивание, хруст; 2. паутинчатый рисунок; II потрескивать, трескаться.

creak I скрип; II 1. скрипеть; 2. медленно продолжаться; **the story creaks along to a dull conclusion** рассказ медленно переходит к скучному завершению.

creaker *разг.* старик, старец, старуха.

creaking скрипучий; **creaking shoes** скрипучие башмаки; **a creaking door hangs long on its hings** *посл.* скрипучее дерево два века стоит.

creaky скрипучий; **creaky stairs** скрипучая лестница.

crunch I 1. хруст, скрип; треск; 2. решающий момент, кризисная ситуация; II грызть с хрустом; хрустеть, скрипеть.

cry I 1. крик; вопль; мольба; плач; 2. крик, выкрик уличных разносчиков; 3. боевой клич, лозунг; 4. слухи, общественное мнение; 5. звук, издаваемый птицами; 6. вой волка, лай собак; II 1. кричать, орать, вопить; 2. плакать, молить, умолять; 3. издавать звук; выть; лаять.

cry-baby *разг.* плакса, рева, нытик.

cuckoo I 1. кукушка; кукованье; **cuckoo clock** часы с кукушкой; 2. глупец, разиня; чокнутый, "тронутый";

амер. не в своем уме; II куковать, беспрестанно повторять.

din I гам, грохот, галдеж; II вдалбливать, назойливо повторять; **their shouts are still dinning in ears** их крик у меня все еще стоит в ушах.

dindle I 1. трепет, нервная дрожь; II 1. вызывать звон; 2. трепетать, дрожать; 3. вибрировать; 4. *диал.* звенеть, позванивать.

ding I звон колокола; II 1. звенеть (о металле); 2. назойливо повторять, вдалбливать, вбивать; **he dinged it into my ears** он мне об этом прожужжал все уши.

ding-dong I 1. динь-дон (о перезвоне колоколов); 2. звенящий, чередующий; 3. приспособление в часах, выбивающих каждую четверть; 4. рьяно, усердно; **they went at it ding-dong** они взялись за это засучив рукава; **ding-dong struggle** борьба с переменным успехом; **ding-dong race** бег или скачки "голова в голову"; II 1. монотонно повторять; 2. звонить, звенеть.

drip I 1. капание; шум падающих капель; 2. зануда; II капать, падать каплями.

drip-drop капание; шум капель.

drub I удар палкой или дубиной; II 1. бить палкой, дубинкой; колотить; 2. разбить, разгромить, нанести поражение; 3. топать, стучать, барабанить; 4. поносить, ругать на чем свет стоит; **drub up** созывать, созывать барабанным боем; **to drub an idea into smb's head** вбить, вдолбить мысль кому-л. в голову; **to drub an idea out smb's head** выбить мысль из головы кого-л.

drum I 1. барабан; звук барабана, барабанный бой; 2. шумное сборище, званный вечер, раут; II 1. бить в барабан, барабанить; 2. выстукивать, исполнять на барабане; 3. колотиться, бешенно стучать (о сердце); 4. топать, стучать; 5. гудеть, жужжать, шуметь, грохотать.

drumbeat барабанный бой.

flip I 1. щелчок, легкий удар; 2. флипп (напиток); 3. короткий полет; 4. **the flip side of a record** обратная сторона пластинки; 5. дерзкий; II щелкать, щелкнуть; **he gave the boy a flip on the ear** он легонько ударил мальчика по уху.

flip-flop 1. шлепанье; хлопанье; 2. сальто-мортале; 3. вьетнамка (обувь).

flit 1. порхать, махать крыльями; **the thought flited across my mind** эта мысль пронеслась у меня в голове; 1. переезжать на другую квартиру (особ. тайно от кредиторов); **the tenants did moonlight flit** а жильцы потихоньку смылись.

flop I 1. шлепок, хлопок; шлеп! плюх! 2. *разг.* провал; II 1. **flop down in a chair** плюхаться в кресло; 2. провалиться.

flop-eared лопоухий.

floppy 1. висящий, болтающийся; 2. ленивый, неповоротливый (об уме); 3. безвольный , вялый, небрежный (о стиле).

frizzle I кудри; II 1. жариться с шипением; **the bacon all frizzled up** бекон пережарен; 2. завиваться.

gabble I 1. бормотание; 2. *сленг* треп, трепотня; 3. гоготанье (гусей); II 1. бормотать, пробормотать; 2. гоготать.

gabby *разг.* разговорчивый, словоохотливый.

gaggle I 1. гоготанье; 2. стадо гусей; 3. *перен.* стайка, толпа; II гоготать.

giggle I хихиканье; **for a giggle** смеха, шутки ради; для хохмы; II хихикать, хихикнуть.

giggling хихиканье.

giggly любящий посмеяться, смешливый.

gobble I. кулдыканье; II. кулдыкать (об индюке); 2. злобно бормотать; 3. есть жадно, быстро; пожирать; 4. *перен.* шипеть.

gobbler индюк.

gobbledygook *амер. разг.* напыщенность речи; употребление длинных и непонятных слов.

grate I 1. тереть (теркой), растирать; 2. тереть, скрести с резким звуком; 3. скрипеть; 4. раздражать, раздражающе действовать; **it grates on my ear** это мне режет слух; II 1. решетка; 2. каминная решетка; камин; 3. *тех.* колосниковая решетка; 4. *тех.* грохот.

gride I 1. скрип; скребущий звук; II 1. врезаться с резким, скрипящим звуком; вонзаться, причиняя острую боль; 2. пронзать.

grit скрипеть, шуршать; **to grit the teeth** скрежетать зубами; стиснуть зубы.

grizzle I 1. рычать, огрызаться; 2. хныкать, капризничать (о детях); II 1. серый цвет; 2. седой человек; 3. седой парик; 4. седая лошадь; 5. необожженный кир-

пич; 6. низкосортный уголь; III 1. становиться серым, сереть; 2. седеть.

groan I 1. тяжелый вздох, стон; 2. скрип, треск; II 1. стонать; тяжело вздыхать; охать; **to groan inwardly** быть расстроенным; 2. со стонами высказывать, рассказывать; 3. издавать треск, скрипеть; **the table groaned with food** стол ломился от яств; **to groan down** ворчаньем, оханьем заставить (говорящего) замолчать.

growl I 1. рычание; 2. ворчание; 3. грохот; раскат (грома); II 1. рычать; 2. ворчать, жаловаться; 3. греметь (о громе).

growler ворчун, брюзга.

growling 1. рычание, ворчанье, брюзжание; 2. раскаты грома.

grumble I 1. ворчанье, ропот; *множ.* дурное настроение; 2. грохот; II 1. ворчать, жаловаться, грохотать; 2. греметь; **he is full of grumbles** он вечно жалуется.

grumbler ворчун, вечно недовольный человек.

ha-ha I 1. ха-ха-ха!; смех, хохот; II 1. смеяться, хохотать.

haw I 1. хо! (окрик, которым погонщик заставляет лошадей повернуть); 2. бормотание; II бормотать, произносить (в нерешительности) невнятные звуки; **to hum and haw** мямлить.

hee-haw I 1. окрик осла; 2. громкий хохот, грубый смех; II 1. кричать (об осле); 2. громко хохотать, "ржать".

hem I гм!; II произносить "гм", покашливать, запинаться; **to hem and haw** запинаться, мямлить, не решаться, колебаться; напевать с закрытым ртом, мурлыкать.

hiccough, hiccup I 1. икота; 2. заминка; II икать.

hiss I шипение; свист; II 1. шипеть; свистеть; 2. освистывать; **hiss away (down, off, out)** прогнать с свистом.

honk I 1. крик диких гусей; 2. звук автомобильного гудка; II 1. кричать (о диких гусях); 2. сигналить.

hoot I 1. крики, гиканье; 2. крик совы, уканье; **I don't give a hoot** *разг.* мне на это наплевать; II 1. кричать; улюлюкать, гикать; **to hoot with laughter** *сленг* громко, оглушительно смеяться; 2. ухать (о сове); 3. гудеть, свистеть (о гудке, сирене).

hooter гудок, сирена.

hubble-bubble 1. кальян; 2. булькающий звук, бульканье; 3. болтовня, бессвязный разговор; **hubble-bubble fellow** путаник.

hubbub шум, гам, гул голосов; сумятица, неразбериха.
hulluabaloo крик, гам, шум, гвалт.
hum I 1. жужжание, гудение, гул; 2. *сленг* дурной запах, вонь; II 1. жужжать, гудеть; 2. говорить запинаясь, мямлить; **to hum and haw** а) запинаться, мямлить; б) не решаться, колебаться; 3. напевать с закрытым ртом, мурлыкать; 4. *разг.* развивать бурную деятельность; **he makes things hum** у него работа кипит; 5. *сленг* дурно пахнуть, вонять.
humming I 1. жужжащий, гудящий; 2. *разг.* энергичный, деятельный; **a humming blow** сильный удар; II идти полным ходом.
hummer 1. энергичный человек; тот, кто быстро проворачивает дела; 2. деятельная организация; 3. жужжащее насекомое.
jabber I 1. болтовня; трескотня; 2. бормотание, тарабарщина; II 1. болтать, тараторить, трещать; 2. говорить быстро и невнятно, бормотать.
jabler болтун, трещотка; бормотун.
jangle I 1. резкий звук, гул, гам, слитный шум голосов; нестройный звон колоколов; 2. *уст.* пререкание, ссора, спор; II 1. издавать резкие нестройные звуки; нестройно звучать; 2. шумно, резко говорить; 3. *уст.* спорить, пререкаться; **their voices jangled my nerves** их голоса действовали мне на нервы.
jingle I 1. звон, звяканье, побрякивание; 2. созвучие, аллитерация; 3. ирландская или австралийская крытая двухколесная повозка; II 1. звенеть, звякать; 2. изобиловать созвучиями, аллитерациями.
jingle-jangle звон, перезвон, позвякивание.
jingler *пренебр.* рифмоплет, рифмач.
jug щелканье (соловья и т.д.)
knell I 1. похоронный звон; 2. дурное предзнаменование; предзнаменование смерти, гибели; II 1. звонить при похоронах; 2. звучать зловеще, предвещать гибель.
knock I 1. удар; 2. стук (особ. в дверь); **to give knock** постучаться (в дверь); 3. *амер. разг.* резкая критика; *множ.* придирки, нападки; **to gey the knock** а) потерпеть поражение; б) быть уволенным; в) *театр.* быть плохо принятым публикой; **to take the knock** разорить; II ударяться, бить, стучаться, колотить.
knock-back *австр. разг.* отказ, удар, разочарование.

lumber I громыхающие звуки; II 1. двигаться тяжело, неуклюже; 2. громыхать.

maunder 1. говорить бессвязно; бормотать; 2. действовать или двигаться лениво, как во сне.

mew I мяуканье; мяу; II мяукать.

mewl мяукать; хныкать.

moan I 1. стон; 2. *уст. поэт.* жалоба; **to take one's moan** жаловаться; II 1. стонать; 2. *поэт.* оплакивать, жаловаться; **moaning of the wind** завывание ветра.

moaner нытик.

moo 1. мычание; 2. мычать, промычать.

mumble I бормотание; II 1. бормотать; 2. с трудом жевать.

munch жевать, чавкать.

murmar I 1. жужжание (пчел); журчание; шорох (листьев); 2. приглушенный шум голосов; шепот; 3. ворчание; ропот; **without a murmar** безропотно; 4. *мед.* шум (в сердце); II 1. журчать; шелестеть; жужжать; 2. шептать; 3. роптать; ворчать.

mutter I 1. бормотание; 2. ворчание; 3. отдаленные раскаты грома; II 1. бормотать; 2. ворчать; 3. говорить тихо, невнятно; говорить по секрету; 4. глухо грохотать.

nag I 1. придирки, (постоянное) ворчание, пиление; 2. *разг.* ворчунья, сварливая жена; II 1. придираться; изводить, раздражать; ворчать, пилить; 2. болеть, ныть, брюзжать.

nasalize говорить в нос; *фон.* произносить в нос, назализировать.

neigh I ржание; II ржать.

quack-quack *детск.* кря-кря, утка.

quack I 1. кряканье (уток); 2. *разг.* кряква, утка; II 1. крякать (об утках); 2. трещать, болтать, нести вздор, чепуху.

quackle крякать.

quaver I 1. дрожание голоса; 2. трель; 3. *муз.* восьмая ноты; II 1. дрожать, вибрировать; 2. выводить трели; 3. произносить дрожащим голосом.

pant I 1. одышка; тяжелое, затрудненное дыхание; 2. пыхтение; 3. биение (сердца); II 1. часто и тяжело дышать, задыхаться; 2. пыхтеть; 3. страстно желать, тосковать; 4. трепетать, сильно биться (о сердце); 5. говорить задыхаясь, выпаливать.

pat I 1. похлопывание; хлопанье; шлепанье; 2. хлопок, шлепок (звук); 3. кусок, кружочек сбитого масла;

II шлепать, похлопывать; **to pat smb. on the back** похлопать кого-л. по спине, выразить кому-л. одобрение.

patter I 1.условный язык, жаргон; 2. говорок, скороговорка; 3. *разг.* речитативные вставки в песню; реприза; 4. *разг.* болтовня, краснобайство; 5. стук дождевых капель; 6. топотание, легкий топот; II 1. говорить скороговоркой; тараторить; 2. бормотать (часть мо..итвы); 3. барабанить, стучать (о дождевых каплях); 4. топотать, семенить (о ребенке).

peal I 1.звон колоколов; трезвон; 2. перебор колоколов; 3. раскат (грома); грохот (орудий); **peal of laughter** взрыв смеха; II 1. раздаваться, греметь, трезвонить; 2. возвещать трезвоном; **to peal smb's fame** трубить о чьей-л. славе.

peek I *амер.* писк; II *амер.* пищать.

pec':-a-boo "ку-ку" (игра в прятки).

peenge *диал.* хныкать, жаловаться хныкающим голосом, канючить.

peep I писк; чириканье; II чирикать, пищать; **nobody has heard a peep from you** вы не давали о себе знать.

peeper 1. пискун; 2. цыпленок; голубенок; 3. *амер.* квакша.

ping I 1. свист (пули); 2. гудение (комара); 3. стук от удара; II 1. свистеть; 2. гудеть; 3. ударяться со стуком.

ping-pong I настольный теннис, пинг-понг; II двигать, перемещать, выкидывать.

pip I высокий короткий (радио) сигнал, "бип"; II 1. пищать, чирикать; 2. разбить свою скорлупу, вылупиться (из яйца).

pipe 1. играть на свирели; 2. призывать свирелью; 3. *мор.* вызывать дудкой, свистать; 4. свистеть (о ветре и т.п.); 5. петь (о птице); 6. пищать (о человеке); 7. *разг.* плакать, реветь; **pipe up** заиграть; запеть; заговорить; **pipe down** сбавить тон; стать менее самоуверенным.

piping 1. игра на дудке, свирели; 2. звуки свирели; 3. пронзительный, резкий звук, писк; 4. пение птиц; 5 *разг.* плач, рев.

pish I тьфу, фи! ; II говорить "тьфу", "фи"; выражать презрение; **to pish at smb.** относиться к кому-л. с презрением.

pitter-patter I частое легкое постукивание; II часто и легко (ударять, стучать и т.п.).

plop I 1. звук от падения в воду без всплеска; 2. падение в воду; II 1. без всплеска; 2. внезапно; III 1. бултыхнуть(ся), хлопнуть(ся), шлепнуть(ся); IV. бултых!, шлеп!

pop I 1. отрывистый звук (хлопушки и т.п.); 2. выстрел; 3. шипучий напиток; II 1. хлопать, выстреливать (о пробке); 2. трескаться (о каштанах в огне и т.п.); 3. *разг.* палить, стрелять; 4. совать, всовывать; 5. бросаться, швырять; 6. *разг.* внезапно спросить, огорошить вопросом; 7. закладывать; 8. *амер.* поджаривать кукурузные зерна; III хлоп!

popple I плескание, плеск; II 1. плескаться, волноваться; 2. вскипать, бурлить.

pound I тяжелый удар; II 1. толочь; 2. бить, колотить; 3. колотиться, сильно биться (о сердце); 4. бомбардировать; 5. тяжело скакать; с трудом продвигаться; **to pound one's gums** болтать языком; **to puond one's ear** помять ушко.

prattle I лепет, болтовня; II лепетать, болтать.

pshaw I фи!, фу!, тьфу!; II выражать пренебрежение, фыркать.

pule хныкать; скулить; пищать.

purr I мурлыканье, урчание; II 1. мурлыкать, урчать; 2. *перен.* говорить мягким, успокаивающим тоном.

rah-rah *амер.* студенческий; по-студенчески шумный, веселый; **rah-rah boys** студенты, предпочитающие занятиям веселое времяпровождение; веселые бездельники.

rap I легкий удар; стук; II 1. слегка ударять; 2. стучать; 3. резко отвечать; 4. *амер. сленг* отчитать.

rash шуршание.

rasp I 1. дребезжание; скрежет; скребущий звук; 2. *тех.* рашпиль; II 1. скрести, тереть; подпиливать, соскабливать; строгать; 2. дребезжать, издавать резкий, скрежещущий звук; 3. раздражать, резать ухо; 4. пиликать (на скрипке и т.п.).

rasper 1. *разг.* раздражающий; 2. неприятный, нудный человек.

rasping 1. скрежещущий, резкий, режущий (о звуке); 2. скрипучий (о голосе); 3. раздражительный.

raspberry 1. *жарг.* пренебрежение; 2. грубое фырканье; 3. пф!, фу!; **to get the raspberry** а) получить грубый отказ; от ворот поворот; б) получить нагоняй, разнос.

rattle I 1. треск, грохот; дребезжание; стук; 2. шумная болтовня, веселье, суматоха; 3. детская погремушка; 4. трещотка (ночного сторожа); 5. кольца на хвосте гремучей змеи; 6. *разг.* трещотка, болтун, пустомеля; 7. хрипение; **death rattle** предсмертный хрип; II 1. трещать, грохотать; греметь (посудой, ключами и т.п.); дребезжать, сильно стучать; 2. двигаться, мчаться или падать с грохотом; 3. говорить быстро, громко; болтать; отбарабанить (урок, речь, стихи, музыкальную пьесу); 4. *разг.* смущать, волновать, пугать; **to get rattled** терять спокойствие, нервничать; 5. *охот.* преследовать, гнать (лису и т.п.).

rattle-box 1. погремушка; 2. *перен.* трещотка, болтун, пустомеля.

rattle-brain пустоголовый, олух, пустомеля, безмозглый.

rattling 1. грохочущий, дребезжащий, шумный; 2. сильный (о ветре), быстрый, энергичный (о походке); 3. *разг.* сногсшибательный; **to have a rattling time** великолепно провести время.

rattler 1. трещотка, болтун, пустомеля; 2. *разг.* что-то грохочущее или дребезжащее; 3. *разг.* что-то сногсшибательное, потрясающее.

rat-tat (громкий) стук в дверь.

rave I 1. бред, бессвязная речь; 2. рев, шум (ветра, моря); II 1. бредить, говорить бессвязно; 2. неистовствовать; 3. говорить восторженно, с энтузиазмом; 4. реветь, выть, бушевать (о море, ветре).

ring I 1. звон, звучание; 2. (телефонный) звонок; 3. перебор колоколов (в церкви); благовест; 4. намек (на); II 1. звенеть, звучать; 2. оглашаться; 3. раздаваться; 4. звонить; **to ring the alarm** ударить в набат.

roar I 1. рев, шум; 2. хохот; **roar of laughter** взрыв смеха, хохота; II 1. реветь орать; рычать; **to roar with laughter** хохотать во все горло; **to roar with pain** реветь от боли; 2. храпеть (о больной лошади).

roaring I 1. рев; свист; шум; 2. *вет.* запал (болезнь лошадей); II 1. шумный, бурный, громкий; **roaring voice** громовой голос; 2. резкий, разгульный, буйный; 3. процветающий; **roaring trade** процветающая торговля; **in roaring health** отличного здоровья; **roaring**

blade *уст.* человек, ведущий разгульный образ жизни.

raw I 1. шум, гвалт; 2. спор, ссора, свалка; 3. негодяй; II 1. скандалить, шуметь; 2. *разг.* делать выговор; отчитывать.

rub-a-dub барабанный бой; трам-там-там.

ruckle I 1. складка, морщина; 2. хрип, хрипение (особ. умирающего); II 1. делать складки, морщины; 2. хрипеть, издавать хрипящие звуки.

rumble I 1. громыхание, грохотанье, грохот; 2. ропот, недовольство; 3. сиденье, место для багажа или слуги позади экипажа; 4. *амер. автомоб.* откидное сиденье; 5. *амер. сленг* драка между бандами; II 1. громыхать, грохотать; 2. сказать громко; 3. урчать.

rustle I шелест, шорох; шуршание; II 1. шелестеть, шуршать; 2. амер. действовать быстро и энергично; 3. *амер. разг.* красть (скот).

rustler 1. *амер. разг.* энергичный человек, делец; 2. *амер. разг.* человек, занимающийся кражей скота.

sabre-rattle бряцать оружием.

screech I 1. визгливый или хриплый крик; 2. скрип, визг (тормозов и т.п.); II 1. визгливо или хрипло кричать; 2. скрипеть, визжать.

screak пронзительно скрипеть, визжать; пронзительно кричать.

scream I 1. вопль, пронзительный крик; визг; 2. *разг.* умора; забавный, уморительный человек, случай и т.п.; II пронзительно кричать, вопить; реветь (о свистке, сирене); **to scream with laughter** умирать со смеху, хохотать до упаду.

screaming 1. пронзительный, резкий, визгливый; 2. вызывающий неудержимый смех, уморительный; 3. *эмоц.* первоклассный, необыкновенный, поразительный.

screamy 1. визгливый, резкий, пронзительный; 2. кричащий, переходящий все допустимые границы; **screamy colours** кричащие краски.

scroop I скрип; II скрипеть.

scuffle I 1. драка; 2. шарканье (ногами); II 1. драться; 2. ходить шаркая ногами.

shoo I кш-ш-ш! (при вспугивании птиц); II вспугивать, прогонять.

shout I крик, возглас; II кричать; **to shout with laughter** громко хохотать.

shriek I пронзительный крик, визг; II пронзительно кричать, визжать; **to shriek with laughter** истерически хохотать.

shrill I пронзительный резкий крик; визг; резкий свисток; II 1. пронзительно кричать; звучать резко и громко; выть; 2. резко выкрикивать; прокричать; III 1. пронзительный, резкий, визгливый; шумный; 2. назойливый, надоедливый.

shrill-gorged горластый.

shrill-tongued, shrill-voiced с пронзительным резким голосом.

shuffle I 1. шарканье; 2. шаркающая походка; 3. ерзанье; 4. трюк, обман, плутня; II 1. шаркать (ногами), волочить (ноги), скользить; 2. уклоняться (от чего-л.); стараться избавиться; 3. ввезти контрабандой; 4. ерзать, беспрерывно шевелиться.

shiffling 1. шаркающий; 2. хитрый, ловкий.

sibilant 1. свистящий, шипящий; 2. *фон.* свистящий или шипящий звук.

sibilate 1 произносить с присвистом; 2. шипеть.

sibilation 1. свист, присвист; шипение; 2. шуршание, шелест.

sigh I вздох; II 1. вздыхать; 2. тосковать по кому-л.

sing I 1. свист (пули), шум (ветра), звон (в ушах); 2. *разг.* спевка, пение; II 1. петь; 2. воспевать; 3. ликовать; 4. гудеть (о ветре), свистеть (о пуле); звенеть (в ушах).

sizzle I *разг.* шипение; шипящий звук (при жаренье на огне); II шипеть (при жаренье); 2. обжигать, испепелять.

skirl I 1. звук волынки; 2. резкий, пронзительный звук; II 1. играть на волынке; 2. громко петь или играть.

skirr I 1. скрип, скрежет (механизмов); 2. шум (крыльев); II *книжн.* убегать, спасаться бегством; носиться; мчаться (рассекая воздух).

slam I 1. хлопанье (дверьми); 2. *амер. разг.* резкая критика; II 1. хлопать, захлопываться; 2. бросать со стуком; швырять; 3. *амер. разг.* раскритиковать; 4. *амер. разг.* ругаться.

slap I шлепок; **a slap in the face** пощечина; II хлопать, шлепать; III вдруг; прямо; **to run slap into smb.** налететь с размаху на кого-л.

slat хлопать (о парусе).

smack I 1. чмоканье; 2. звонкий поцелуй; 3. звонкий шлепок, хлопок; II 1. чмокать губами; 2. хлопать; шлепать.

smacker 1. *разг.* звонкий удар, шлепок, хлопок; 2. звонкий поцелуй.

snap I. треск; щелканье, щелчок; 2. застежка, защелка, замочек (браслета); 3. резкая отрывистая речь; 4. кусочек; 5. моментальный снимок; 6. энергия, живость; предприимчивость; II 1. щелкать, лязгать, хлопать чем-л.; 2. защелкиваться; 3. цапнуть, укусить; 4. огрызаться; 5. ухватиться; 6. сломаться, порваться; 7. делать моментальный снимок.

snapper 1. грубиян; 2. злая собака; 3. колкое, язвительное замечание.

snarl I 1. рычание; 2. ворчание; II 1. рычать; огрызаться; 2. приводить в беспорядок.

snick I щелканье, звук щелчка; II производить щелкающий звук, щелкать; **snick up!** черт побери!

snicker I 1. ржание; 2. хихиканье, смешок; II 1. тихо ржать; 2. хихикать.

sniff I 1. сопение; 2. (презрительное) фырканье; 3. вдох, втягивание носом; II 1. сопеть; 2. (презрительно) фыркать; 3. вдыхать, втягивать носом; 4. нюхать, чуять.

sniffy 1. высокомерный, чванливый; 2. попахивающий, с запашком; 3. *редк.* со скверным характером, колючий.

snigger 1. хихиканье, подавленный смешок; II хихикать.

snore I храп; II храпеть.

snort I фырканье; храпение; II 1. фыркать; храпеть; 2. пыхтеть (о машине).

snuffle I 1. сопение; 2. гнусавость; 3. *мно.* насморк; II 1. сопеть; 2. говорить в нос, гнусавить.

sough I 1. шелест, легкий шум (ветра); 2. монотонный звук, слух, молва; II 1. шелестеть; 2. тяжело или шумно дышать; 3. говорить со вздохами; 4. *шотл.* бормотать.

splash I 1. плеск, всплеск; 2. брызги, брызганье; 3. пятно; 4. красочное пятно; 5. выставление напоказ; II 1. плескать(ся); 2. шлепать (по грязи, воде); 3. забрызгивать; 4. шлепнуться, бултыхнуться.

splutter I 1. бессвязная речь, лопотание; 2. брызги, 3. шипение; II 1. говорить быстро и бессвязно, лопотать;

2. брызгать слюной, плеваться; 3. шипеть, трещать (об огне, жире и т.д.).

sputter I 1. брызги; 2. шипение; 3. суматоха, шум; II 1. брызгать слюной; плеваться; 2. делать кляксы (о пере); 3. шипеть, трещать (об огне, жире и т.д.).

squawk I 1. пронзительный крик (птицы); 2. *разг.* громкая жалоба, протест; II 1. пронзительно кричать (о птице); 2. *разг.* громко жаловаться, протестовать.

squall I вопль, пронзительный крик, визг; II вопить, пронзительно кричать; визжать (о детях).

squeak I 1. писк; 2. скрип; II 1. пищать; пропищать; 2. скрипеть; 3. *разг.* доносить, выдавать.

squeaker 1. пискун; визгун; птенец (особ. голубенок); 2. *разг.* поросенок; 3. *жарг.* доносчик.

squeal I 1. визг, пронзительный крик; 2. *сленг* доносчик; II 1. визжать, пронзительно кричать, визгливо произносить; 2. *сленг* жаловаться, протестовать; 3. *сленг* доносить; выдавать; **to make smb. squeal** шантажировать, вымогать деньги.

squelch I 1. хлюпанье; 2. отпор, уничтожающий ответ; II 1. хлюпать; 2. раздавить ногой, уничтожить; 3. подавить; 4. заставить замолчать.

strum I бренчание, треньканье; II бренчать, тренькать.

stutter I заикание; II заикаться, запинаться; **to stutter an apology** неуверенно пробормотать извинение.

susurration *редк.* 1. шепот; 2. легкий шорох.

tap I 1. легкий стук или удар; 2. *множ. амер. воен.* сигнал тушить огни (в казармах); отбой; 3. набойка (на каблуке); II 1. стучать, постукивать, обстукивать; хлопать; 2. набивать набойку (на каблук).

tattle I болтовня; пустой разговор; сплетни; II болтать, судачить; сплетничать.

tattler 1. болтун, сплетник; 2. ручные часы с боем.

tehee I хихиканье; II хихикать.

thud I глухой звук, стук (от падения тяжелого тела); II 1. свалиться, шлепнуться, бухнуться; 2. ударяться с глухим стуком.

thump I тяжелый удар (кулаком, дубинкой); глухой звук (удара); II 1. наносить тяжелый удар, ударять, стучать; 2. ударяться; биться с глухим шумом.

thunder I 1. гром; 2. *перен. множ.* осуждение, угрозы, брань, проклятия; 3. раскатистый звук, грохот;

4. *уст. диал.* гроза, буря; II 1. греметь, грохотать, громыхать; 2. *перен.* говорить гневно; обличать; шуметь; 3. говорить громко.

thunderation тысяча чертей! гром и молния!

thwack I (сильный) удар; II бить, колотить.

tick I 1. тиканье; 2. отметка, птичка, галочка; 3. *разг.* мгновение; II 1. тикать; 2. делать отметку, ставить птичку; **what makes him tick?** что придает ему силы?

tick-tack 1. тиканье, тик-так; 2. *детск.* часы, часики; 3. звук биения сердца; 4. ручная сигнализация помощника букмекера в ходе скачек.

tick-tack-toe игра в крестики и нолики.

ting I звон, звяканье, дзиньканье; **the sharp ting of a handbell** пронзительный звук колокольчика; II 1. звонить в колокольчик; 2. звенеть, дзинькать.

ting-a-ling, ting-a-ring звяканье, дзиньканье, дзинь.

tingle I 1. звон в ушах; 2. покалывание, пощипывание; колотье; II 1. испытывать покалывание (в онемевших частях тела), пощипывание (на морозе); 2. боль, зуд; 3. вызывать звон (в ушах), колоться, щипать; 4. гореть от стыда; 5. дрожать, трепетать.

tinkle I звон колокольчика или металлических предметов; звяканье; II звенеть; звонить; звякать.

titter I хихиканье; II хихикать.

tittle-tattle I сплетни, болтовня, слухи; II сплетничать, распространять слухи.

toll I 1. звон (колокольный); благовест; 2. погребальный звон; II 1. медленно и мерно ударять в колокол, благовестить; 2. звонить по покойнику; 3. отбивать часы.

toot I звук рога; гудок; свисток; II трубить в рог или рожок; давать гудок.

tootle I звук трубы, флейты; II 1. издавать негромкие звуки, негромко трубить, играть на флейте и т.п.; 2. писать чепуху.

tremble I дрожь, дрожание; II 1. дрожать, трястись; 2. страшиться, опасаться; трепетать; 3. колыхаться, развеваться (о флагах).

tremblement 1. дрожь, дрожание; 2. *редк.* нечто ужасное, приводящее в трепет.

trembling I 1. дрожь, дрожание; 2. страх, трепет; **in fear and trembling** в страхе и трепете, трепеща; II. дрожащий, трепещущий.

tush фу!, тьфу!

tu-whoo I подражание крику совы; II подражать крику совы.

twang I 1. резкий звук натянутой струны; 2. гнусавый выговор; 3. *разг.* местный говор; II 1. звучать (о струне); 2. перебирать струны; 3. *разг.* брен ать; 4. гнусавить; **to twang on violin** пиликать на скр ке.

twitter I 1. щебет, щебетание; 2. *разг.* возбуждение, волнение; II 1. щебетать, чирикать; 2. болтать; хихи- ать.

wheeze I 1. тяжелое дыхание, одышка, хрип; 2. *театр.* отсебятина; 3. *разг.* блестящая идея; II дышать с присвистом, хрипеть; **wheeze out** прохрипеть.

whimper I хныканье, нытье; вой, визг (щенка); II хныкать, скулить, завывать (о ветре); журчать.

whine I жалобный вой, хныканье, нытье; II 1. скулить, хныкать, плакаться; 2. подвывать, завывать.

whinny I тихое или радостное ржание; II тихо ржать.

whirr I 1. шум (машин); 2. жужжание; II 1. шуметь (о машинах); 2. проноситься с шумом, свистом; вспархивать с шумом; 3. жужжать.

whist I свист (пули, брошенного камня); II 1. говорить "тсс!", шикать; 2. ошикать кого-л.; 3. свистеть (о пуле, ветре).

whisht I возглас "тсс!"; шиканье; **to hold one's whisht** молчать; II молчать; говорить "тсс!", шикать; III немой, безмолвный, молчащий.

whisper I 1. шепот; 2. слух, слушок, молва; **to give the whisper** *разг.* намекнуть; 3. шорох, шуршание; II 1. говорить шепотом, шептать; 2. сообщать по секрету; шептаться; 3. шелестеть, шуршать.

whisperer шептун, наушник, сплетник, злоязычник.

whistle I 1. свист; 2. свисток; 3. *разг.* горло, гортань, глотка; **to pay for one's whistle** дорого платить за свою прихоть; II 1. свистеть; давать свисток (как сигнал); 2. насвистывать (мотив и т.п.) 3. проноситься со свистом.

whistler I . *вор. жарг.* "стукач", тайный осведомитель; 2. полицейская машина; 3. поставщик спиртного.

whiz(z) I 1. свист (рассекаемого воздуха); 2. *амер. сленг* ловк сделка; 3. *амер. сленг* нечто замечательное; 4. *амер. сленг* молодчина; ловкий человек; II 1. просвистеть; 2. проноситься со свистом.

whizzer трещотка, вертушка (игрушка).

wolf-whistle свист как знак восхищения (при виде красивой женщины).

whoop I 1. возглас, восклицание; 2. коклюшный кашель; **not worth a whoop** гроша ломанного не стоит; II 1. кричать, выкрикивать; 2. кашлять; 3. приветствовать радостными возгласами; 4. чикать; **to whoop it up** затеять ссору, шуметь, буянить.

whoop-de-do 1. *разг.* буйство; шумная гулянка; 2. буйное, несдержанное проявление (чувств); выставление напоказ (чувств, богатств); афиширование, шумиха.

whoop-de-doudle 1. *жарг.* шумиха, раздувание (славы, достоинств); 2. грубая лесть.

whoopee 1. *разг.* возглас (восторга); 2. кутеж, гулянка; **to make whoopee** кутить.

yak I 1. *жарг.* хохот, гогот; 2. смешной анекдот; острота; 3. *редк.* доходчивость комического номера; реакция слушателей на остроты; II 1. шутить, перебрасываться шутками; 2. болтать, разговаривать; III 1. *жарг.* простак; простофиля; деревенщина; 2. *вор. жарг.* закадычный друг, кореш.

yak-yak I *жарг.* болтовня, переливание из пустого в порожнее; II болтать, трепаться.

yap I 1. лай, тявканье; **to give a yap** тявкнуть; 2. *перен. разг.* брехня, болтовня; 3. *жарг.* горлодер; хулиган, хам; 4. *жарг.* рот, глотка; **to open one's yap** разинуть глотку, начать кричать, "лаяться"; II 1. лаять, брехать, тявкать; 2. *перен.* огрызаться, ворчать; 3. *жарг.* брехать (о человеке).

yawl I 1. *диал.* крик, вскрик, вопль; 2. вой (собаки); 3. кошачья музыка, кошачий концерт; II 1. кричать, вопить; 2. выть; 3. орать (о кошках).

yawp I 1. *разг.* вскрикнуть, взвизгнуть, пискнуть, пищать; 2. *жарг.* драть горло; чесать языки; 3. *разг.* зевать во весь рот; разевать рот, глазеть на кого-л.

yelp I визг; лай; II визжать, лаять, тявкать.

yowl I вой; II выть.

Звукоподражания и образо-подражания казахского языка

А

Адыраң: адыраң қағу
Ажыраң: ажыраң қағу
Ақшаң: ақшаң қағу
Алшаң: алшаң қағу
Арбаң: арбаң қағу
Арп: арп ету
Арс: арс ету
Арсалаң: арсалаң қағу

Ә

Әкірең: әкірең қағу

Б

Баж: баж ету
Байпаң: байпаң қағу, ету
Балпаң: балпаң қағу, ету
Бәйпең: бәйпең қағу, ету
Бәйек: бәйек қағу, болу
Безек: безек қағу
Бипың: бипың қағу
Болп: болп ету
Борп: борп ету
Борс: борс ету
Борт: борт ету
Бұлтаң: бұлтаң қағу, ету
Бұлт: бұлт ету
Бұлтың: бұлтың қағу, ету
Бұлталақ: бұлталақ қағу, ету
Бұлталаң: бұлталаң қағу
Бұлаң: бұлаң қағу, ету
Бұлған: бұлған қағу, ету
Бұлғалаң: бұлғалаң қағу, ету
Бұлғалақ: бұлғалақ қағу, ету
Бұраң: бұраң қағу
Бұралаң: бұралаң қағу
Бұрқ: бұрқ ету
Бұртаң: бұртаң қағу, ету
Бұртың: бұртың қағу, ету
Бүгжең: бүгжең қағу, ету
Бүкең: бүкең қағу
Бүкшең: бүкшең қағу
Бүлк: бүлк ету
Бүлкек: бүлкек қағу
Бүлкең: бүлкең қағу
Бүрсең: бүрсең қағу
Быж: быж ету
Былқ: былқ ету
Былаң: былаң қағу, ету
Былған: былған қағу, ету
Былғалаң: былғалаң қағу, ету
Быр: быр ету
Бырқ: бырқ ету
Бырт: бырт ету

Г

Гу: гу ету
Гүж: гүж ету
Гүмп: гүмп ету
Гүр: гүр ету
Гүрс: гүрс ету

Д

Дабыр: дабыр қағу
Далаң: далаң қағу
Далбаң: далбаң қағу, ету
Далбалаң: далбалаң қағу
Далбалақ: далбалақ қағу
Даңғыр: даңғыр қағу
Дардаң: дардаң қағу
Деден: дедең қағу
Дедек: дедек қағу

Делбең: делбең қағу
Делдек: делдек қағу
Делдең: делдең қағу
Дөңк: дөңк ету
Ду: ду ету
Дүбір: дүбір қағу
Дүмп: дүмп ету
Дүңк: дүңк ету
Дүп: дүп ету
Дүр: дүр ету
Дүрс: дүрс ету
Дүсір: дүсір ету, қағу
Дыз: дыз ету
Дың: дың ету
Дыңқ: дыңқ ету
Дыңғыр: дыңғыр қағу
Дыр: дыр ету
Дік: дік ету
Дікең: дікең қағу
Діңк: діңк ету
Дірдек: дірдек қағу
Дірдең: дірдең қағу

Е

Ебелек: ебелек қағу
Ебелең: ебелең қағу
Едірең: едірең ету
Ежірең: ежірең қағу
Елбең: елбең ету
Елбелең: елбелең қағу
Елп: елп ету
Елпең: елпең ету, қағу
Ербең: ербең қағу, ету

Ж

Жайраң: жайраң қағу, ету
Жайқаң: жайқаң қағу
Жалақ: жалақ қағу
Жалаң: жалаң қағу
Жалп: жалп ету, беру
Жалтаң: жалтаң қағу
Жалтақ: жалтақ қағу, ету
Жалмаң: жалмаң қағу, ету
Жалбаң: жалбаң қағу, ету
Жампаң: жампаң қағу, ету
Жарбаң: жарбаң қағу, ету
Жарқ: жарқ ету, беру
Жаутаң: жаутаң қағу, ету
Жаутақ: жаутақ қағу
Желп: желп ету
Желбең: желбең қағу
Жылмаң: жалмаң қағу, ету
Жылп: жылп ету, беру
Жылтың: жылтың қағу, ету
Жылпың: жылпың қағу, ету
Жымп: жымп ету, беру
Жымпың: жымпың қағу
Жып: жып ету, беру
Жыпың: жыпың қағу, ету
Жыпылық: жыпылық қағу
Жырқ: жырқ ету
Жыртаң: жыртаң қағу
Жыртың: жыртың қағу

З

Зу: зу ету
Зымп: зымп ету, беру
Зыр: зыр ету, қағу
Зырқ: зырқ ету

И

Ирелең: ирелең қағу

Қ

Кекең: кекең қағу, ету
Кекжең: кекжең қағу, ету
Кемсең: кемсең қағу

Кердең: кердең қағу
Кикең: кикең қағу, ету
Кирелең: кирелең қағу, ету
Кіж: кіж ету
Кіжің: кіжің қағу, ету
Кідің: кідің қағу, ету
Кілк: кілк ету
Кіржің: кіржің қағу, ету
Кіржең: кіржең қағу, ету
Кірш: кірш ету
Күж: күж ету
Күлмең: күлмең қағу
Күмп: күмп ету, беру
Күңк: күңк ету
Күп: күп ету, беру
Күрс: күрс ету
Күр: күр ету
Күржең: күржең қағу, ету
Күрп: күрп ету, беру
Күңгір: күңгір қағу
Көлбең: көлбең қағу, ету
Көлбек: көлбек қағу, ету
Көлең: көлең қағу, ету
Көлп: көлп ету
Көстең: көстең қағу

Қ

Қадаң: қадаң қағу
Қаздаң: қаздаң қағу
Қайқаң: қайқаң қағу, ету
Қайпаң: қайпаң қағу, ету
Қақшаң: қақшаң қағу, ету
Қалбаң: қалбаң қағу, ету
Қалбақ: қалбақ қағу, ету
Қалбалақ: қалбалақ қағу, ету
Қалбалаң: қалбалаң қағу, ту
Қалт: қалт ету
Қалтаң: қалтаң қағу, ету
Қаңқ: қаңқ ету
Қарқ: қарқ ету
Қиқаң: қиқаң қағу, ету
Қипақ: қипақ қағу
Қипың: қипың қағу
Қиралаң: қиралаң қағу
Қисалаң: қисалаң қағу
Қодыраң: қодыраң қағу, ету
Қодаң: қодаң қағу, ету
Қожаң: қожаң қағу, ету
Қойқаң: қойқаң қағу, ету
Қоқ: қоқ ету
Қоқыраң: қоқыраң қағу, ету
Қолп: қолп ету
Қолпаң: қолпаң қағу, ету
Қолбаң: қолбаң қағу, ету
Қомпаң: қомпаң қағу, ету
Қоңқ: қоңқ ету
Қопаң: қопаң қағу, ету
Қор: қор ету
Қорс: қорс ету
Қорбаң: қорбаң қағу, ету
Қоржаң: қоржаң қағу, ету
Құтың: құтың қағу, ету
Құйтың: құйтың қағу, ету
Құржың: құржың қағу, ету
Құрқ: құрқ ету
Құнжың: құнжың қағу, ету
Қыбыжық: қыбыжық қағу, ету
Қылжаң: қылжаң қағу, ету
Қылқ: қылқ ету
Қылп: қылп ету
Қылт: қылт ету
Қылтың: қылтың қағу, ету
Қылмаң: қылмаң қағу, ету
Қымың: қымың қағу, ету
Қыңқ: қыңқ ету

Л

Лақ: лақ ету
Лап: лап ету, беру
Лоқ: лоқ ету
Лық: лық ету
Лып: лып ету, беру
Лүп: лүп ету

М

Майман: майман қағу, ету
Майпан: майпан қағу, ету
Малжан: малжан қағу
Малман қағу, ету
Митың: митың қағу, ету
Монтан: монтан қағу, ету
Мөлтең қағу, ету
Мүңк: мүңк ету
Мықшың: мықшың қағу, ету
Мыңқ: мыңқ ету
Мырс: мырс ету

О

Одыраң: одыраң қағу, ету
Ожыраң: ожыраң қағу, ету
Оқыраң: оқыраң қағу, ету
Ордан: ордан қағу, ету

П

Пырт: пырт ету
Пыр: пыр ету
Пыс: пыс ету
Пыш: пыш ету

С

Салпақ: салпақ қағу, ету
Салпаң: салпаң қағу, ету
Салдыр: салдыр қағу, ету
Саңқ: саңқ қағу ету
Сарт: сарт қағу ету
Секең: секең қағу, ету
Секек: секек қағу, ету
Селк: селк ету
Селт: селт ету
Селтең: селтең қағу, ету
Сидаң: сидаң қағу, ету
Сипаң: сипаң қағу, ету
Сипалаң: сипалаң қағу, ету
Созалаң: созалаң қағу, ету
Солаң: солаң қағу, ету
Солқ: солқ ету
Сопаң: сопаң қағу, ету
Сөлең: сөлең қағу, ету
Сөлпең: сөлпең қағу, ету
Сөмең: сөмең қағу, ету
Сөмпең: сөмпең қағу, ету
Суман: сумаң қағу, ету
Сұлқ: сұлқ ету
Сүйрең: сүйрең қағу, ету
Сүмең: сүмең қағу, ету
Сыбдыр: сыбдыр қағу, ету
Сылаң: сылаң қағу, ету
Сылқ: сылқ ету
Сылп: сылп ету
Сылпың: сылпың қағу, ету
Сылт: сылт ету
Сылтың: сылтың қағу, ету
Сыпмың: сымпың қағу, ету
Сымп: сымп ету
Сыңқ: сыңқ қағу, ету
Сыңғыр: сыңғыр қағу, ету
Сып: сып ету, беру
Сыпсың: сыпсың қағу, ету
Сыр: сыр ету
Сырт: сырт ету

Т

Тайраң: тайраң қағу, ету
Тайпаң: тайпаң қағу, ету
Тақ: тақ ету
Тақақ: тақақ қағу
Талтаң: талтаң қағу, ету
Талпаң: талпаң қағу, ету
Таңқ: таңқ ету
Тап: тап ету, беру
Тарс: тарс ету
Тарп: тарп ету
Тәлпең: тәлпең қағу
Тәмпең: тәмпең қағу
Тәштең: тәштең қағу, ету
Телмең: телмең қағу, ету
Тепең: тепең қағу, ету
Томп: томп ету
Томпаң: томпаң қағу, ету
Тоңқаң: тоңқаң қағу, ету
Горс: торс ету
Горсаң: торсаң қағу, ету
Тұштаң: тұштаң қағу, ету
Тыз: тыз ету
Тық: тық ету
Тықақ: тықақ қағу, ету
Тықаң: тықаң қағу, ету
Тымп: тымп ету
Тымпың: тымпың ету, қағу
Тып: тып ету
Тыпыр: тыпыр қағу, ету
Тыр: тыр ету
Тыраң: тыраң қағу, ету
Тыржаң: тыржаң қағу, ету
Тырбаң: тырбаң қағу, ету
Тыртың: тыртың қағу, ету
Тыртаң: тыртаң қағу, ету
Тырс: тырс ету
Тыс: тыс ету
Тысыр: тысыр ету, қағу
Тыштың: тыштың қағу, ету
Тік: тік ету
Тікің: тікің қағу, ету
Тікең: тікең қағу, ету

Ш

Шақ: шақ ету
Шаңқ: шаңқ ету
Шалп: шалп ету
Шап: шап ету, беру
Шар: шар ету
Шарт: шарт ету
Шойнаң: шойнаң қағу, ету
Шоқаң: шоқаң қағу, ету
Шолжаң: шолжаң қағу, ету
Шолп: шолп ету
Шолтаң: шолтаң қағу, ету
Шомп: шомп ету, беру
Шоп: шоп ету
Шөлп: шөлп ету
Шөмең: шөмең қағу
Шөпең: шөпең қағу, ету
Шұнаң: шұнаң қағу, ету
Шұр: шұр ету
Шүп: шүп ету
Шыбжың: шыбжың қағу, ету
Шыбжаң: шыбжаң қағу, ету
Шыж: шыж ету
Шық: шық ету
Шылп: шылп ету
Шылдыр: шылдыр ету, қағу
Шың: шың ету
Шыңқ: шыңқ ету
Шып: шып ету, беру
Шыр: шыр ету
Шырт: шырт ету
Шытыр: шытыр ету
Шілдір: шілдір ету, қағу

Шіңк: шіңк ету
Шің: шің ету

Ы

Ыз: ыз ету
Ызың: ызың ету, қағу
Ылп: ылп ету, беру
Ың: ың ету
Ыр: ыр ету
Ырбаң: ырбаң қағу, ету
Ырбың: ырбың қағу, ету
Ыржың: ыржың қағу, ету
Ырқ: ырқ ету
Ырс: ырс ету
Ырсың: ырсың қағу, ету
Ыс: ыс ету

І

Ірк: ірк ету

Парные звукоизобразительные слова

А

Ағараң-ағараң
Адыраң-адыраң
Ажыраң-ажыраң
Ақшаң-ақшаң
Алақ-жұлақ
Алаң-жұлаң
Алай-түлей
Алау-жалау
Албыр-салбыр
Алба-жалба
Алба-жұлба
Алжа-алжа
Алқа-алқа
Алқа-салқа
Алқам-салқам
Алқам-алқам
Алшаң-алшаң
Алшақ-алшақ
Алым-салым
Аңқалаң-аңқалаң
Апар-топар
Апалаң-топалаң
Апалақ-апалақ
Апалақ-сапалақ
Апыл-құпыл
Апыл-тапыл
Апыраң-тапыраң
Ар-ар
Ар-ұр
Арбаң-арбаң
Арс-арс
Арс-ұрс
Арс-күрс
Арсаң-арсаң
Арсалаң-арсалаң
Арса-арса

Ә

Әкірең-әкірең
Әлем-жәлем
Әлем-жалам
Әлкек-тәлкек
Әлпеш-тәлпеш
Әпі-тәпі
Әпірең-әпірең
Әуп-әуп

Б

Бадыраң-бадыраң
Баж- баж
Баж- бұж
Бажаң- бажаң
Бажбаң- бажбаң
Бажыраң- бажыраң

Байпаң- байпаң
Бақ- бақ
Бақшаң- бақшаң
Бал- бұл (жайнау)
Балдыр- бұлдыр
Балп- балп
Балп- бұлп
Балпаң- балпаң
Бар- бар
Бар- бұр
Барқ- барқ
Барқ- бұрқ
Батыр- батыр
Бытыр- бұтыр
Бәйпек- бәйпек
Бәйек- бәйек
Бебеу- бебеу
Без- без
Безек- безек
Бипың- бипың
Болп- болп
Борт- борт
Бортаң- бортаң
Борп- борп
Будақ- будақ
Бұжыр- бұжыр
Бұлт- бұлт
Бұлдыр- бұлдыр
Бұлтың- бұлтың
Бұлтаң- бұлтаң
Бұлталаң- бұлталаң
Бұлталақ- бұлталақ
Бұлаң- бұлаң
Бұлың- бұлың
Бұлғаң- бұлғаң
Бұлғақ- бұлғақ
Бұлғалаң- бұлғалаң
Бұлғалақ- бұлғалақ
Бұраң- бұраң
Бұралаң- бұралаң
Бұрқ- бұрқ
Бұрқ- сарқ
Бұртаң- бұртаң
Бұртақ- бұртақ
Бұртың- бұртың
Бұрсаң- бұрсаң
Бүгжең- бүгжең
Бүгежек- бүгежек
Бүкең- бүкең
Бүкшең- бүкшең
Бүлк- бүлк
Бүлкек- бүлкек
Бүрсең- бүрсең
Быж- быж
Быж- тыж
Былп- былп
Былдыр- былдыр
Былқ- сылқ
Былш- былш
Былаң- былаң
Былғаң- былғаң
Былғалаң- былғалаң
Былғақ- былғақ
Быр- быр
Бырқ- бырқ
Бырт- бырт
Бырс- бырс
Бырш- бырш
Бытыр- бытыр

Г

Гу-гу
Гуж- гүж
Гүл -гүл (жайнау)
Гүлдір - гүлдір
Гүмп- гүмп
Гүмбір- гүмбір
Гүп- гүп
Гүр- гүр
Гүрс-гүрс

Д

Дабыр- дабыр
Дал- дұл
Далаң-далаң
Далаң-дұлаң
Далақ-далақ
Далақ-дұлақ
Дала-дала
Далбаң - дұлбаң
Далбақ - дұлбақ
Далбалаң - далбалаң
Далбалақ - далбалақ
Далба - далба
Далп-далп
Далп-дұлп
Далдан-далдаң
Далдың-дұлдың
Даң-дұң
Даңғыр-даңғыр
Даңғыр-дұңғыр
Дар-дар
Дардаң-дардаң
Дардаң-дұрдаң
Дедең-дедең
Дедек-дедек
Делең-делең
Делдек-делдек
Делдең-делдең
Делбең-делбең
Деңк-деңк
Дода-дода
Дордаң-дордаң
Ду-ду
Дүбір-дүбір
Дүмбір-дүмбір
Дүмп-дүмп
Дүңгір-дүңгір
Дүңк-дүңк
Дүр-дүр
Дүрс-дүрс
Дүрк-дүрк
Дыз-дыз
Дың-дың
Дыңқ-дыңқ
Дыңғыр-дыңғыр
Дігір-дігір
Дікең-дікең
Дік-дік
Діңк-діңк
Дір-дір
Дірдек-дірдек
Дірдең-дірдең

Е

Ебелең-ебелең
Едірең-едірең
Ежірең-ежірең
Елбең-елбең
Елбелек-елбелек
Елбелең-елбелең
Елең-елең
Елең-селең
Елп-елп
Елпең-елпең
Еңк-еңк
Еңкең-еңкең
Ербең-ербең

Ж

Жайнаң-жайнаң
Жайраң-жайраң
Жайқаң-жайқаң
Жалаң-жалаң
Жалаң-жұлаң
Жалақ-жалақ
Жалақ-жұлақ
Жалт-жалт
Жалт-жұлт
Жалт-жылт
Жалтаң-жалтаң

Жалтаң-жұлтаң
Жалтақ-жұлтақ
Жалмаң-жалмаң
Жалмаң-жұлмаң
Жалп-жалп
Жалп-жұлп
Жалбаң-жалбаң
Жалбаң-жұлбаң
Жалба-жалба
Жалба-жұлба
Жалым-жұлым
Жапмаң-жұмпаң
Жарбаң-жарбаң
Жарқ-жұрқ
Жарқ-жарқ
Жаутаң-жаутаң
Жаутақ-жаутақ
Жәутең-жәутең
Желп-желп
Желпең-желпең
Желең-желең
Желбең-желбең
Желк-желк
Жыбыр-жыбыр
Жылт-жылт
Жылтың-жылтың
Жылп-жылп
Жылпың-жылпың
Жылмаң-жылмаң
Жылмың-жылмың
Жымың-жымың
Жым-жырт
Жымп-жымп
Жымпың-жымпың
Жып-жып
Жыпың-жыпың
Жыпық-жыпық
Жыпылық-жыпылық
Жырқ-жырқ
Жыртың-жыртың
Жыртаң-жыртаң
Жыртақ-жыртақ
Жырым-жырым
Жұлым-жұлым
Жұлма-жұлма

З

Зеңк-зеңк
Зу-зу
Зым-зым
Зымп-зымп
Зың-зың
Зыңқ-зыңқ
Зып-зып
Зыр-зыр
Зырқ-зырқ
Зірк-зірк

И

Ирең- ирең
Ирелең-ирелең
Ирек-ирек
Иір-иір

К

Кекең-кекең
Кекжең-кекжең
Кекең-секең
Кемсең-кемсең
Кеңк- кеңк
Керден - керден
Кикең - кикең
Кикің - кикің
Кикелең - кикелең
Кирең - кирең
Китің - китің
Кібір - кібір
Кідің - кідің
Кіж - кіж

Кіжің - кіжің
Кілт- кілт
Кілк- кілк
Кіржең - кіржең
Кіржің - кіржің
Кірбең - кірбең
Кірбің - кірбің
Кірш - кірш
Күбір - күбір
Күбір - сыбыр
Күбің- күбің
Күбіжік- күбіжік
Күбжің- күбжің
Күж - күж
Күйкің - күйкің
Күйбең - күйбең
Күйбің - күйбің
Күйгелек - күйгелек
Күйгелең - күйгелең
Күлмең - күлмең
Күлім - күлім
Күлдір - күлдір
Күлк - күлк
Күмбір - күмбір
Күмп - күмп
Күңгір - күңгір
Күрп - күрп
Күр - күр
Күрк - күрк
Күржің - күржің
Күрс - күрс
Күтір - күтір

Қ

Қаздаң - қаздаң
Қаздақ - қаздақ
Қайқаң - қайқаң
Қайпаң - қайпаң
Қайпаң - құйпаң
Қайнаң - қайнаң
Қайнаң - құйнаң
Қайраң - қайраң
Қайраң - құйраң
Қақаң - қақаң
Қақшаң - қақшаң
Қалбаң - қалбаң
Қалбаң - құлбаң
Қалбақ - құлбақ
Қалбалақ - қалбалақ
Қалбалаң - қалбалаң
Қалбалаң - құлбалаң
Қалжаң - қалжаң
Қалжаң - құлжаң
Қалт - қалт
Қалтаң - қалтаң
Қалтаң - құлтаң
Қалш - қалш
Қалш - құлш
Қаңқ - қаңқ
Қаңқ - құңқ
Қаңғыр - қаңғыр
Қаңғыр - күңгір
Қаңғалақ - қаңғалақ
Қапалаң - қапалаң
Қарқ - қарқ
Қарбаң - қарбаң
Қарбаң - құрбаң
Қарш - қарш
Қарш - құрш
Қараң - қараң
Қараң - құраң
Қатыр - қатыр
Қатыр - күтір
Қатыр - қытыр
Қаужаң - қаужаң
Қаужаң - қужаң
Қиқаң - қиқаң
Қиқаң - сиқаң
Қиқа - жиқа
Қипақ - қипақ
Қипалақ - қипалақ

Қипалаң - қипалаң
Қипың - қипың
Қипық - қипық
Қыпылық - қипылық
Қипақ - сипақ
Қиран - қиран
Қиралаң - қиралаң
Қисаң - қисаң
Қисалаң - қисалаң
Қодаң - қодаң
Қодыраң - қодыраң
Қож - қож
Қож - күж
Қожаң - қожаң
Қожалақ - қожалақ
Қожыраң - қожыраң
Қойқаң - қойқаң
Қоқ - қоқ
Қоқ - құқ
Қоқаң - коқаң
Қоқыраң - қоқыраң
Қолп - қолп
Қолпаң - қолпаң
Қолбаң - құлбаң
Қолқ - қолқ
Қомп - қомп
Қомпаң - қомпаң
Қомпаң - құмпаң
Қоңқ - қоңқ
Қопаң - қопаң
Қор - қор
Қорс - қорс
Қорсаң - қорсаң
Қорбаң - қорбаң
Қорбаң - құрбаң
Қорқ - қорқ
Қорқ - күрқ
Қоржаң - қоржаң
Қорп - қорп
Құшың - құшың
Құдың - құдың

Құж - құж
Құйтың - құйтың
Құржаң - құржаң
Құрқ - құрқ
Құрқ - қарқ
Құржың - құржың
Қыбыр - қыбыр
Қыбыр - сыбыр
Қыбыжың - қыбыжың
Қыдың - қыдың
Қыжың - қыжың
Қызараң - қызыраң
Қылжаң - қылжаң
Қылжаң - қылжаң
Қылжақ - қылжақ
Қылжалаң - қылжалаң
Қылмың - қылмың
Қылқ - қылқ
Қылпың - қылпың
Қылт - қылт
Қылтың - қылтың
Қылтың - сылтың
Қылш - қылш
Қымың - қымың
Қымпаң - қымпаң
Қыңқ - қыңқ
Қыңқ- сыңқ
Қыпың - қыпың
Қыпылық - қыпылық
Қыр - қыр
Қыржың - қыржың
Қырқ - қырқ
Қырш - қырш
Қыт - қыт
Қытыр - қытыр

Л

Лақ - лақ
Лап - лап
Лау - лау (жаңу)
Лоқ - лоқ

Лық - лық
Лып - лып
Лүп - лүп

М

Маймаң - маймаң
Майпаң - майпаң
Малмаң- малмаң
Маң - маң
Маңқ - маңқ
Мең - зең
Митың - митің
Митың - митың
Монтаң - монтаң
Мөлт - мөлт
Мөлтең- мөлтең
Мөлтек -мөлтек
Моңқ - моңқ
Мүңк - мүңк
Мыж - мыж
Мыж - тыж
Мықшың - мықшың
Мықшаң - мықшаң
Мылжа - мылжа
Мылжаң - мылжаң
Мыңқ - мыңқ
Мыңғыр - мыңғыр
Мырс - мырс
Мыртың - мыртың
Міңгір - міңгір

О

Одыраң - одыраң
Ожыраң - ожыраң
Ойдым - ойдым
Ойқаң - тойқаң
Ойпаң - тойпаң
Оқыраң - оқыраң
Олбыр - солбыр
Олпы - солпы
Опар - топар
Опыр - топыр
Ордаң - ордаң

Ө

Өкірең - өкірең
Өңк - өңк
Өрім- өрім

П

Пара - пара
Патыр - патыр
Патыр - пұтыр
Пәре - пәре
Пұштың - пұштың
Пұштаң - пұштаң
Пыр - пыр
Пырт- пырт
Пырс - пырс
Пыс- пыс
Пыш - пыш
Піс- піс
Піш - піш

С

Салбалаң - салбалаң
Сабалақ - сабалақ
Сақ - сақ
Сақыр - сақыр
Сақыр - сұқыр
Сал - сал
Салаң - салаң
Салаң - сұлаң
Салаң - сұлақ
Салп - салп
Салп - сұлп
Салпақ - салпақ

Салпаң - салпаң
Салпаң - сұлпаң
Салбақ - сұлбақ
Салбаң - салбаң
Салбаң - сұлбаң
Салдыр - салдыр
Салдыр - сұлдыр
Салдыр - гүлдір
Салдыр - күлдір
Салқам - салқам
Салтаң - салтаң
Самп - сұмп
Самбыр - күмбір
Саңқ - саңқ
Саңқ - сұңқ
Саңғыр - саңғыр
Саңғыр - сұңғыр
Сар - сар
Сар - сұр
Сарқ - сарқ
Сарқ - сұрқ
Сарқ - бұрқ
Сарт - сұрт
Сатпақ - сатпақ
Сатыр - сатыр
Сатыр - күтір
Сатыр - сұтыр
Саудыр - саудыр
Саудыр - судыр
Сауыс - сауыс
Секең - секең
Секең - секең
Селк - селк
Селт - селт
Селтең - селтең
Серең - серең
Сербеи - сербең
Сидаң - сидаң
Сипақ - сипақ
Сипаң - сипаң
Сипалаң - сипалаң
Сойдаң - сойдаң
Солаң - солаң
Солқ -солқ
Солп - солп
Солп- сұлп
Сопаң - сопаң
Состаң - состаң
Сөлең - сөлең
Сөлп - сөлп
Сөлпең -сөлпең
Сөлмең - сөлмең
Сөмпең - сөмпең
Сұлқ - сұлқ
Суман - суман
Судыр - сыдыр
Сұңқ - сұңқ
Сұстаң - сұстаң
Сүйрең - сүйрең
Сүмең - сүмең
Сүмелең - сүмелең
Сыбыр - сыбыр
Сыбыр - күбір
Сыбдыр - сыбдыр
Сық - сық
Сықыр - сықыр
Сықылық - сықылық
Сылаң - сылаң
Сылаң - былаң
Сылдыр - сылдыр
Сылдыр - күлдір
Сылқ - сылқ
Сылп - сылп
Сылпың - сылпың
Сылтың - сылтың
Сымп - сымп
Сымпың - сымпың
Сыңқ - сыңқ
Сыңғыр - сыңғыр
Сып - сып
Сыпың - сыпың
Сыпсың - сыпсың

Сыр - сыр
Сырдаң - сырдаң
Сырдың - сырдың
Сырғаң - сырғаң
Сырғалаң - сырғалаң
Сырқ - сырқ
Сырп - сырп
Сырт - сырт
Сытыр - сытыр
Сатыр - күтір
Сатыр - сұтыр
Саудыр - саудыр
Саудыр - судыр
Сауыс - сауыс
Секең - секең
Селк - селк
Селт - селт
Селтең - селтең
Серең - серең
Сербең - сербең
Сидаң - сидаң
Сипақ -сипақ
Сипаң - сипаң
Сипалаң - сипалаң
Сойдаң - сойдаң
Солаң -солаң
Солқ - солқ
Солп - солп
Солп - сұлп
Сопаң - сопаң
Состаң - состаң
Сөлең - сөлең
Сөлп - сөлп
Сөлпең - сөлпең
Сөлмең - сөлмең
Сөмпең - сөмпең
Сұлқ - сұлқ
Суман - суман
Судыр - судыр
Сұнқ - сұнқ
Сұстаң - сұстаң
Сүйрең - сүйрең
Сүмең - сүмең
Сүмелең - сүмелең
Сыбыр - сыбыр
Сыбыр - күбір
Сыбдыр - сыбдыр
Сық - сық
Сықыр - сықыр
Сықылық - сықылық
Сылаң - сылаң
Сылаң - былаң
Сылдар - сылдыр
Сылдыр - күлдір
Сылқ - сылқ
Сылп - сылп
Сылпың - сылпың
Сылтың - сылтың
Сымп - сымп
Сымпың - сымпың
Сыңқ - сыңқ
Сыңғыр - сыңғыр
Сып - сып
Сыпың - сыпың
Сыпсың - сыпсың
Сыр - сыр
Сырдаң - сырдаң
Сырдың - сырдың
Сырғаң - сырғаң
Сырғалаң - сырғалаң
Сырқ - сырқ
Сырп - сырп
Сытыр - сытыр

Т

Тайтаң - тайтаң
Тайтаң - тұйтаң
Тайталақ - тайталақ.
Тайталаң - тайталаң
Тайман - тайман
Тайран - тайран

Тайрақ - тайрақ
Тайқаң - тайқаң
Тайқақ - тайқақ
Тайсаң - тайсаң
Тайпаң - тайпаң
Тайпақ - тайпақ
Тақ - тақ
Тақ - тұқ
Тақақ- тақақ
Тақыр - тақыр
Тақыр - тұқыр
Талтаң - талтаң
Талтаң - тұлтаң
Талтақ - талтақ
Талп - талп
Талпаң - талпаң
Талпақ - талпақ
Таңқ - таңқ
Таңқ - түңқ
Тап - тұп
Тап - тап
Тапыр - тапыр
Тапыр - тұпыр
Тыпыр - түпір
Тарбаң - тарбаң
Тарбаң - тырбаң
Тарбақ - тарбақ
Тарқ - тарқ
Тарқ - тұрқ
Тарс - тарс
Тарс - түрс
Тарс - күрс
Тарс - торс
Тарсаң - тарсаң
Тарп - тарп
Тарп - тұрп
Тарп - тырп
Тарпаң - тарпаң
Тасыраң - тасыраң
Тасыр - тасыр
Тасыр - тұсыр
Тасыр - түсір
Тас - талқан
Тәй - тәй
Тәлпең - тәлпең
Тәлпек - тәлпек
Тәлкек - тәлкек
Тәлтірек - тәлтірек
Тәлмең - тәлмең
Тәштең - тәштең
Тәштек - тәштек
Текірек - текірек
Теңк - теңк
Тепең - тепең
Тепек- тепек
Тесірең - тесірең
Титың - титың
Тоз - тоз
Тоқ - тоқ
Томп - томп
Томпаң - томпаң
Томпалаң - томпалаң
Тоңқ - тоңқ
Топ - топ
Топыр -топыр
Топыр - тұпыр
Торсаң - торсаң
Тосыраң - тосыраң
Ту - талақай
Тұйқы - түйқы
Тұштаң - тұштаң
Түте - түте
Төп - төп
Тыз - тыз
Тызалақ - тызылақ
Тызалаң - тызалаң
Тық - тық
Тықақ - тықақ
Тықаң - тықаң
Тылтың - тылтың
Тым - тырақай
Тымп - тымп

Тымпың - тымпың
Тым - тырыс
Тымп - тымп
Тыпың - тымпың
Тыпыр - тыпыр
Тып - типыл
Тыр - тыр
Тыраң - тыраң
Тыррау - тыррау
Тырру - тырру
Тырым - тырақай
Тыржың - тыржың
Тырбаң - тырбаң
Тырбалаң - тырбалаң
Тырп - тырп
Тырқ - тырқ
Тыртың - тыртың
Тыртаң - тыртаң
Тырс - тырс
Тыс - тыс
Тысыр - тысыр
Тыштаң - тыштаң
Тік - тік
Тікең - тікең
Тілім - тілім
Ту - талақай
Тұйқы - тұйқы
Түте - түте

У

У - шу
У - ду
У - у
Уәж - уәж

Ұ

Ұбақ - шұбақ
Ұйқы - тұйқы
Ұйпалақ - ұйпалақ
Ұйпалақ - тұйпалақ
Ұйпа - тұйпа
Ұмар - жұмар

Ү

Үдірең - үдірең
Үйме - жүйме
Үйдек - түйдек
Үлп - үлп
Үңірең - үңірең
Үргін - сүргін
Үргелең - үргелең

Ш

Шайқаң - шайқаң
Шайқақ - шайқақ
Шайқалаң - шайқалаң
Шайқалақ - шайқалақ
Шақ - шұқ
Шақыр - шақыр
Шақыр - шұқыр
Шалқақ - шалқақ
Шалқалақ - шалқалақ
Шалжың - шалжың
Шалжаң - шалжаң
Шалжақ - шалжақ
Шалп - шалп
Шалп - шұлп
Шалп - шылп
Шаң - шаң
Шаң - шұң
Шаңқ - шаңқ
Шаңқ - шұңқ
Шап - шап
Шап - шұп
Шапыр - шұпыр
Шапақ - шапақ
Шар - шар
Шар - шыр
Шарт - шарт

Шарт - шұрт
Шарт - сұрт
Шатыр - шатыр
Шатыр - шұтыр
Шаужаң - шаужаң
Шәңк -шәңк
Шәңгір - шәңгір
Шәң - шәң
Шәрт - шәрт
Шәу - шәу
Шелтең - шелтең
Шеп - шеп
Шертең - шертең
Шермең - шермең
Шиқ - шиқ
Шипаң - шипаң
Шойқаң - шойқаң
Шойнаң - шойнаң
Шоқ - шоқ
Шоқақ - шоқақ
Шоқаң - шоқаң
Шоқалақ - шоқалақ
Шоқпыт - шоқпыт
Шолп - шолп
Шолп - шұлп
Шолтаң - шолтаң
Шолтың - шолтың
Шолжың - шолжың
Шолжаң - шолжаң
Шолжалаң - шолжалаң
Шолжақ - шолжақ
Шомп - шомп
Шомақ - шомақ
Шор - шор
Шор - шұр
Шоршаң - шоршаң
Шорт - шорт (үзілу)
Шошаң - шошаң
Шоштақ - шоштақ
Шоштаң - шоштаң
Шөжең - шөжең
Шөжек - шөжек
Шікек - шөкек
Шөлп - шөлп
Шөмең - шөмең
Шөп - шөп
Шөпшең - шөпшең
Шөпшің - шөпшің
Шу - шу
Шумақ - шумақ
Шұбалаң - шұбалаң
Шұқыр - шақыр
Шұнаң - шұнаң
Шұр - шұр
Шұрқ - шұрқ
Шүлдір - шүлдір
Шүмең - шүмең
Шүп - шүп
Шыбжың - шыбжың
Шыбжаң - шыбжаң
Шыж -шыж
Шыж - быж
Шық - шық
Шықылық - шықылық
Шықыр - шықыр
Шылжың - шылжың
Шылдыр -шылдыр
Шылп - шылп
Шылқ - шылқ
Шым - шым
Шымыр - шымыр
Шым - шымыр
Шың - шың
Шыңқ - шыңқ
Шыпшың - шыпшың
Шыпшың - шыпшың
Шып - шып
Шыпыр - шыпыр
Шыпың - шыпың
Шыр - шыр
Шырқ - шырқ
Шырт - шырт

Шымыр - шымыр
Шытыр - шытыр
Шілдір - шілдір
Шіңгір - шіңгір
Шіңк - шіңк
Шің - шің
Шіп - шіп
Шүңк - шүңк

Ы

Ыбыр - жыбыр
Ыбыр - сыбыр
Ығы - жығы
Ыз - ыз
Ызы - қиқы
Ызың - ызың
Ылп - ылп
Ылпың - ылпың
Ың - ың
Ың - жың
Ыңқ - ыңқ
Ыңы - жыңы
Ыр - ыр
Ыраң – тыраң
Ырбаң - ырбаң
Ырбың - ырбың
Ырғаң - жырғаң
Ырғақ - жырғақ
Ыржаң - ыржаң
Ыржың - ыржың
Ыржақ - ыржақ
Ыржаң - тыржаң
Ыржаң - қылжаң
Ырқ - ырқ
Ырғаң - ырғаң
Ырс - ырс
Ырсың - ырсың
Ырш - ырш
Ырым - жырым
Ыс - ыс
Ию - қию

І

Ілп - ілп
Ірк - ірк

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

автомоб. - автомобильное производство
амер. - английский в США
англ. - английский
араб. - арабский
арх. - архаизм
вет. - ветеринария
воен. - военный термин
вор. жарг. - воровской жаргон
вульг. - вульгаризм
детск. - слово языка детей
диал. - диалектизм
древнетюрк. - древнетюркский
евр. - еврейский
каз. - казахский
кирг. - киргизский
книж. - книжное
ласк. - ласкательное слово
литов. - литовский
мед. - медицина
межд. - междометие
множ. - множественное число
мор. - морской термин
муз. - музыкальный термин
нидерл. - нидерландский
осет. - осетинский
особ. - особенно
охот. - охотничий термин
перен. - переносное значение
поэт. - поэтическое
през. - презрительное
пренебр. - пренебрежительное
прост. - просторечное
разг. - разговорное
редк. - редко
рус. - русский
сир. - сирийский
тадж. - таджикский
театр. - театральный жаргон
тех. - технический термин
тув. - тувинский
туркм. - туркменский
узб. - узбекский
уст. - устаревшее слово
фон. - фонетика
хак. - хакасский
шв. - шведский
шотл. - английский в Шотландии
эмоц. - эмоциональное
як. - якутский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие....3
Глава I. Принципы изучения связи формы и значения....6
1.1. Лексикализация звукоподражаний и проблемы происхождения языка....7
1.2. Звукосимволизм и методы его исследования....24
Глава II. Звукоподражательные слова и проблема частей речи....36
2.1. Принципы классификации....36
2.2. Звукоподражания в западноевропейском языкознании....38
2.3. Звукоподражания в русском языкознании....43
2.4. Звукоподражания в тюркологии....47
2.5. Звукоподражания как часть речи....53
Глава III. Количественная характеристика и этимология звукоизобразительных слов....57
3.1. Квантитативная характеристика....58
3.2. Этимология и звукоизобразительность....64
Глава IV. Структура звукоподражательных слов....73
4.1. Опыт фоносемантического анализа....73
4.2. Опыт историко-морфологического анализа основы типа CVCC в тюркских языках....91
Глава V. Деривация звукоподражательных слов....96
5.1. Некоторые теоретические аспекты семантики производных....96
5.2. Семантическая деривация английских звукоподражаний....102
5.3. Семантическая деривация тюркских звукоподражаний....110
Заключение....114
Приложение....116
Список сокращений....154

Научное издание

Хусаинов Кобей Шахметович.
Жубанова Марияш Хорезмовна

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Рекомендовано к печати Ученым советом Института языкознания им. А. Байтурсынова Министерства науки — Академии наук Республики Казахстан

Отпечатано с оригинала,
подготовленного автором

Ответственный за выпуск *А. А. Давыденко*
Корректор *К. Айдарбекова*
Компьютерное макетирование *А. А. Бреус*

Подписано в печать 23.07.98. Формат 84x108¹/32.
Бум. типографская. Гарнитура латинская.
Печать офсетная. Усл.п.л. 8,19. Уч.-изд.л. 8,06.
Тираж 1000. Заказ 101.

Издательство "Ғылым"
480100, Алматы, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства "Ғылым"
480021, Алматы, ул. Шевченко, 28